УЕДИНЕННОЕ
БОГОМЫСЛІЕ,

или

НАСТАВЛЕНІЯ

ХРІСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ,

воскриляющія

ДУШУ

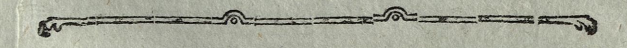
къ

СЕЛЕНІЯМЪ НЕБЕСНЫМЪ

Часть II.

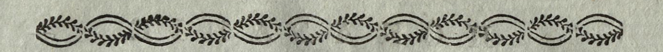

Съ одобренія Московской цензуры.

МОСКВА, 1798.

Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія,

ПОКАЗАНІЕ НАСТАВЛЕНІЙ,

въ сей части содержащихся.

ПОКАЗАНІЕ

Стран.

Уединенное Богомыслие,

или

Наставленія

Христіанской премудрости.

Наставленіе I

О

милосердіи Божіем въ разсужденіи грѣшника.

Сколь удивительно расположеніе Божіе ко грѣшнику! сколь неизреченны милости Его къ нему! — Грѣшникъ по своимъ беззаконіямъ впадаетъ въ три погибельныя преступленія, 1е удаляется отъ Бога, 2е удалившись заблуждаетъ болѣе и болѣе, 3е пришедши во глубину заблужденія, ожесточается въ своихъ студодѣяніяхъ. Въ такомъ положеніи что съ нимъ творитъ Богъ? Три дѣйствія, во всемъ

первымъ противныя. Во время удаленія Онъ призываетъ его къ Себѣ съ любовію; при крайнемъ, такъ сказать, бѣжаніи отъ Себя, стремительно его преслѣдуетъ; при безмѣрномъ ожесточеніи съ долготерпѣніемъ ожидаетъ его обращенія, и всегда готовъ раскаявшагося принять во свои объятія. Коликое милосердіе! Богъ болѣе сего можетъ ли оказывать знаки милости своея къ беззаконнымъ? — Неописанное человѣколюбіе!

Сколь несомнѣнно, а тѣмъ паче удивительно первое дѣйствіе милосердія Божія ко грѣшнику! Едва сей поудалится, то и всяческая предпріемлетъ для возвращенія его. Въ началѣ Господь возраждаетъ въ сердцѣ грѣшника мучительное смущеніе, — мучительное и вмѣстѣ спасительное: ибо грызеніе совѣсти раздираетъ падшаго внутренность, возраждаетъ въ разумѣ его здравое разсужденіе, представляющее ему страхъ въ разсужденіи настоящаго образа жизни, и изображаетъ всѣ гибельныя послѣдствія, непремѣнно за беззаконіями случиться имѣющія; оно показуетъ ему суетность удовольствія, преходящаго мгновенно, и горечь соболѣзнованія, имѣющую продлиться, можетъ быть, вѣчно; оно при-

приводитъ душѣ на память прежнее состоянїе, въ какомъ она находилась до своего паденїя во грѣхъ, пребывая во всемъ очень довольною, и вмѣстѣ противъ всякаго расположенїя вынуждаетъ ее признаться, что она никакъ не нашла иного удовольствїя въ преступленїи, какое въ немъ найти воображала. Кто можетъ изъяснить совершенно сокровенный гласъ Благодати, раздающїйся во внутренности законопреступника?

Богъ лишь только показуетъ грѣшнику злощастное состоянїе его; показуетъ ничего не оставляя, чѣмъ можетъ уклонить его отъ такого состоянїя. А для сего, предваряя стыдъ и мученїе, Онъ самъ предъ него представляется, самъ разглагольствуетъ съ нимъ благоутробно, самъ призываетъ его на путь спасенїя съ любовїю, и не обинуяся, для пораженїя сердца его, нарицаетъ его сладкимъ именемъ: *даждь ми, сыне, сердце твое* (*). Какая благость! кто бы могъ подумать о судїи, что онъ виновнаго призоветъ къ полученїю милости своея, и кто бы могъ повѣрить, чтобъ виновный отказался отъ полученїя оныя? Однако!...

(*) Притч. XXIII. 26.

Се изображенїе образа жизни грѣшничей! Весьма часто, не смотря на столь благоутробныя приглашенїя, грѣшникъ еще противится Богу, и даже, кажется, отъ него бѣжитъ, удаляется. Неописанное милосердїе! Находятся ли еще милости въ Твоихъ сокровищницахъ? Ты истощаясь, ни чѣмъ не утруждаешься; — грѣшникъ, яко другїй Iона, бѣжитъ отъ Бога, а Богъ стремительно всюду его преслѣдуетъ, внушая: вспомни, невѣрный грѣшникъ, прошедшее свое состоянїе, или настоящее, въ какомъ ты находишься по согрѣшенїи. Не видишь ли, что я непрестанно съ тобою, и всегда ищу случая, дабы тронуть словесами моими сердце твое? Встрѣчается ли съ тобою какое неудовольствїе? Тогда Я предстою тебѣ, и открываю, что источникъ злощастїя твоего въ тебѣ самомъ находится, и что ты дотолѣ будешь злощастенъ, доколѣ не престанешь быть порочнымъ. Впалъ ли ты въ какую болѣзнь; — се Азъ предстою, какъ бы у главы одра твоего, для увѣренія, что душа твоя находится въ состоянїи гораздо жалостнѣйшемъ, нежели тѣло. Лишился ты своего спокойствїя, или думаешь, что имъ наслаждаешься; се Азъ, его же ты удаляешь-

дяешься, предстою душѣ твоей и представляю, что совѣсть твоя никогда не узритъ совершеннаго покоя, и при семъ, естьли постигнетъ тебя внезапное изнеможенїе, ты ничего не можешь узрѣть, кромѣ преселенїя своего съ ложа болѣзненнаго во гробъ, а изъ гроба, можетъ быть, во адъ. Богъ благости всюду слѣдуетъ за тобою для обращенїя твоего на путь истины; слѣдуетъ и туда, гдѣ ты Ему быть не надѣешься; Онъ предъявляется тебѣ въ удовольствїяхъ, исполняя ихъ горестїю; предъявляется лицу твоему посредѣ мїрскихъ веселостей, заставляя чувствовать минуты неудовольствїя и скуки. По сему ты вездѣ безпокоишься. Требуютъ отъ тебя причины безпокойства сего; ты ее живо чувствуешь и не можешь выразить; ты сокрушаешься сердцемъ, не зная *для чего*; разсѣваешь зрѣнїе, не зная *на что*; смущаешься духомъ, не зная *о чемъ*. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ ты въ себѣ ничего, можетъ быть, не ощущаешь, кромѣ естественнаго дѣйствїя *меланхолїи* и унынїя, въ которыхъ часто многїе находятся, не зная *для чего и какъ*. Но все сїе не иное что значитъ, какъ дѣйствїе Божїя милосердїя, которое по тому только тебѣ

 про-

противно, что напутствуетъ тебя на стезю спасенія.

Но естьли сихъ кроткихъ средствъ не довольно ко исправленію грѣшника: то Богъ употребляетъ свою строгость, т. е. вмѣсто того, чтобы грѣшника совсемъ оставить въ погибели, онъ къ обращенію его представляетъ страшныя побужденія. Показываетъ очамъ виновнаго все, что ни находится ужаснаго въ Вѣрѣ, именно, ужасъ смерти, всегда готовыя восхитить его отъ міра сего, страхъ суда будущаго, всегда висимаго надъ главою его, бездну вѣчности, разверзающуюся подъ ногами его и хотящую поглотить его на всегда. Какое зрѣлище, трепетъ и содроганіе возраждающее! Но мы знаемъ благоутробіе твое, Боже! знаемъ, что при самомъ сильномъ гнѣвѣ своемъ, ты не забудешь насъ по милосердію своему. *Внегда смутитися во гнѣвѣ, милость твою помянеши* (*). Самыя угроженія твои суть новое доказательство благоволенія: ибо ты для того угрожаешь, чтобъ пощадить и помиловать. Въ лицѣ Твоемъ, Господи, мнѣ кажется, вижу я нѣжнѣйшую мать, удаляющемуся отъ нее сы-

(*) Авв. III. 2.

сыну для того грозящую, чтобъ онъ устрашившись скорѣе кинулся въ ея объятія.

Однако такова бываетъ иногда нечувствительность и ожесточеніе грѣшника, что онъ всему сопротивляется. Приглашенія, убѣжденія, обѣщанія, угроженія нимало его не трогаютъ. Онъ впадаетъ въ такой видъ безпечности, что чѣмъ опаснѣе и гибельнѣе кажется ему состояніе его, тѣмъ больше любитъ оное и боится изъ него выдти. Безконечное милосердіе! При семъ должны бы кажется истощиться уже всѣ источники щедротъ Твоихъ? Но нѣтъ! еще остается для грѣшника послѣднее средство къ исправленію; еще неизслѣдимая благость ожидаетъ обращенія заблудшаго, не смотря на все его ожесточеніе и опустительность. Въ чудесномъ *долготерпѣніи* своемъ вмѣщаетъ Богъ всѣ прочія чудеса благости своей. Человѣколюбецъ, снисходя слабостямъ беззаконныхъ, не наказуя ихъ вскорѣ, ущедряетъ имъ часть времени на то, чтобъ они самихъ себя познали. Знаетъ Сердцевѣдецъ, что при сильномъ движеніи страстей не возможно быть примиренію; но когда огнь грѣховнаго возмущенія утихнетъ;

тогда сердце можетъ уже легко внити въ себя и духъ расположительнѣе бываетъ къ занятiю душеспасительными размышленiями. Коль часто сiе на самомъ дѣлѣ случается, что когда Богъ не утруждается ожиданiемъ обращенiя грѣшныхъ; тогда сiи устаютъ въ бѣгствѣ отъ Бога. При семъ долготерпѣнiи не тако ли милосердый помышляетъ оный Создатель: „Всякой „грѣшникъ купленъ цѣною крови моей: „не жалко ли мнѣ погубить его вдругъ „по паденiи? Пожду, и онъ возстанетъ; „помедлю звати его на судъ, и онъ, „возчувствововавъ опасность вѣчнаго „осужденiя, обратится.„

Сiе безпримѣрное долготерпѣнiе Божiе тѣмъ удивительнѣе, что оно усматривается въ Богѣ прогнѣванномъ, въ Богѣ, содержащемъ въ десницѣ своей всѣ орудiя правосудiя. Долготерпѣнiе сiе тѣмъ неизреченнѣе, чѣмъ чаще грѣшники обращаютъ оное во зло, обращая въ противность Богу особенные дары милости его. Долготерпѣнiе сiе тѣмъ неизслѣдимѣе, что Богъ когда наказуетъ многихъ беззаконныхъ немедленно по преступленiи ихъ, въ разсужденiи другихъ милосердствуетъ. Какими чувствiями благодарности мы обязаны за то Вседержителю, что онъ

буду-

будучи силенъ и какъ бы принуждаемъ поступить съ нами подобно другимъ, поступаетъ иначе? Мы еще худшими себя творимъ, нежели какъ жили наказанные, и по сему заслуживаемъ горшее, нежели что они заслужили: однако какое находится различїе между ихъ жребїемъ и нашимъ? Многїе согрѣшившїе уже мертвы, а мы еще наслаждаемся дыханїемъ; тѣ наслѣдовали уже опредѣленїе осужденїя своего во адѣ, а мы надѣемся еще обитать на небеси; тѣ злохуленїе изрыгаютъ въ разсужденїи строгостей правосудїя Божїя, а мы еще можемъ благословлять милосердїе его, можемъ вѣчно глаголати съ Пророкомъ: *милости Твоя Господи, воспою во вѣкъ* (*).

Боже, въ благости своей непостижимый! что я сотворилъ такое, чѣмъ могъ заслужить безмѣрную любовь твою? Что я исполнилъ? — Да какъ мнѣ въ себѣ искать причину, по которой я, ничтожество, возвеличенъ тобою безконечно? Любовь твоя ко мнѣ и источникъ щедротъ твоихъ содержатся въ единомъ твоемъ благоутробїи,

 въ

(*) Пс. 88. 1.

въ единомъ удовольствїи прощать виновныхъ и спасать злощастныхъ. По сему чувствованїе благихъ твоихъ вѣчно будетъ живо въ моемъ сердцѣ. Я знаю, что особенное средство для познанїя милосердїя твоего состоитъ въ томъ, чтобъ мы имѣли о немъ всегда живое понятїе, и вѣрили бы, что оно столь превосходнѣе всѣхъ нашихъ хваленїй, (какъ бы они велики ни были), сколь твои милости выше всѣхъ нашихъ грѣховъ, какъ бы они гнусными ни казались. Благоутробный Сердцевѣдецъ! Забвена буди десница моя, естьли я забуду благодѣянїя твои; да прилпетъ языкъ мой къ гортани, аще я не буду во вѣки прославлять долготерпѣнїе твое. Горе, горе мнѣ, естьли сїи чувствїя благодарности омертвѣютъ въ сердцѣ моемъ! Тысячекратно желалъ бы я, Создателю мой, лучше не жить, нежели жить, но не для тебя.

НАСТАВЛЕНІЕ II

о томъ, съ какими знаками любви Богъ пріемлетъ обращающагося грѣшника.

Сколь неизреченно милосердіе Божіе ко грѣшнику, погибельно посредствомъ беззаконій отъ Создателя своего удаляющемуся, столь безконечно благоволеніе его къ тому же законопреступнику, чрезъ покаяніе чистосердечно къ Богу своему возвращающемуся.

Творецъ пріемлетъ его съ новою любовію, располагающею къ нему все сердце; пріемлетъ съ новою щедротою, источающею къ нему всѣ сокровища благодати.

Преблагій Боже! я не долженъ искать въ другихъ доказательства сихъ истинъ, ибо нахожу его въ себѣ самомъ. Какъ скоро я помыслилъ къ тебѣ обратиться, вдругъ безконечная благодать твоя просвѣтила мои очи, подвигнула сердце; и такъ возможно ли мнѣ, Человѣколюбче! не возвѣстить вселенной чудеса твоего ко мнѣ милосердія, и какъ не побудить всѣхъ грѣшниковъ къ тому, чтобъ они обратились въ твои объятія!

Лишь

Лишь только человѣкъ согрѣшитъ, то Богъ ничего не можетъ, кажется, имѣть къ нему, кромѣ отвращенія попускающаго, чтобъ беззаконный жилъ всегда по стремленію гибельныя страсти или по крайней мѣрѣ, впадши въ страсть, являлъ себя хладнымъ къ тому, что онъ погибаетъ. Но кто такъ судитъ; коль мало понимаетъ преблагаго Бога или еще важнѣе, коль предосудительно, что онъ совсемъ его не постигаетъ!

Я углубляюсь въ бездну Божія милосердія, вмѣсто правосуднаго гнѣва обрѣтаю между источниками благостей его сладкое успокоеніе. Да и можно ли сему быть, чтобъ Богъ убѣгающаго отъ себя грѣшника, преслѣдующій съ великимъ стремленіемъ, не прiялъ его съ любовiю, егда онъ возвратится? Можно ли, что бы зовый къ себѣ удаляющагося, отвергъ его, когда онъ къ нему обратился? Можно ли, чтобъ мещущій на падшаго взоры сострадания, не воззрѣлъ на него милосердымъ окомъ при времени возстанія? Далеки противныя чувствія отъ сердца Божія: ибо какихъ знаковъ благоутробія не оказалъ Человѣколюбецъ надъ раскаявшеюся блудницею, надъ смирившимся мытаремъ, надъ Самарянынею, тронувшеюся

даромъ благодати, а наипаче надъ блуднымъ Евангельскимъ сыномъ? Въ сей послѣдней притчѣ Богъ самъ себя изображаетъ, свою обнажаетъ внутренность, свое открываетъ сердоболїе: не льзя о семъ Евангельскомъ ученїи вспомнить безъ удивленїя, не льзя разсуждать о немъ безъ пораженїя душевнаго!

Сынъ неблагодарный, возненавидѣвшїй домъ отеческїй, требуетъ у отца достойную часть наслѣдїя; коль нещастенъ, что онъ получаетъ ее! ибо получивъ, вскорѣ оную расточаетъ; по семъ видя себя дошедшимъ до ужасныя бѣдности, входитъ въ самаго себя, предпрїемлетъ рѣшимость возвратиться въ домъ отчїй. Нѣжный чадолюбецъ, всегда о сынѣ своемъ соболѣзнующїй, всегда возвращенїя его ожидающїй, непрестанно обращаетъ лице свое на путь, по которому надлежало прїити удалившемуся исчадїю; обращаетъ и на конецъ видитъ погибшаго; видитъ, и внутренность его колеблется. колеблется какими чувствованїями, подумаете, негодованїемъ, гнѣвомъ. — Справедливо! сїи чувствованїя были бы безгрѣшны: но онъ вмѣсто ихъ движется милосердїемъ, милосердїе возраждаетъ сострадание, за состраданїемъ

нїемъ является любовь, за любовїю наступаетъ радость, за радостїю открывается востргъ. И такъ отецъ, не допуская сына до того, чтобъ онъ смущенный и препинающїйся повергнулся къ стопамъ его, самъ спѣшитъ ему на срѣтенїе, объемлетъ его съ нѣжностїю, лобызаетъ съ любовїю, прижимаетъ къ своему сердцу, изливаетъ надъ главою его радостныя слезы: какое соболѣзнованїе и вмѣстѣ утѣшенїе оказаны были раскаявшемуся! Безмѣрныя, и не безъ причины: ибо вотъ что говоритъ на послѣдокъ языкъ отчїй: *сынъ мой сгиблъ бѣ и обретеся; мертвъ бѣ и оживе* (*); по сему хощу, чтобы всѣ съ нимъ радовались; всѣ не отреклись отъ вечери велїя; всѣ усугубили его удовольствїе: вотъ Евангельская притча.

Однако не просто здѣсь должно разумѣть человѣческое сердце, а паче твое, Боже, милосердїе; ибо не ты ли съ такою неизглаголанною благостїю на насъ призираешь? Не ты ли прощаешь грѣшника, сердечно предъ тобою кающагося? прощаешь, не вынуждая его помилованїе свое заслуживать долговременными умоленїями? Прощаешь, не

(*) Лук. XV. 24.

не творя ему горькихъ обличеній; но прошедшія студодѣянія его, есть ли онъ ими возгнушался, погребая въ вѣчномъ забвеніи? Такъ, непреложно! лишь только мы къ тебѣ обратимся, при первой слезѣ, изтекшей изъ очей нашихъ, при первомъ воздыханіи, изливщемся изъ гортани нашей, при первомъ сокрушеніи, возродившемся въ сердцѣ нашемъ, гнѣвъ твой укрощается, сердце твое разверзается, орудія правды упадаютъ изъ рукъ твоихъ вмѣсто грома и молніи, истекающихъ отъ тебя на пораженіе беззаконныхъ, низпадаетъ тихая роса во утѣшеніе наше. Благость божественная! любовь неизреченная! можно ли воображать васъ безъ почитанія, безъ удивленія, а еще болѣе безъ любви и заслугъ благочестивыхъ?

Но нѣтъ, еще до вышшія мѣры простираются чудеса милости твоей, Боже! къ кающемуся грѣшнику. Ты его пріемлешь съ щедротою, источающею всѣ сокровища благодати. Такое дѣйствіе колико для тебя славно, толико для насъ утѣшительно. Въ продолженіи временныя жизни своей, Искупителю! ты, кажется, ни кому не изъявлялъ особенную любовь, какъ грѣшникамъ обратившимся: ибо естьли ты

кого

кого вѣнчалъ отличною славою и хваленїемъ; то наипаче тѣхъ, которые раскаяваясь болѣе прочихъ на тебя возлагали упованїе свое. Я вижу блудницу, бывшую нѣкогда соблазномъ для всего Іизраиля: но она едва обратилась, ты поставляешь оную примѣромъ покаянїя для всѣхъ живущихъ во вселенной. Я вижу Святаго Апос. Петра по нещастїю отвергнувшагося отъ Тебя, Великаго Учителя, троекратно: столь великое преступленїе не дѣлало ли его на вѣки недостойнымъ Твоихъ милостей? Но едва Ты обратилъ на него очи свои, едва увидѣлъ слезы, текущїя изъ глазъ его; вскорѣ умилосердился, и поставилъ его быти твердѣйшимъ каменемъ Святыя церкви. Злорѣчивый разбойникъ къ мученїю Твоему хуленїемъ своимъ новыя прилагаетъ раны. Какое преступленїе! какой ужасъ! но когда добрый излилъ чистое покаянїе: тотчасъ получилъ прощенїе, тотчасъ ты произнесъ о немъ слово оправданїя, и какъ бы кровь его освящая своею кровїю глаголалъ: *днесь со мною будеши въ раи* (*).

Сице, Боже милосердїя! Ты благоугождаешься изліянїемъ благодѣянїй сво-

(*) Лук. 23. 43.

своихъ на кающихся грѣшниковъ. Они, егда бываютъ помилованы, ни о чемъ болѣе не печалятся, какъ о томъ, что Тебя прогнѣвали; ничего болѣе не желаютъ, какъ угодить правдѣ, и ни чѣмъ паче не бываютъ связаны, какъ Твоею любовiю. На что мнѣ въ разсужденiи сего искать примѣровъ въ прочихъ? Не вижу ли я его въ себѣ самомъ? Егда мнѣ приходятъ на мысль тѣ щастливые дни, въ которые, будучи тронутъ благодатiю Твоею, имѣлъ случай вспомнить о величiи Твоемъ, вспомнивши обратиться къ лицу Твоему: тогда совѣсть моя избавилась отъ несноснаго бремени, и я возчувствовалъ покой и сладость; тогда изъ очей моихъ лились источники слезъ, но слезъ прiятныхъ и радостныхъ. День моего обращенiя я почиталъ днемъ утѣшительнымъ и лучшимъ изъ всѣхъ въ моей жизни. Тогда-то узналъ я точно событiе словесъ Апостольскихъ, что бездна милосердiя твоего поглощаетъ бездну грѣховъ нашихъ: *идеже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (*).

Но здѣсь можно ли довольно оплакать нещастiе, слѣпоту и преступленiе

(*) Рим. V. 20.

нїе во зло употребляющихъ милосердїе твое? Можно ли соразмѣрное оказать къ тѣмъ тварямъ омерзенїе, которые безмѣрно надѣясь на благость Твою безбоязненно къ беззаконїямъ прїумножаютъ беззаконїя? Изверги неблагодарные! почто благодѣянїя обращаете въ поношенїе, врачевство въ ядъ? Чудовищи неблагочестивыя и развратныя! како не престаете быть злыми по сей единственно причинѣ, что благъ Творецъ вашъ? Ужасные беззаконники! для чего подъ предлогомъ ложнаго и тщетнаго покаянїя низвергаетесь вы въ бездну вѣчнаго и гибельнаго нераскаянїя? Что есть человѣкъ тако живущїй? Коль плачевна злоба и поврежденїе сердца нашего, естьли мы во грѣхахъ дотолѣ ожесточаемся, дабы что нибудь сильнѣйшимъ образомъ побудило насъ къ обращенїю!

Премудрый Сердцевѣдецъ! Сотвори, чтобъ горько оплакалъ всѣ мои студодѣянїя; но не попусти впасти мнѣ, чтобъ въ забвенїе Твоей благости, или во злоупотребленїе милосердїя твоего: ибо впадши въ сїе, я погибну; погибну на вѣки низвергнувшись въ пропасть страшныхъ мученїй. Доселѣ отъ жребїя сего благоутробїе Твое меня предохраняло; но аще предохранитъ до гроба,

вѣч-

вѣчно я оное благословлю и прославлю. Благодарность неизглаголанная во всю жизнь да будетъ въ моемъ сердцѣ; хвала и удивленіе не прекратятся въ душѣ моей: сіи чувствованія пребудутъ единственнымъ правиломъ жизни моея до самыя смерти; онѣ да останутся живы на нескончаемую Вѣчность. Разсуждая единодушно съ Пророкомъ, я всегда буду взирать на себя, яко на памятникъ и особенное свидѣтельство Твоего милосердія; всегда буду познавать на себѣ самомъ, колико благъ къ человѣкамъ Создатель, а паче милосердъ ко грѣшнымъ; ко грѣшнымъ... О! естьли бы они знали благоутробіе Твое совершенно: съ какимъ бы упованіемъ повергались въ объятія Твои? Непремѣнно съ надеждою сына блуднаго, падшаго въ руки Отца, любовію всѣхъ превосходящаго. Не иначе и я, не иначе въ сію самую минуту желаю Тебѣ предаться. Боже! удостой воспріять недостойнаго въ любовь Свою, не лиши оныя до конца дней моихъ.

НАСТАВЛЕНІЕ III

О

силѣ покаянія.

Покаяніе есть одно наружное и устное, а другое внутреннее и сердечное. Оба для насъ необходимо нужны. Мы Христіане; по сему покаяніе намъ прилично, яко священная и таинственная должность Вѣры. Мы грѣшники; по сему покаяніе для насъ необходимо, яко искоренительное наказаніе беззаконій.

Покаяніе наружное и устное смиряетъ гордость плоти нашея, умерщвляетъ сладострастіе тѣлесное. И такъ небезбѣдно мечтаютъ нѣкоторые грѣшники, будто для нихъ довольно покаянія внутренняго, а внѣшнее очищенію беззаконій совсемъ не пользуетъ. Заблужденіе сіе сильно разумъ не одобряетъ и Евангеліе осуждаетъ. Правда, покаяніе внутреннее гораздо превосходнѣе и чрезъ оное мы болѣе заслуживаемъ: но не менѣе и наружное потребно.

Въ Христіанскомъ ученіи утвердительно проповѣдуется, что отъ грѣховъ не льзя очиститься, развѣ покаяніемъ; предположивъ сіе правило, надобно

еще

еще сказать, что когда человѣкъ грѣшитъ, тогда грѣшитъ не одна душа его, но вмѣстѣ и тѣло; а по сему когда должна наказываться душа, должно также быть наказуемо и тѣло. Наружная часть сложенія нашего часто во всемъ соучаствуетъ внутренней, слѣдственно должна соучаствовать и въ покаяніи. Апостолъ Павелъ, по внѣшности судя, нарицаетъ насъ многократно плотію грѣховною; по сему тѣло наше яко орудіе и дѣятельная причина беззаконія должно быть непремѣнно предметомъ и жертвою раскаянія.

Все Евангеліе, все Священное писаніе намъ проповѣдуетъ покаяніе устенъ и сердца. Каждая страница открываетъ намъ сію истину и налагаетъ сіе обязательство: *аще кто хощетъ итти по мнѣ* (*), глаголетъ Спаситель, *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (**). *Царство Божіе силою нудится и нуждницы восхищаютъ е. О коль уски врата и тѣсенъ путь вводяй въ животъ и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ* (***)! Сими и

 мно-

(*) Мар. VIII. 35.
(**) Матѳ. XI. 13.
(***) Матѳ. VIII. 14.

многими симъ подобными словами Евангеліе ополчаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ вооружаться противъ себя самихъ; ополчаетъ на умерщвленіе плоти нашея и какъ бы на непрестанную войну съ нами самими. Таковы суть глаголы Небесной Истины!

Послѣдуя сему внушенію умерщвленія и покаянія, Апостолъ Павелъ еще яснѣе толкуетъ тайну Божественную. Всѣ, *иже Христовы суть*, вѣщаетъ онъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (*). По сему не токмо сердце наше должно быть распинаемо, но даже и плоть: плоть бо всегда порочна, всегда противится духу, всегда возраждаетъ опаснѣйшую брань между разумомъ и чувствами. Сіе обязательство, возложенное Апостоломъ на другихъ, было принято и исполнено имъ самимъ: азъ умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да благовѣстивъ спасеніе прочимъ самъ не останусь осужденнымъ. Чего не достаетъ въ страданіяхъ Искупителя, то мнѣ должно дополнить личными своими изнуреньми. *Нынѣ радуюся въ страданіяхъ моихъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ* (**).

Тако

(*) Галат. V. 24.
(**) Кол. I. 24.

Тако мыслили, тако поступали всѣ Святые; ихъ видѣли самые изнурительныя орудія покаянія держащими въ рукахъ своихъ, посыпающими главу свою пепломъ, изнуряющими волненіе плоти своей воздержаніемъ и молитвою. Изможденные члены и блѣдность лица ихъ доказывали строгость, какую они по наружности въ разсужденіи самихъ себя употребляли. И по сихъ сраженіяхъ они еще трепетали, не довѣряли своимъ побѣдамъ надъ плотію, и почти непрестанно, естьли не словами, то тяжкими воздыханіями вопрошали другъ друга: „уповаешь ли ты, чтобъ при безчисленныхъ нашихъ грѣхопаденіяхъ Богъ „надъ нами въ вѣчности явилъ милосердіе свое?„ Имѣемъ ли мы столь крѣпкую Вѣру, какую имѣли помянутые праведники? Единому ли Евангелію и съ равною ли имъ послѣдуемъ ревностію? Надѣемся ли мы улучить тѣ же небеса и воздаяніе, какое они улучили?

Естьли сіи примѣры мало трогаютъ душу нашу, гдѣ еще искать сильнѣйшихъ побужденій къ видимому покаянію? Взыдемъ на Голгоѳу, обратимъ очи свои на самаго Іисуса Христа, на сей великій и божественный

 при-

примѣръ, которому, естьли его обожаемъ, непремѣнно обязаны послѣдовать. Что я вижу на ономъ мѣстѣ Священномъ? Покланяемый Спаситель, до какого ты благоизволилъ смириться степени? Какое зрѣлище представляешь изъ себя зрящимъ на тебя очами Вѣры? Глава твоя увѣнчана терніемъ, очи твои помрачились отъ многаго изліянія слезъ, уста твои напоены оцтомъ и желчїю, руки твои прибиты гвоздіемъ, Твое сердце прободено копіемъ, все тѣло обезчещено и окровавлено, раны твои, раны глубокія, паче всякаго краснорѣчія трогаютъ душу Богобоящуюся. Но что намъ, естьли и мы возхощемъ послушать проповѣди крови твоея, что возвѣщаетъ гласъ страданій твоихъ, естьли не умерщвленіе чувствъ и тѣла? Невнемлющіе внушенію сему, изнѣженные человѣки! человѣки, имѣющіе главу, увѣнчанную розами, вы преставаетесь отвергшимися Вѣры.

Подлинно, естьлибъ мы были истинные Хрїстіане; могли ли бы то говорить еще и нынѣ, что нѣкогда говорили наши предки: „будто строгость „наружная и умерщвленіе плоти со„стоянію мїрскаго человѣка неприлич„ны, а касаются особенно до однихъ

„ино-

„иноковъ и пустынножителей.„ Какое обольщенїе! признавало ли его когда справедливымъ исповѣданїе наше? Или церковь всегда предосуждала и предосуждаетъ оный? Неразсудительные! что живемъ въ мїрѣ: по сему можно ли намъ думать, что обуреванїе страстей не столько для насъ опасно, и волненїе плоти не такъ встрѣчается часто? что живемъ въ мїрѣ, по сему не должно уже намъ отъ беззаконїй своихъ очищаться покаянїемъ? что живемъ въ мїрѣ, по сему изключены уже мы изъ Хрїстїанъ и не подлежимъ тому общему закону, которой повелѣваетъ вѣрующимъ каждому безъ изъятїя *носить крестъ*, *умерщвлять плоть*, *отрицаться самаго себя*, *итти въ царство небесное вратами узкими*? Предполагать, будто покаянїе видимое свойственно единымъ отшельникамъ, смертнымъ, ежедневно пекущимся о спасенїи своемъ; душамъ, во благочестїи часто просїявающимъ яко невинными и чистыми свѣтильниками; сїе то же бы означало, что лѣкарство болящимъ не нужно, а тѣмъ, кои здравы. Признаемся, что въ какомъ бы разумѣ мы ни принимали тѣлесныя умерщвленїя, или за предохраненїе въ разсужденїи имѣющихъ случиться грѣхов-

ховныхъ паденій, или за очищеніе отъ беззаконій содѣянныхъ, они въ мірѣ для насъ еще нужнѣе, нежели въ жизни пустынnической и потому и по другому.

„Да въ состояніи свѣтскомъ, скажутъ, ихъ сносить никакъ не возможно.„ Какая неправда! Всѣмъ извѣстно, что для смертныхъ первое состояніе есть Христіанина, второе грѣшника, третіе кающагося. Смотря на сіе раздѣленіе Святые, живущіе на земли въ порфирахъ и на престолѣ, покаяніе и умерщвленіе не оставляли, а паче освящали еще ими престолъ свой и одежду. По сему-то многіе изъ нихъ за меньшую для себя вмѣняли славу быть великими и самодержавными, нежели кающимися и совершенными Христіанами.

„Да скажутъ еще, что собственное самолюбіе не позволяетъ исполнять строгостей покаянія. Здравіе „чрезъ нихъ уменьшается; слѣдственно, какъ Богу требовать невозможнаго?„ Какое неизвинительное предразсужденіе! ибо воздержаніе и умѣренность паче споспѣшествуютъ здравію. Но не смотря на нашу изнѣженность, не можно ли нѣсколько минутъ убавить отъ сна, дабы заняться Святыми молит-

литвами, не можно ли все время нашея праздности употребить на благочестивые подвиги, дабы привесть въ чувствїе спасенїя душу, не можно ли оставить все, что намъ нравится для того, чтобь не опустить угодное Богу? Или излишними своими украшеньми, пышностїю, суетами житейскими, сладостьми чувственными мы столь много ослѣплены, что ничего уже не можемъ принести Богу на жертву въ сердцѣ своемъ? И по сему Богъ никогда не требуетъ отъ насъ не возможнаго. По лѣности и собственной нашей нѣгѣ легкое намъ кажется не возможнымъ, и Богъ будетъ насъ нѣкогда судить въ сей невозможности: ибо естьли что удивительнѣе и плачевнѣе всего бываетъ при семъ положенїи нашемъ, то оная слѣпая рѣшимость, по которой мы часто сносимъ невозможное для мїра, а для Бога сего сотворить не хощемъ. Въ играхъ, въ забавахъ, въ пиршествахъ мы проводимъ безъ сна и усталости цѣлыя ночи, а на молитву и на занятїе чтенїемъ благочестивыхъ книгъ не можемъ удѣлить и часа единаго. Цѣлой день мы можемъ простоять на одномъ мѣстѣ, кланяясь прокровителю своему, чтобы онъ удовлетворилъ прошенїю нашему,

шему, а иногда неправедной страсти; но близъ Священнаго престола Господня не можемъ вергнуться на колѣни на малое время; словомъ, часто бывая мучениками мїра и дїавола, для исполненїя предъ Богомъ чистаго покаянїя не имѣемъ ни силы, ниже здравїя.

Какое ослѣпленїе, о Хрїстїане! какой безпорядокъ! какое наше преступленїе! Члены таинственнаго тѣла Іисусъ Хрїстова послѣдуемъ за главою своею и примѣромъ своимъ. Повергнувшись у подножїя креста его, видя его живыя раны, всѣ части тѣла окровавленныя, скажемъ: се образъ нашего подражанїя; а естьли когда можемъ, но ему не подражаемъ: се судїя нашъ, се властоначальникъ праведнаго нашего осужденїя. Все тѣло наше должно участвовать въ строгостяхъ покаянїя; но естьли огнь умерщвленїя не очиститъ оное въ семъ мїрѣ, то огнь вѣчнаго наказанїя будетъ палить его въ будущемъ мїрѣ невещественномъ. Се Евангелїе, се законъ: по нихъ мы нынѣ да судимъ самихъ себя, или ожидаемъ быть судимы въ вѣчности по скрижалемъ небеснымъ. Два токмо пути ведутъ насъ къ горнему чертогу, или невинность, или покаянїе:

естьи-

естьли мы потеряли первый, то можемъ еще, шествуя по послѣднему, достигнуть царства славы; но когда и съ сего совратимся, то ничего неостается для насъ, кромѣ осужденія въ жизни будущей.

НАСТАВЛЕНІЕ IV

О

внутреннемъ покаяніи

Сердце сокрушенное и смиренное я хощу Тебѣ въ жертву принести, Боже! или хощу у Тебя же испросить оное въ Твое благоугожденіе. Удостой его изобразить во мнѣ. Ибо грѣхъ есть дѣло человѣческое, а раскаяніе во грѣхѣ проистекаетъ единственно отъ Благодати. Сотвори, Человѣколюбче! чтобы я возчувствовалъ нужду въ покаяніи, и чтобы предпринялъ дѣла, достойныя онаго; вразуми, чтобы я позналъ необходимость внутренняго сокрушенія, и его священныя качества.

Покаяніе внутреннее и сердечное весьма нужно; ибо когда впадаемъ мы во грѣхъ, тогда сердце наше наипаче согрѣшаетъ; слѣдственно сердце наше

должно

должно быть болѣе и наказано. При исполненіи какого нибудь студодѣянія сердце наше вкушаетъ нѣкоторую гибельную сладость, слѣдственно ему же надлежитъ вкусить Спасительную горечь. Отъ сердца нашего, глаголетъ Спаситель, проистекаютъ предосудительныя пожеланія, зазорныя страсти, дѣянія порочныя; то отъ него также происходить должно сокрушеніямъ, раскаянію, воздыханіямъ. На семъ жертвенникѣ, т. е. на сердцѣ нашемъ должна быть закалаема жертва, и жертвою сею должно быть тоже самое сердце. Вотъ первѣйшее всесожженіе, требуемое отъ насъ Богомъ, безъ котораго всѣ прочія соболѣзнованія суть недостаточны.

Естьли бы мы совершенно знали, что есть Богъ, и что есть грѣхъ: то не нужныбъ были для убѣжденія въ разсужденіи соболѣзнованія и раскаянія. Сердце чисто кающееся какія тайныя движенія, какія прискорбныя чувствованія ощущаетъ при лицезрѣніи величія Божія, при раздраженіи Творца безчисленными преступленьми! Какое жалкое и какое горестное бываетъ тогда положеніе наше, когда мы открытыми очами взирая на грѣхи свои, усматриваемъ,

что

что вся жизнь наша была безпрестанное заблужденіе, что мы доселѣ ничего себѣ не уготовали, кромѣ неизбѣжныя погибели, что мы сколько ни жили, жили единственно для грѣха; а отъ Бога удаляясь, первый и послѣднiй конецъ свой забывали, дары его употребляли во зло, и всегда продолжали бытіе свое на подобіе слѣпыхъ, шествующихъ по пути, низводящему въ мрачную пропасть! Сколь жалко и горестно быть въ такомъ положеніи!

Сколько непріятныхъ размышленій представляется въ разумѣ нашемъ, когда сердце начинаетъ терзаться о томъ, что оно двадцать или тридцать лѣтъ привержено было къ міру, предавалось страстямъ, и все время потеряло въ разсужденіи спасенія и Вѣчности! Потребуешь ты нѣкогда отъ меня отчета въ лѣтахъ тѣхъ, Боже! Ибо каждой изъ нихъ записанъ въ книгѣ живота твоего; но я погубилъ ихъ, и по сему достоинъ праведнаго твоего наказанія. Я его неизбѣжно заслуживаю и не могу воспротивиться опредѣленію Твоему. Вѣчная правда твоя требуетъ непремѣннаго удовлетворенія, и я долженъ быть наказанъ. О коль щастливъ бы я былъ, естьли бы наказаніе сіе исполнилось

надо

надо мною во времени! Воздаждь ми по дѣламъ моимъ, Судїя праведный; я на сїе согласенъ. Накажи мя по Своему милосердїю на земли, а не по гнѣву въ Вѣчности!

Въ Вѣчности, — тогда, о болѣзнь и раскаянїе безплодное! вопроситъ себя душа грѣшная: „гдѣ былъ Богъ мой, „и гдѣ я пребывала, обитая въ мїрѣ, „но не зная Творца своего? Дары благодати употребила я на раздраженїе „Жизнодавца; самые лучшїе дни живота моего обратила на избѣжанїе „отъ преблагаго источника. Какимъ „теперь воззрю я на Него окомъ? Услышитъ ли онъ мои воздыханїя? Прїиметъ ли мое раскаянїе? Какое мое „злощастїе! Не надѣюсь я никогда то „паки возвратить, что въ животѣ „своемъ изгнала изъ своего сердца посредствомъ беззаконїй; то, что нѣ„когда служило для меня временнымъ, „минутнымъ удовольствїемъ, теперь „въ нескончаемое должно обратиться „мученїе.„ Поразительное воспоминанїе и вмѣстѣ спасительное! оно очищаетъ душу отъ нечистоты грѣховныя, тварь предъ Создателемъ виновную приводитъ въ чувство и оправданїе. Таковы должны быть чувствованїя всѣхъ истинно кающихся. Блажен-

женны души, чистымъ раскаянїемъ на землѣ могущїя искупить себя отъ вѣчныя клятвы!

Но при семъ, что надлежитъ думать о мнимомъ спокойствїи многихъ грѣшниковъ по единой наружности кающихся? Что я долженъ помыслить о себѣ самомъ при множествѣ моихъ преступленїй и заблужденїй? Содрогающаяся душа моя! питаешь ли ты въ себѣ сокрушенїе, изображающее священныя качества истиннаго покаянїя? Чувствуешь ли болѣзни, которыя должны быть удѣломъ чистосердечно кающихся? Проходитъ ли скорбь внутренность твою и поражается ли сердце твое гнусностїю великихъ безпорядковъ и невѣрїя? Ощущаешь ли ты въ себѣ то вышеестественное сокрушенїе, которое проистекаетъ отъ Бога; — сокрушенїе, которое до всего относится, о всемъ соболѣзнуетъ, все оплакиваетъ, все, что противно Богу и для души мучительно; то сокрушенїе высокое, которое болѣе чувствуетъ раздраженїе Бога, потерянїе его Благодати, нежели лишенїе богатства, вольности, здравїя, жизни и всего нещастїя временнаго? — Существо всѣхъ высочайшее! естьли на землѣ что болѣе

зла сего, какъ прогнѣвлять твою Благость и не чувствовать сокрушенія? Сердцевѣдецъ! Имѣю ли я въ сердцѣ моемъ ту Хрїстїанскую рѣшимость, чтобъ всякое предпріятіе и каждый поступокъ обращать на умилостивленіе твоего гнѣва? Имѣю ли я въ себѣ твердое намѣреніе лучше умереть, нежели вѣчно удалиться отъ Тебя по нерадѣнію о служеніи Твоемъ? — Словомъ, имѣю ли сокрушеніе, которое должно быть выше всѣхъ сокрушеній? Сознаюся, что я оное не столь живо чувствую; ибо живое чувствованіе не отъ насъ зависитъ. По крайней мѣрѣ сокрушаюсь ли я чистосердечно? — Естьли бы раскаяніе мое такимъ во мнѣ было, какимъ оному должно быть: то какихъ бы не произвело перемѣнъ въ сердцѣ моемъ, какихъ дѣйствій во всемъ поведеніи и жизни моей? Сердце чистосердечно кающееся можетъ все предпринимать, все сносить, всемъ жертвовать: но я что перенесъ, чѣмъ пожертвовалъ для тебя, Боже? Всего извѣстнѣе и всего ужаснѣе для меня то, что для вѣчнаго оплакиванія злощастной своей участи стоитъ токмо мнѣ учинить одинъ грѣхъ: а я сколько уже ихъ содѣлалъ? Грѣхи мои источили слезы и кровь Иску-

Искупителя: тѣ же самые грѣхи ужели не заслуживаютъ проліянія моихъ слезъ и воздыханій?

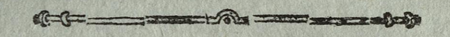
Внутреннее покаяніе столь для меня нужно, что безъ него грѣхи мои никогда не простятся, столь необходимо, что я безъ него вѣчно не наслѣдую спасенія, и — естьли его не исполняю я въ сей жизни: то непремѣнно буду имѣть въ будущей, съ тѣмъ только различіемъ, что сокрушеніе въ Вѣчности будетъ означать отчаяніе, а не упованіе оправданія.

Трогаясь сими великими истинами, будучи объятъ оными и устрашаемъ при воззрѣніи на свои беззаконія, въ сію минуту усердно желаю предъ Сердцевѣдцемъ открыть чистое раскаяніе, яко жертву живаго и совершеннаго покаянія. Се чувствованія сердца моего, болѣзнь и сокрушеніе непрестанное! Однако сколько бы они горьки для меня ни были; никогда не могутъ быть сразмѣрны величію содѣянныхъ мною беззаконій.

Милосердый Боже! я теку предстати лицу твоему; теку, будучи весь покрытъ ранами грѣховными; теку упадая и почти не имѣя надежды возстать подъ тягостію своихъ преступленій. Я согрѣшилъ на небо и

предъ Тобою; я погасилъ чувствованія совѣсти; во зло обратилъ дары Благодати; нарушилъ Святый законъ Твой; попралъ ногами спасительную кровь Сына Твоего; заслужилъ адъ; по сему естьли бы провелъ всю жизнь мою въ сокрушеніи, естьлибъ на всякъ день горько оплакивалъ свои преступленія, естьли бы я излилъ источникъ слезъ, глубокій и неизсыхаемый, естьли бы я претерпѣлъ всѣ мученія, какихъ никогда не чувствовали всѣ праведные страдальцы; естьли бы я предалъ тѣло мое, во еже жещи е; то и тогда бы не принесъ Тебѣ праведнаго удовлетворенія, сразмѣрнаго величію и гнусности моихъ грѣхопаденій: ничто бо суть мои собственныя заслуги предъ Тобою. И такъ повергнувшись къ подножію стопъ Твоихъ, Праведный Боже! умоляю безконечную Твою благость, и для помилованія души моей исповѣдую предъ милосердіемъ Твоимъ заслуги и страданія возлюбленнаго Твоего Сына. Услыши гласъ священныя крови Его, крови выну съ куреніемъ своимъ востекающія до неприступнаго Твоего престола, востекающія для умилостивленія вѣчныя правды; услыши гласъ сей, Боже! и помилуй грѣшника. Отъ нынѣ непрестанно

станно проклинать я буду свои безаконія; всегда оными буду гнушаться: ибо они противны Святынѣ Твоей. Ихъ токмо удаляясь могу я доказать, что Тебя единаго люблю сердцемъ. Спаси мя Боже, и спасуся!

НАСТАВЛЕНІЕ V

О

страданіяхъ Хрїстовыхъ.

Разсудимъ о страданіяхъ Спасителя 1е. яко о великомъ предметѣ нашея Вѣры и нашего поклоненія; а 2е. яко о совершенномъ примѣрѣ нашихъ нравовъ и нашея жизни.

Бого-человѣкъ на крестѣ, — какое зрѣлище! какое таинство! какое ученіе! Сіе зрѣлище всегда находится предъ нашими очами: но мы всегда ли о немъ довольно помышляемъ, судимъ, поучаемся? Естьли рѣдко, то учинимъ сіе хотя нынѣ: ибо въ исповѣданіи Вѣры нашея нѣтъ ничего достойнѣе нашихъ размышленій и приверженности.

Приближайся, Хрїстіанская душа, душа оживляемая Вѣрою, приближайся къ страждущему своему

Искупителю. Воззри съ глубокимъ размышленіемъ на Святаго Святыхъ въ такомъ положеніи, до какого довели Его твои грѣхопаденія, или лучше, Его любы собственная. Воззри; — Онъ уже не представляется тебѣ въ образѣ величія, силы и славы: ибо по симъ признакамъ Божества своего могъ бы Онъ снискать твое уваженіе: но привлекъ ли бы къ Себѣ твое сердце? неуповательно. И такъ для пріобрѣтенія твоей любви Онъ представляется въ видѣ смиренія, поношенія и мученія. Въ такомъ безобразіи отъ рукъ вражіихъ чѣмъ болѣе ты Его узнать не можешь, тѣмъ любезнѣе Онъ тебѣ долженъ казаться. Каждая рана Его, проповѣдуя тебѣ любовь безконечную, требуетъ взаимно твоея любови. — Воззри на сіе неповинное тѣло, пригвожденное къ поносному древу, висящее между небомъ и землею, покрытое глубокими ранами, все обагренное кровію; воззри на сію главу, увѣнчанную терніемъ, отъ тяжести болѣзни наклонившуюся долу; воззри на сіи очеса отъ многихъ слезъ впадшія и померкшія, но предъ послѣднимъ издыханіемъ на тебя обращающія нѣжные взоры; воззри на сіи уста, напоенныя желчію горести, на уста, которыя

егда

сегда затворялись на вѣчность, на вѣчность умоляли Бога Отца, дабы Онъ простилъ грѣхи твои; воззри на сїи пригвожденныя ко кресту руки, которыя для того распростерты, чтобы всѣхъ погибельныхъ чадъ свѣта призвать и заключить въ свои объятїя; воззри наконецъ, естьли токмо можешь прозрѣть, на всю болѣзненную внутренность умирающаго Праведника.

Какой предметъ содроганїя! Не уже ли и по симъ крововиднымъ признакамъ ты не можешь узнать Царя славы, Господа силъ, Сына Всевышняго, по единому своему благоизволенїю восхотѣвшаго дотолѣ смириться, чтобъ быть поношенїемъ человѣковъ и уничиженїемъ людей? — Какъ! Святый Святыхъ отягощается грѣхами мїра и умираетъ за всѣхъ беззаконныхъ! Возможно ли быть сему? Сей, иже царствуетъ на Небеси, всяческая силенъ сотворить на землѣ и въ странахъ преисподнихъ, возможно ли, чтобъ былъ оставленъ отъ друзей своихъ, преданъ ученикомъ приближеннымъ, и какъ бы позабытъ Отцемъ своимъ? Однако Сей истинно предается на поносное мученїе, и смиряется до смерти крестныя. Содержай въ десницѣ своей всяческая

съ поруганіемъ обнажается. Даяй бытіе и жизнь всему міру распинается тѣми, которые отъ Него получили животъ свой. Тако предавый себя вольному страданію претерпѣваетъ неописанныя мученія въ видѣ кроткаго Агнца; претерпѣваетъ какъ бы истинно согрѣшившій; претерпѣваетъ безгласно, или естьли прерываетъ молчаніе свое, то единымъ моленіемъ за враговъ своихъ и прощеніемъ мучителей по глаголу: *Отче! отпусти имъ* (*)!

Великій Боже! Боже праведный и сильный! что кромѣ Вѣры и Вѣры теплыя, живыя, кроткія можетъ насъ поддержать при лицезрѣніи чудеси сего? — залогъ священный! Сія Вѣра какую должна порождать болѣзнь въ сердцѣ нашемъ? Болѣзнь тѣмъ чувствительнѣйшую, чѣмъ извѣстнѣе, что Іисусъ Христосъ претерпѣлъ безконечное страданіе по единой своей къ намъ любви, и по единому своему благоизволенію избавилъ насъ отъ мукъ вѣчныхъ. — Болѣзнь тѣмъ глубочайшую, чѣмъ непреложнѣе, что мы елико грѣшимъ, толико возобновляемъ скорби Искупителя, вновь распиная Его въ сердцахъ своихъ. — Болѣзнь тѣмъ продолжи-

(*) Лук. XXIII. 34.

жительнѣйшую, чѣмъ сїе достовѣрнѣе, что мы посредствомъ оныя не можемъ сами собою во грѣхахъ своихъ получить прощенія, естьли не присоединимъ къ оной цѣну заслугъ пострадавшаго Богачеловѣка О когда бы такое чувствованіе всегда было живо впечатлѣно въ сердцѣ нашемъ, какіе бы плоды спасенія оно породило!

Душа, исполненная живыя Вѣры, чувствующая тяготу страданій Искупителя, раскаивающаяся въ томъ, что Его прогнѣвала; душа при воззрѣніи на свои беззаконія ни чѣмъ не утѣшающаяся, я вижу, что ты ополчаешься противу себя самой, находишь преступленія свои безконечными, мстишь сама себѣ страшными обличеніями за все студодѣянія, противныя Жениху Небесному. *Любы моя*, говоришь ты при воображеніи страданій Хрїстовыхъ, *любы моя распята*: но кѣмъ? Мною. Я оную ко кресту пригвоздила; я причиною пролитія крови Ея; мною умерщвленъ Іисусъ, и при семъ я еще мало сокрушаюся? Нечувствительная! Естьли жизнь моя можетъ почесться жизнію: то не должна ли она состоять въ всегдашнемъ плачѣ и соболѣзнованіи? Благочестивая душа тако всегда сострадаетъ болѣзнямъ Искупителя; со-

страдаетъ, поставляя то за верховное блаженство, чтобъ скорбь свою непрестанно сливать съ скорбїю Богачеловѣка, слезы Его съ слезами собственнаго раскаянїя, и такимъ образомъ дополнять *лишенїе скорбей Хрїстовыхъ* (*).

При семъ благомъ положенїи удалитесь отъ Боголюбивыя души, удалитесь всѣ удовольствїя мїра, всѣ сладости житейскїя, всѣ зазорныя чувственныя прихоти, удалитесь! Ибо вы составляли нѣкогда минутное для нее услажденїе, минутное, но при семъ погибельное; а нынѣ, когда Вѣра ее просвѣщаетъ, благодать трогаетъ, раскаянїе приводитъ въ чувство благоразумїя, она любитъ паче чашу горести, ею услаждается, и предпочитаетъ оную всѣмъ прїятностямъ грѣховныя жизни. Сладко и многоплодно такое сострадание страстямъ Хрїстовымъ! По сему-то во многихъ раскаивающихся грѣшникахъ примѣтно всегдашнее расположенїе къ умерщвленїю плоти, къ укрощенїю волненїя чувствъ и всѣхъ сладострастныхъ наклонностей; по сему во многихъ благочестивыхъ подвигоположникахъ видимы Евангелїемъ

(*) Кол. I. 24.

теліемъ проповѣдуемые гладъ, жажда, изнуреніе плоти и другіе виды спротостей; по сему-то многіе съ радостію переносили неимовѣрныя гоненія и съ веселіемъ вкушали смерть крестную.

Пусть слабая природа смотря на сіе унываетъ и печалится; пусть обманчивый міръ представляетъ ей тысячи соблазнительныхъ прелестей, пусть діаволъ предстилаетъ ей сѣти безчисленныхъ искушеній: но теплая Вѣра и любовь, взирая на распятаго Іисуса такъ всегда помышляли и помышлять будутъ: „Созерцаемъ на „крестѣ висимаго, и Ему сострадать „хощемъ.„ Благочестивыя души при сихъ словесахъ небесною объемлются радостію: но ожесточенный грѣшникъ, до днесь непрестающій распинать Господа, ничего при семъ не можетъ чувствовать, кромѣ содроганія. Оплачемъ жребій сего у подножія креста Христова. Послѣдуемъ за Искупителемъ въ славу его путемъ страданій Его. Тако жили многіе Христіане; тако живутъ многіе праведники, и тако всегда будутъ жить водимые духомъ живыя Вѣры.

Тою же Вѣрою будучи одушевляемы разсудимъ мы далѣе о Іисусѣ Христѣ, уми-

умирающемъ, яко о совершенномъ примѣрѣ нашихъ нравовъ и нашея жизни. Вися на крестѣ, что Онъ къ намъ глаголетъ? Какія преподаетъ наставленія? Не иныя, развѣ покаянія, умерщвленія плоти и самыя смерти. Вѣрующая душа, дабы учиниться сообразною смерти Хрістовой, не можетъ отрещися отъ исполненія помянутыхъ внушеній, а тѣмъ паче, что естьли мы и умремъ со Іисусомъ; то жизнь наша съ нимъ же просіяетъ въ вѣчности о Господѣ. Внемлемъ убо наставленію распеншагося Бога-человѣка. Явимъ себя мертвыми міру и себѣ самимъ. Се ученіе для праведныхъ! Се, чему насъ научаетъ на крестѣ пригвожденный!

Мы должны умереть міру, всѣмъ его пышностямъ, соблазнительнымъ правиламъ и развратнымъ зрѣлищамъ. Хрістіанская душа ничего не должна имѣть предъ своими очами, кромѣ креста Хрістова. Взирая на распятаго Іисуса за грѣхи міра, вообразимъ мы, за что должно почитать удовольствія, сокровища, чести и все щастіе сего развращеннаго вѣка; вообзимъ и при семъ разсудимъ, какое уготовляется блаженство для души, по примѣру Начальника своея Вѣры плачущей,

страж-

страждущей, гонимой? Не будемъ почитать себя злощастными, когда мы лишаемся погибельныхъ сладостей міра сего, когда пріемлемъ участіе въ чашѣ страданій своего Спасителя, когда въ свѣтѣ поступаютъ съ нами, якоже съ Нимъ, забываютъ якоже Его, и гнушаются якоже Имъ. Естьли міролюбцы въ такомъ положеніи нашемъ къ намъ приближатся и рекутъ: „Пріобщитеся къ нашимъ забавамъ, къ „нашимъ ликованіямъ, къ нашимъ удо„вольствіямъ.„ Мы должны сказать имъ откровенно: никакъ! сердце наше не предается вашимъ обольщеніямъ и суетамъ заразительнымъ. Намъ міръ сраспялся, и мы міру. Дай Богъ, чтобъ мы ни въ чемъ не искали славы своея, развѣ въ уничиженіи нашего Спасителя; ни въ чемъ бы не искали богатствъ, развѣ въ Его бѣдности, и не знали бы никакихъ удовольствій, кромѣ чаши страданій Его: намъ бо *да не будетъ хвалитися, точію о крестѣ Господа нашего Іисуса Хріста* (*). И естьли самому Богочеловѣку страданіями надлежало внити въ славу свою: то какъ же мы можемъ ужасаться пути сего? Можемъ ли

(*) Гал. IV. 14.

ли мы забывать, кто глава наша? Какой стыдъ видѣть прочїе тѣлесные члены нѣжимыми, когда глава ихъ увѣнчана тернїемъ! Не забудемъ вѣчно, что намъ не можно внити въ славу Христову, развѣ путемъ страданий Его; будемъ всегда памятовать, что мїръ врагъ Его, что никому нельзя служить двумъ господамъ, а непремѣнно, чтобъ угодить единому, должно оставить другаго; наконецъ пусть навсегда да будетъ запечатано въ сердцѣ нашемъ сїе Апостольское слово: *аще избыточествуютъ страданїя Хрїстова въ насъ: тако Хрїстомъ избыточествуетъ и утѣшенїе наше* (*).

Сверхъ сего, чтобъ совершеннѣе уподобиться намъ жизнїю своею страждущему Іисусу Хрїсту: то не довольно умирать единственно мїру; а наипаче мы обязаны умирать себѣ самимъ, умирать своимъ злымъ наклонностямъ, своимъ неудовольствїямъ, своимъ огорченїямъ; умирать своимъ чувствамъ и ихъ порочнымъ прихотямъ; умирать своему разуму и его суетной кичливости, ослушанїю, любопытству, упорности; умирать своей волѣ, ограничивая зазорныя ея пожеланїя, благоуправ-

(*) II. Кор. I. 5.

управляя ея стремленіями, погашая воспаленія ея, очищая ея пристрастія изъ земныхъ и плотскихъ, сколько возможно, дѣлая ихъ небесными и духовными. Словомъ, умирать себѣ самимъ и всему предосудительному, умирать, чтобъ жить со Хрїстомъ, внѣ Коего, яко источника истиннаго живота, все болѣзнь и смерть вѣчная.

Высокія истины и ужасныя обязательства! Но совершенный Хрїстіанинъ не долженъ оныхъ бояться: ибо кто представляетъ намъ иго креста, той же можетъ и облегчить оное, самъ способствуя намъ въ понесеніи тяготы его. Мы должны страдать, жертвовать собою, сокрушаться послѣдуя примѣру распятаго Іисуса; это несомнѣнно: но при семъ послушаемъ мы гласа души неослабно подвигъ Вѣры совершающей; она егда испытуетъ всѣ труды, тяготу и строгости Хрїстіанскаго благочестія, вѣщаетъ: „при понесеніи креста „моего я взираю на распятаго, и „Онъ облегчаетъ бремя меня изнуряю„щее; взираю на раны Его, и онѣ „услаждаютъ горесть смерти моея.„ Великое чувство благочестія! таковое же долженъ имѣть и всякъ, не смотря на то, что смущенная природа взирая

на

на строгость Евангельскаго закона содрогается искушенїй, которыя непремѣнно должно испытывать вѣрующему по залогу Вѣры. Помышленїе о Бого-человѣкѣ, за насъ пострадавшемъ, можетъ для всякаго человѣка быть довольнымъ подкрѣпленїемъ, силою и утѣшенїемъ. Сїе воображая, страдая что мы не речемъ ко Господу?

Иногда смирившись при созерцанїи креста Хрїстова мы возблагодаримъ Бога за любовь Его, за любовь, по которой восхотѣлъ учинить насъ достойными причастниками страданїй своихъ и чаши своего Искупленїя. Взирая на распятаго, мы не огорчимся бременемъ крестнымъ, а прїявшись за понесенїе онаго речемъ внутренно: *чашу спасенїя прїиму.* (*) Иногда орошая воспрїемлемый крестъ свой источникомъ слезъ, мы горько при семъ восплачемся о грѣхахъ, и не нашедши утѣшенїя ни въ сокрушенїи, ниже въ воздыханїяхъ сердечныхъ, скажемъ предъ Господемъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (**). — Иногда лобызая вещественный крестъ Искупителя мы не можемъ

(*) Псал. CXV. 3.
(**) Лук. XV. 18.

жемъ не возчувствовать собственнаго хладнокровія и лѣности въ подвигахъ Вѣры; и такъ пришедши въ благочестивое чувство немедлѣнно восхощемъ оживить упованіе и любовь свою. Боже милосердый! возглаголетъ при семъ положеніи исправляющееся наше сердце, естьли цѣною заслугъ Твоихъ я давно уже могу обрѣсти неизмѣримыя сокровища оправданія: то восхощешь ли ты лишить меня дара Благодати своея хотя въ сіе время? Пусть, поздно я умоляю тебя о спасеніи своемъ, по сему не заслуживаю Твоего благоутробія; но пречистая кровь Твоя и неизреченная любовь за меня ходатайствуютъ и просятъ. Ты ли убо не избавишь отъ вѣчныя клятвы обращающуюся на покаяніе душу? Ты ли, иже *возлюби насъ много и себе предаде за ны*, (*) ее не помилуешь?

Се источникъ неизчерпаемый, о душа моя! изъ котораго во время страданій и креста своего ты можешь почерпать силу, подкрѣпленіе, непоколебимость, облегченіе и отраду. Воззрѣніе на распятаго Іисуса учинитъ для тебя, я не скажу сноснымъ, но удобнымъ, легкимъ, любезнымъ и утѣши-

(*) Ефес. V. 25.

тельнымъ понесенїе ига Хрїстова. Чему вѣруя, ты не токмо наидешь въ немъ во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ совершенный примѣръ всѣхъ добродѣтелей, но даже благодать и помощь, способствующїя тебѣ съ успѣхомъ совершить оныя. *Виждь убо, да сотвори по образу показанному тебѣ на горѣ* (*).

Подъ конецъ всего да речетъ кїйждо изъ насъ въ сердцѣ своемъ, что непрестанно проповѣдуютъ намъ и разумъ и вѣра: распеншїйся Iисусъ Хрїстосъ нынѣ есть Господь нашъ и Избавитель; есть ли мы будемъ Ему послѣдовать, то онъ и въ вѣчности будетъ нашъ Єпаситель; но есть ли подражать ему престанемъ, то онъ будетъ нѣкогда нашимъ судїею. Блажени, есть ли мы, нося на тѣлѣ своемъ изображенїе креста его, или лучше, запечатлѣвая оный въ сердцѣ, стараемся быть всегда Искупившему насъ сообразны! ибо сїе послужитъ нѣкогда къ вѣчному нашему оправданїю и славѣ. Но когда между нами и распятымъ Богочеловѣкомъ нѣтъ никакого сходства; то безъ всякаго суда мы осуждены уже, и опредѣленїе вѣчныя кля-

(*) Исход. XXV. 40.

клятвы носимъ въ себѣ самихъ. Правда не малаго для насъ нынѣ сїе стоитъ, чтобъ послѣдовать Спасителю неся неослабно крестъ свой: но возведемъ очи свои горѣ, и озарившись свѣтильникомъ Вѣры, примѣтимъ заблаговременно въ небесахъ тотъ сїяющїй крестъ велелѣпїемъ и славою, которой явится въ день всеобщаго суда человѣкомъ; не ободритъ ли видѣнїе сїе нашихъ слабостей? Не подкрѣпитъ ли, а особливо, когда увѣрены, что естьли на землѣ прїобщимся его поношенїя и безславїя, то онъ на небеси составитъ для насъ вѣнецъ нашея славы? Симъ воображенїемъ оживимъ силы свои, и при сладкой надеждѣ вѣчнаго оправданїя неся крестъ свой не облѣнимся почерпать новую крѣпость изъ священныхъ страданїй умершаго за насъ Спасителя. Потечемъ въ слѣдъ его непоколебимо. Да будетъ Хрїстосъ страждущїй примѣромъ подражанїя во время нашея жизни, прибѣжищемъ въ часъ смертный: по сему онъ же пребудетъ и наградою нашею въ вѣчности. Повергнемся на нѣсколько къ подножїю креста его, и посвятимъ ему остатокъ живота своего взывая:

Покланяемый крестъ моего Спасителя! Доколѣ въ мїрѣ я, готовъ на

всякое время Тебѣ собою жертвовать; готовъ, питая въ сердцѣ своемъ въ разсужденіи тебя благоговѣніе, въ разсужденіи грѣховъ моихъ раскаяніе, а въ разсужденіи Спасителя моего любовь и благодарность. Тебѣ, источникъ Искупленія! я посвящаю всѣ мои помышленія, словеса, чувствованія, дѣянія; хощу отъ нынѣ непреложно, чтобъ всѣ мои намѣренія и предпріятія, или лучше весь я былъ ознаменованъ печатію твоею. Но паче всего желаю, чтобъ ты внѣдренъ былъ неизгладимо въ сердцѣ моемъ: ибо не довольно для меня имѣть изображеніе твое предъ очами, не довольно носитъ оное на тѣлѣ; но я хощу, чтобъ оно царствовало въ душѣ моей, а съ нимъ и чрезъ него, чтобъ и Хрїстосъ самъ присутствовалъ. Неоцѣненное древо жизни! Почитая святость Твою, я не смѣю просить Вседержителя о низпосланіи мнѣ крестовъ духовныхъ; ибо я чувствую слабость, знаю свою немощь; но естьли благоутробный мой Спаситель, желая учинить меня славы своея причастникомъ по заслугамъ праведнымъ, самъ на меня оные пошлетъ; я пріиму ихъ съ повиновеніемъ, пріиму съ радостію; ибо по беззаконіямъ своимъ я заслуживаю адъ:

то

то могу ли жаловаться на краткое огорченіе креста духовнаго? Естьли не постражду здѣсь, то я буду страдать вѣчно. Богъ, мною почитаемый, вознесенъ на крестъ: то можетъ ли для меня быть прискорбіемъ, дабы присѣдѣть токмо подножїю ногъ его? Хотя бы и подлинно казалось мнѣ бремя сїе несноснымъ, но се я слышу гласъ Благодати: „Я твоя помощь, „подкрѣпленіе, сила и утѣшеніе.„ — Священный залогъ Вѣры! тебѣ я хощу жертвовать всею жизнію моею; тебя уповаю видѣть въ рукахъ своихъ въ часъ смертный; въ твои объятія хощу испустить послѣднее мое издыханіе, да ими пренесется душа моя въ объятія моего Создателя.

НАСТАВЛЕНІЕ VI

О

событіи въ страданіяхъ Хрїстовыхъ сего Давидова пророчества: *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася.*

Какое поразительное зрѣлище представляетъ намъ Іисусъ Хрїстосъ въ своихъ страданіяхъ! Святый свя-

тыхъ умираетъ на лобномъ мѣстѣ, на которомъ должны умирать важнѣйшіе законопреступники — злодѣи, убійцы.

Неповинный страдалецъ! уже ли ты не могъ спастися отъ безумнаго насилія Іудѣевъ, могій представить миліоны Ангелъ? Твоя безконечная премудрость не уже ли не могла укротить и исправить ожесточенныя сердца ихъ? — Или неотмѣнно сему такъ уже отъ вѣка быть предуставлено, чтобы ты искупленіе грѣшныхъ содѣлалъ посредѣ земли неиначе, какъ смиреніемъ, ранами, смертію? Неизслѣдимая тайна!

Богъ Отецъ по мѣрѣ нелицепріятнаго правосудія своего за первобытное человѣческое паденіе требовалъ всегда сообразнаго своему величеству удовлетворенія, но мы были сіе исполнить не въ состояніи, и такъ вѣчная клятва вѣчнымъ устрашала насъ лишеніемъ небесныя славы: но ты, благоутробный Ходатай, не смотря на ожесточеніе наше во грѣхахъ, божественными своими страданьми прекратилъ гнѣвъ Отчій, отвратилъ ярость его отъ насъ, да нѣкогда прогнѣвается; — отвратилъ, а по сему ежели когда, то нынѣ во истинну исполнилось уже оное Давидово Пророчество: *милость*

и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася (*).

Великій Подвигоположникъ! знаемъ мы, что отъ самаго созданія міра предѣльный человѣкъ, прогнѣвавъ Отчее величіе, ничѣмъ не могъ удовлетворить правосудію его. Ибо протекли безчисленные вѣки; различныя были жертвоприношенія; закалали безсловесныхъ животныхъ; Израильтяне не щадили первенцевъ для того единственно, дабы умилостивить раздраженнаго Вседержителя: но все было безплодно, доколѣ Ты, отъ вѣкъ проповѣданный Мессія, явившись мірови, не пожертвовалъ самъ собою правосудію безконечному. А чтобъ въ семъ увѣриться, стоитъ токмо намъ увѣдать, что Ты сотворилъ для насъ во время своего рожденія, что подѣялъ въ продолженіи самыя жизни; а наипаче, что совершилъ на престолѣ креста своего.

Превѣчный сынъ Божій, равный и сопрестольный отцу своему, всемогущій и праведный, исполненный всякія святыни и божества, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (**)! своимъ временнымъ воплощеніемъ,

(*) Пс. LXXXIV. 11.
(**) Колос. II. 3.

нїемъ, что ты совершилъ предъ лицемъ Ветхаго деньми, какъ не начало искупленїя человѣческаго рода? Когда ты, неописанное слово, облеклося въ бѣдственную нашу плоть: тогда безконечное смиренїе твое коликую составило возстановленїя нашего жертву? Когда ты, не имый грѣха, неоднократно былъ вносимъ во Іерусалимскїй храмъ для исполненїя закона Моvсеева: сїе не было ли всесожженїемъ за насъ правды законныя? Когда ты, будучи истиннымъ сыномъ божїимъ, ежечасно жертвовалъ своею жизнїю на сонмищахъ дерзновенїю Фарисеевъ и въ храмахъ зависти книжниковъ; тогда что сїе означало, какъ не особенный знакъ твоего о насъ благоволенїя и ходатайства? — Однако все сїе было единое токмо начало нашего искупленїя, а самое совершенїе исполнилось уже тогда, когда ты предъ очами всего мїра померкло на крестѣ солнце праведное.

Непостижимый образъ примиренїя нашего съ Богомъ! безгрѣшный подъемлетъ на себя наши беззаконїя; превѣчный отецъ не щадитъ возлюбленнаго своего сына; закалается спасенїя нашего жертва! — Но кто оныя требуетъ? Кто ею благоугождается? Висяй на древѣ прорцы намъ: одно ли

безу-

безумїе Іудейское причиною твоихъ страданій; одна ли ихъ слѣпота и злоба виною твоея смерти? — или сего отъ тебя ожидало непреложное правосудїе Отчее? Вотъ что, мы слышимъ слухомъ Вѣры, на сїе отвѣтствуютъ намъ мертвенныя уста твои: „Вѣрующїе! не якоже Азъ хотѣлъ, совершихъ дѣло оправданія вашего; но „якоже Отецъ мой; была воля его. „Правдѣ его было угодно, дабы совлекли съ меня и послѣднюю одежду: „но для чего? дабы чрезъ мое обнаженїе васъ облечь во одежду оправданія свѣтлу. Правдѣ Его было угодно, „дабы при всей неповинности моей „яко преступника вознесли меня на „крестъ; съ болѣзнїю мнѣ пригвоздили „руцѣ и нозѣ; съ безчестїемъ возложили тернїе на мою главу, и съ поруганїемъ произносили: *Радуйся! Царю „Іудейскїй* (*); но для чего? дабы посредствомъ моея смерти умертвить „живущїя въ тѣлесѣхъ вашихъ беззаконія. Правдѣ Его было угодно, дабы „меня кротка и безгласна распяли посредѣ двухъ разбойниковъ: но для чего? Чтобъ вы паки не распинали себя мїру, и тако не впадали въ осужденїе вѣчное.„

(*) Мар. XV. 19.

Правосудный Боже! сея ли жертвы не довольно еще для удовлетворенія Твоея правды? — Се мертвъ предъ тобою возлюбленный сынъ твой! На какую бы часть его божественнаго тѣла мы ни обратили очи свои; всего видимъ уязвленна, — видимъ и содрогаемся. Очи его померкли, лице блѣдно, уста запечатлѣнны, ребра прободенны, глава, руки, ноги точатъ источники крови. Что еще можно присоединить къ симъ страданіямъ? Ожесточенные Іудеи! Ваша ярость что еще горшее могла вымыслить къ пріумноженію мученій неповиннаго Страдальца? Не льзя намъ не скорбѣть о смерти Праведника. Но что пользуетъ скорбь безъ душевнаго исправленія, вѣщаетъ намъ на сіе сама небесная Истина? „Послѣдователи мои! знаете ли „вы, для чего на крестѣ распростерты „руки мои? Не для того, чтобъ вы, „воздѣвъ свои руки къ небесамъ, пла„кались на распеншихъ мя ко Господу; „но для того, чтобъ вы, расточенные „всюду, во грѣхахъ плакалися паче о „себѣ и о чадѣхъ своихъ. Вы слыши„те, что беззаконные Іудеи меня по„носятъ и ругаютъ, слышите, и симъ „огорчаетесь: но для меня пріятнѣе „бы было, естьлибъ вы сами отъ нынѣ „обѣщались никогда не произносить

„ниже

„ниже единаго слова злохулительнаго „противу имени моего и Отца моего, „противъ Вѣры и таинствъ ея, про„тивъ закона и святыми его. Я „*жажду* (*), — вкушаю оцетъ и желчь; „чувствительна для васъ скорбь моя: „но о! когда бы чувствовали, что я „жажду паче вашего исправленія въ „чувственности и чревоугожденіи. Вы „видите умственно, что я, будучи „оставленъ Отцемъ моимъ, унываю „взывая: *Прискорбна есть душа моя до „смерти* (**), но прискорбна не пото„му, что я гряду ко Отцу моему и „въ руцѣ его предаю духъ мой, а что„бы и вы не забыли по смерти моей, „что онъ и вашъ Отецъ есть, что и „вы нѣкогда къ нему возвратиться „должны. Я умираю, но для вашея „вѣчныя жизни. Съ симъ концемъ, съ „симъ намѣреніемъ преклонивъ главу „испускаю духъ мой.„

Содрогается вселенная, безмолвствуетъ вся тварь, земля трепещетъ, завѣса церковная раздирается, солнце меркнетъ, каменіе распадаются, отверзаются гробы видяще Господа своего на крестѣ бездыханна. Сіе произше-

---

(*) Іоа. IX. 29.
(**) Мар. XIV. 31.

шествіе что должно въ тебѣ порождать, Христіанская душа? Любовь ко Искупителю, а паче страхъ къ Правдѣ и Истинѣ Вседержителя. Распятый Богочеловѣкъ открываетъ тебѣ примѣромъ своего страданія, сколь страшно впасти въ руцѣ Бога живаго! Правосудный Господь погрѣшившихъ Ангеловъ не пощадѣ: что убо сотворитъ съ тобою, естьли паки узритъ тебя согрѣшающею паденіемъ непростительнымъ? Тогда-то послѣдняя наказанія будутъ горше первыхъ.

Однако взирая на страданія Искупителя сколь живо должна ты познавать строгость вѣчнаго правосудія, не менѣе обязана исповѣдывать неизрѣченное человѣколюбіе во Христѣ Іисусѣ. Ибо при совершеніи его смерти чудодѣйственнымъ образомъ въ избавителѣ *милость*, а въ Господѣ *истина срѣтостася*; въ Богѣ Отцѣ *правда*, а въ Богѣ Сынѣ *миръ облобызастася*.

Агнецъ неповинный! когда ты совершилъ дѣло нашего Искупленія изъ твоихъ подвиговъ, былъ первѣйшій *подвигъ моленія* (*). И что означала твоя молитва? Крайнее милосердіе не въ разсужденіи людей праведныхъ и благо-

(*) Мар. XIV. 32.

благочестивыхъ, но въ разсужденiи языка пребеззаконнаго. Ты молился, но за кого? За своихъ враговъ, гонителей, — за Архiереевъ и книжниковъ, устроившихъ совѣтъ противъ твоея жизни; за воиновъ, которые на тебя лжесвидѣтельствовали, водили къ Пилату, распяли посредѣ двухъ разбойниковъ и стрегли даже мертвое тѣло твое. Во время страшныя твоея кончины, когда все было безгласно и тихо, ты единъ возносишь къ небесамъ благоутробный гласъ свой; ты просишь у Господа Саваоѳа, но чего? Не грома и молнiи въ усмиренiе нечестивыхъ, но помилованiя и щедроты взывая: *Отче праведный, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ* (*). Не говоришь ты, висяй на древѣ, всесильный Боже! а взываешь: *Отче*! Не требуешь: воздаждь по дѣломъ беззаконныхъ, а просишь: прости слѣпотствующихъ, *не вѣдятъ, что творятъ*. Не ищешь ты удовлетворенiя за пролитiе неповинныя своея крови, а ходатайствуешь о прощенiи, какъ бы облагодѣтельствованный взывая: *Отче*! пусть враги мои увѣнчали главу мою тернiемъ, но ты ихъ помилуй и помиловавши не лиши

(*) Лук. XXIII. 34.

лиши вѣнца небеснаго; пусть они пригвоздили меня ко кресту, но ты, Отче мой! за обагренныя кровїю моею ихъ руки введи по невѣденїю согрѣшившихъ въ чертогъ вѣчныя славы. Что чувствительнѣе сего моленїя можетъ изображать намъ снисхожденїе твое? Видимъ мы, Избавитель нашъ, въ страданїяхъ твоихъ безконечную къ себѣ *милость!*

Спасшїйся на крестѣ разбойникъ, удостойвшїйся услышать гласъ живота вѣчнаго не увѣряешь ли еще насъ и ты, что милосердїя Искупителева къ намъ бездна многа? Ежели ты, будучи явнымъ преступникомъ святыни его, ежели ты, чистосердечно раскаявшись въ преступленїяхъ своихъ и положившись на заслуги Спасителя, получилъ съ оправданїемъ наслѣдїе вѣчнаго блаженства по словеси: *днесь со мною будеши въ раи* (*): то мы ли уже поучающїеся закону его день и нощь можемъ отчаяваться въ прїобрѣтенїи милости его? Но здѣсь паки представляется предъ очи вѣрующихъ пострадавшее Слово.

Покланяемый сынъ Божїй! когда ты умирая самъ ни откуда не имѣлъ по-

(*) Лук. XXIII. 43.

помощи и утѣшенія; когда ты самъ отъ тягости несноснаго прискорбія вопіялъ ко Господу: *ло что мя оставилъ еси* (*)? Не любовь ли твоя, позабывъ собственную болѣзнь, расположила тебя утѣшать стоящую у креста матерь свою и возлюбленнаго ученика Іоанна? Ей ты глаголалъ, *жено! се сынъ твой* (**)! а ему: *се мати твоя!* До того ли тебѣ было, дабы утѣшать тогда прочихъ, когда страданія твои поминутно пріумножались болѣе и болѣе. Или по безконечной своей милости отъ того самаго часа въ лицѣ матери своея и возлюбленнаго ученика ты всѣхъ вѣрующихъ желалъ и желаешь привести *во своя си*? Всѣ, всѣ дѣянія страданій твоихъ увѣряютъ насъ, Человѣколюбче, что ты умеръ для доставленія намъ вѣчнаго *мира*. — Ты дотолѣ не прекратилъ жизнь свою, доколѣ по неисповѣдимому всевѣденію не проникъ, что страданія твои обрѣли уже плодъ предъ Господемъ. Сіе духомъ божественнымъ проразумѣвши заключилъ ты всѣ болѣзни и смерть свою симъ словомъ: *совершишася* (***). То есть, соверши-

(*) Мар. XV. 34.
(**) Іоан. IX. 27.
(***) Іоан. IX. 28.

шилось о твоихъ заслугахъ примиренїе наше съ правосудїемъ Превѣчнаго; совершился конецъ строгостей ветхозавѣтныхъ и первородныя клятвы; совершилось Тобою дѣло спасенїя нашего посредѣ земли: а по сему всѣ чада сѣни смертныя изъ узниковъ грѣха преобразилися въ сыновъ Благодати и въ наслѣдниковъ небесныя славы. Изъ цѣны многоплодныхъ страданїй Твоихъ всѣ мы чувствуемъ, что ты велїю явилъ къ намъ свою милость, избавивъ Iизраиля отъ всѣхъ наказанїй, сразмѣрныхъ беззаконїямъ нашимъ. Ты убивъ на крестѣ вражду, примирилъ падшихъ и научилъ всѣхъ вопити: Авва, отче! И такъ мы всѣ о тебѣ не чада уже гнѣва, а синове Вышняго.

НАСТАВЛЕНIЕ VII

О

прискорбїяхъ.

Какое ослѣпленїе и какой безпорядокъ тому причиною, что многїе Хрїстїане легкїя прискорбїя почитаютъ великими злоключенїями, а переносящихъ оныя нещастными? Естьли бы идолопоклонники и язычники такъ думали,

то не чему бы дивиться: но когда Христiане питают въ себѣ *такiе помыслы*, то они безчестятъ свою Вѣру, и нѣкоторымъ образомъ оныя отрицаются. Ибо Христiане, покланяющiеся Богу на крестѣ, исповѣдающiе Вѣру основанную на крестѣ, прискорбiя должны почитать за блаженство. *Блажени плачущiи* (*).

Христiане именемъ да будемъ, Христiанами и сердцемъ; возвысимъ свои помышленiя и чувства; прискорбiя почтемъ за нѣчто священное; познаемъ далѣе ихъ важность и цѣну. Ежели мы беззаконницы; Богъ посредствомъ прискорбiй хощетъ, чтобъ мы познали грѣхъ свой, и такъ чрезъ оные очищаетъ насъ отъ болѣзней душевныхъ. Великая къ намъ благость Божiя! Судя по Вѣрѣ, прискорбiя наши должны быть предпочтительны всѣмъ ложнымъ увеселенiямъ и щастiю мiра сего.

Богъ хощетъ, чтобъ посредствомъ прискорбiй мы познавали грѣхи свои. Подлинно, нещастiе всего удобнѣе открываетъ намъ ту пропасть, въ которую увлекаетъ насъ временное благополучiе. Грѣшникъ, находясь въ благополучiи, забываетъ, кажется, что есть

(*) Матѳ. V. 4.

Богъ, которому служить должно, — и что есть душа, которую спасти нужно? Безчисленные суетные предметы занимаютъ всѣ его мысли, развлекаютъ все его вниманіе и лишаютъ почти какъ времени, такъ и средствъ къ познанію самаго себя. Въ такомъ положеніи очи его, взирающія единственно на зазорныя удовольствія, не примѣчаютъ собственнаго заблужденія, или хотя и видятъ, но *какія производятъ* понятія? *Понятія* пустыя и поверхнія, которыя вскорѣ изчезаютъ; понятія очень тѣсныя и темныя, которыя какъ луна въ нощи изливаютъ нѣкоторой свѣтъ, но половиною или четвертою долею; понятія неосновательныя и безпокойныя, съ которыми онъ безпрестанно *сражается*, слѣдственно понятія сухія и безплодныя. *И такъ* что къ сему потребно, чтобъ ихъ сдѣлать дѣйствительными? Нужно, дабы прискорбіе насъ обтекало; оно измѣняетъ весь образъ нашихъ мыслей и дѣяній. Въ началѣ оно удаляетъ отъ грѣшника суетныя и скороисчезающія понятія, потомъ, какъ бы возвратившши его въ себя, или яснѣе приведши въ здравое чувство, заставляетъ его возчувствовать смятеніе совѣсти; наконецъ, какъ бы пробудивши его отъ глубокаго сна, показываетъ къ его изу-

изумленію ту пропасть, по которой онъ отчаянно шествовалъ. Тутъ возраждается въ немъ помышленіе о Вѣчности; Вѣра представляется въ своихъ законахъ; Благодать, вшедши въ сердце прискорбіями объятое, оживляетъ въ немъ всѣ божественныя чувствія, которыя по видимому въ ономъ совсемъ погасли; при оживленіи сихъ дарованій грѣшникъ познаетъ весь стыдъ, злобу и гнусность своихъ беззаконій. Колико поразительныхъ примѣровъ къ увѣренію въ семъ находится въ Исторіи! Богъ не отверзлъ ли очи Давиду, Манассіи и прочимъ безчисленнымъ грѣшникамъ, огорчивъ ихъ сердце?

Однако сего еще не довольно, что грѣшникъ посредствомъ прискорбій можетъ познавать свои преступленія: находясь въ огорченіи онъ не можетъ не проклинать своихъ студодѣяній, и не можетъ не прилѣпляться къ добродѣтели. По сей выгодѣ для души нашей речемъ вси единогласно: Боже! не утрудися посѣщать грѣшника своими наказаньми; ибо когда ты его поражаешь скорбьми и огорченіями, тогда сокрушившись и смирившись онъ повергается въ Твои объятія, яко устрашенный младенецъ въ лоно своея матери.

тери. И се, говоритъ блаженный Августинъ, какое непостижимое, но вмѣстѣ святѣйшее содержится таинство въ огорченїяхъ человѣческихъ, низпосылаемыхъ по избранїю на нѣкоторыхъ отъ руки покланяемаго промысла Божїя. Богъ, поучаетъ помянутый учитель, *наказуетъ* иногда *изъ благости*, а иногда *милуетъ изъ мщенїя*. Ибо въ существѣ правосуднѣйшемъ находится какъ безконечно строгое снисхожденїе, наказующее многихъ для спасенїя, такъ содержится безконечно праведное оставленїе грѣшныхъ, по причинѣ крайняго предувѣденнаго ожесточенїя, щадящее ихъ къ горшей будущей погибели. Сїе мы частїю разумѣемъ нынѣ, но послѣ узнаемъ совершенно, узнаемъ и прославимъ Бога.

Грѣшникъ огорчающїйся! ты стенаешь въ своихъ огорченїяхъ, жалуешься, что дни твои текутъ въ страданїи; судя по бѣдствїямъ, минуты своего живота ты изчисляешь слезами, въ самыхъ удовольствїяхъ ты видишь прискорбїе, въ мїрѣ обольщающемъ вѣроломство, въ друзьяхъ непостоянство, въ намѣренїяхъ противное, въ предпрїятїяхъ препятствїе, ничего подъ своими ногами, кромѣ тернїя или пропасти. Живя довольно времени

ты

ты ничего не имѣлъ болѣе слезъ въ очесѣхъ своихъ, жалобы во устахъ и воздыханій въ своемъ сердцѣ: и доколѣ въ семъ не будешь видѣть своихъ собственныхъ выгодъ? Не уже ли ты не познаешь доселѣ, чья десница тако дѣйствуетъ? Милосердіе Божіе сице устрояетъ твое спасеніе. Сознайся въ семъ, согрѣшающій, что необходимо огорченіямъ твоимъ быть нужно: ибо дабы просвѣтить, то Богъ непремѣнно долженъ лишить тебя зрѣнія, яко Товію; дабы возвысить, непремѣнно долженъ смирить тебя, яко Саула; дабы воскресить въ благодати, непремѣнно долженъ повергнуть тебя яко Лазаря въ гробъ болѣзней. И что лучше сего можетъ учинить съ тобою нынѣ Богъ, желающій твоего спасенія? Ты какъ бы блудно разточилъ всѣ сокровища его благодати. Внушенія Святаго духа, живыя чувствія чистой совѣсти, спасительныя поученія наставниковъ, назидательные примѣры, все сіе по милосердію своему Всевышній низпосылалъ къ твоему блаженству; но ты по развращенію своего сердца учинилъ для себя безплодными. И такъ въ сокровищницѣ благости его ничего уже для тебя не осталось, кромѣ огорченій и прискорбій.

И естьли сїе отнять, то ты останешься забытымъ; а по сему управляя самъ собою, ты скорыми и неудержимыми шагами достигнешь до крайней погибели. Что воображая, непрестанно взывай ко Господу: „Посѣти мя, Боже! „и изцѣлѣю; всегдашнее Твое снисхож„денїе пребудетъ для меня всегда ужа„нымъ признакомъ твоего гнѣва, а „прискорбїя неоцѣненнымъ залогомъ „любви безконечныя.„ Подлинно, сколь многїе грѣшники спасенїемъ своимъ одолжены прискорбїямъ временныя жизни! Смѣло можно сказать, что множество находится во адѣ, которые были бы святыми, естьли бы Богъ благоволилъ и имъ искуситися страданьми, и на противъ не меньше есть святыхъ на небеси, которые были бы въ числѣ осужденныхъ, ежели бы прискорбїя неизвлекли ихъ изъ бездны погибели. И такъ огорченїя составляютъ особенный знакъ благости Божїя.

Ими очищаемся мы отъ беззаконїй своихъ. Святый духъ насъ увѣряетъ, что во время сокрушенїя нашего бываетъ наипаче отпущенїе грѣховъ нашихъ. *Явилъ ми еси скорби многи, и обращся оживотворилъ мя еси* (*). По учрежденїю небес-

(*) Пс. 70. 20.

небеснаго правосудія грѣхи наши заслуживаютъ наказаніе; рано или поздно мы оное должны наслѣдовать, или яко кающіеся въ сей жизни, или яко осужденные въ будущей, но только съ тѣмъ различіемъ, что наказанія сея жизни кратки и спасительны, а наказанія жизни будущей вѣчны и безотрадны. И такъ какую благодарность намъ должно возсылать Богу за то, что онъ по благоутробію своему вѣчныя наказанія измѣняетъ на временныя? Колико мы должны прославлять его за то, что онъ страшныя пораженія десницы вѣчно наказующія, измѣняетъ въ нѣкоторыя посѣщенія руки отеческія, руки насъ смиряющія для большаго возвышенія? Такія прискорбія заслуживаютъ ли наше роптаніе и жалобу?

Грѣшники! желаемъ ли научиться терпѣливому перенесенію тягостей своихъ огорченій? Сравнимъ прискорбія, испытуемыя нами во времени, съ прискорбіями уготованными для насъ въ вѣчности; взвѣсимъ переносимое нами съ тѣмъ, что мы заслужили; а по сему когда мы страждемъ, тогда сознаемся: „Я стражду, это правда; я „нахожусь въ опасной болѣзни; огнь „горячки, разливающійся съ кровію

„моею въ жилахъ моихъ палитъ меня „и сжигаетъ, но сей снѣдающій огнь „столько ли страшенъ и несносенъ, „сколько огнь ада, мною заслуженный? „Я претерпѣваю обиду и утѣсненіе; „безчеловѣчіе подобныхъ довело меня „до крайнія бѣдности: но такое горе„стное положеніе злощастнѣе ли со„стоянія души осужденныя, души „всего оставленныя, и удѣломъ своимъ „ничего неимущія, кромѣ мученія, „соболѣзнованія и отчаянія безконеч„наго?„

Боже правосудный! поражай, наказуй и истязуй меня въ сей жизни, токмо съ тѣмъ, что пощадишь въ вѣчности. Тяжесть временныхъ прискорбій моихъ никогда не можетъ сравниться съ тяжестію наказаній неокончаемыхъ. Что предполагая повергнемся, вѣрующіе, къ подножію креста Господня; облобызаемъ десницу насъ поражающую; прославимъ Бога въ образѣ Отца насъ наказующаго. Мышца его вознесена въ пораженіе наше, но сердце отверсто къ воспріятію кающихся и готово къ спасенію грѣшныхъ.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ VIII

О

прискорбіяхъ Праведнаго.

Душа благочестивая! оживись Вѣрою; она тебѣ нужна, дабы проникнуть въ намѣреніе, съ какимъ Богъ посылаетъ прискорбія на праведнаго, и дабы почудиться Спасительнымъ дѣйствіямъ, въ праведникѣ отъ прискорбій раждающимся.

Богъ чрезъ прискорбія добродѣтель праведнаго испытуетъ, — очищаетъ, — укрѣпляетъ, — пріумножаетъ и совершенствуетъ. Се колико безцѣнныя выгоды самъ праведникъ обрѣтаетъ въ прискорбіяхъ своихъ; а по сему не токмо огорчаться и роптать, но паче не должно ли ему прискорбія свои почитать за особенные знаки Божія милости? Премудрый Промыслитель! подкрѣпи насъ въ разсужденіи искушенія, слабой природѣ толико противнаго и недальновидныя наши чувства и разумъ много превосходящаго.

Чрезъ прискорбія Богъ *испытуетъ* добродѣтель праведнаго. Тако искушалъ Онъ Іова отнявши у него все, чѣмъ Іовъ яко любезнымъ ни обладалъ въ мірѣ; тако Авраама, повелѣвый ему принести

сти въ жертву себѣ единороднаго сына Исаака; тако Товїю, лишивъ зрѣнїя; тако испытуетъ онъ еще и нынѣ на всякъ день души праведныя, души любви своея достойныя по слову: *Ихъ же аще люблю, обличаю и наказую* (*). Тысячекратно мы обѣщавались Господу, что пребудемъ ему всегда вѣрными, что лучше во многихъ случаяхъ лишимся жизни, нежели противное что нибудь предъ нимъ исполнимъ; что ни жизнь, ни смерть, ни мїръ, ни адъ не могутъ насъ отлучить отъ любви Его; сїи обѣщанїя наши безъ сомнѣнїя ему прїятны: но онъ хощетъ еще испытать, сколь много они искренны и непреложны, всегда ли дѣянїя нашей жизни соотвѣтствуютъ словамъ нашимъ, словомъ, онъ хощетъ другаго свидѣтельства, вѣрности нашей, нежели въ однихъ словахъ содержащагося, и сїе свидѣтельство состоитъ въ нашихъ прискорбїяхъ. Или скажемъ лучше, не Богъ собственно хощетъ узнать нашу добродѣтель, ибо ему наше сердце извѣстно: но Онъ хощетъ, чтобы праведный узналъ и испыталъ себя самаго. Ибо въ сколь безчисленныхъ случаяхъ мы оболща-

(*) Апок. III. 19.

щаемъ себя самихъ, обманываемъ въ разсужденіи расположеній своего сердца? Давидъ, будучи удаленъ отъ нѣкоторыхъ случаевъ, думалъ, что его ничто поколебать не можетъ; но той же Давидъ при случаѣ палъ злощастно. *Господи! съ тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть итти* (*), сказалъ Святый Апостолъ Петръ; но мало спустя, одно слово рабыни могло легко содѣлать его отпадшимъ отъ Вѣры. Коликое множество праведниковъ внѣ опасностей почитали себя непоколебимыми, а при стеченій обуревающихъ искушеній претерпѣли плачевное кораблекрушеніе? Научимся изъ сего, слабодушные Христіане, познавать себя, и дотолѣ себѣ самимъ не довѣрять, доколѣ искушеніе прискорбій не увѣритъ насъ въ непоколебимости нашей, и добродѣтели нашей не учинитъ извѣстнѣйшаго и надежнаго свидѣтельства.

Горе мнѣ! Во многихъ случаяхъ посредѣ Святаго храма Твоего предпринималъ я, Боже! благія намѣренія. Многократно я почиталъ себя удобнымъ къ перенесенію всѣхъ подвиговъ въ угожденіе твое, Сердцевѣдче! но при малѣйшемъ случаѣ всѣ мои пред.

(*) Лук. XXII. 33.

предпріятія изчезли, вся моя крѣпость ослабла.

Чрезъ прискорбія Богъ *очищаетъ* добродѣтель праведнаго. Праведникъ, говоритъ Духъ Святый, седьмижды на день падаетъ, т. е. человѣкъ, сколько бы благочестивъ ни былъ, въ безчисленныхъ поступкахъ можетъ найти себя виновнымъ, представивъ предъ очами своими Бога. Онъ всегда имѣетъ нѣкоторыя пристрастія, соестественныя своему сердцу; имѣетъ какую-то наклонность ко злу, какую-то приверженность къ вещамъ міра сего, а наипаче къ самому себѣ; всегда въ немъ примѣтно великое хладнокровіе къ добродѣтели, лѣность къ исполненію закона, упорство противъ истины, вѣроломство противъ Благодати. Сіи мрачныя тучи слабы противъ силы Евангельской: однако они могутъ на вѣки затмить сіяніе добродѣтели и возпрепятствовать соединенію съ Богомъ.

Сіи-то самыя препятствія Богъ хощетъ разрушить, и сіи-то тучи разогнать хощетъ. Но какое къ тому и къ другому удобнѣйшее средство? Прискорбія! Проступки праведныхъ суть пятна очерняющія ихъ душу. Сіи пятна не истребляютъ со-

всемъ любви къ Богу, но ее охлаждаютъ; не лишаютъ совсемъ благодати, но оную искажаютъ и препятствуютъ ея впечатлѣніямъ; не причиняютъ смерти душамъ нашимъ, но приводятъ ихъ въ слабость и изнеможеніе. И такъ Богъ ихъ любящій и равно отъ душъ праведныхъ любимый, хощетъ учинить всѣхъ любви своея достойнѣйшими чрезъ прискорбія. Праведникъ на землѣ яко злато драгоцѣнное, но сіе злато имѣетъ нужду въ очищеніи; по сему нужно ему, для полученія лучшей цѣны и сіянія, искуситися огнемъ прискорбій. Богъ любящихъ его наказуетъ, и наказуетъ яко Отецъ. Рука наказующая праведныхъ есть путь, руководствующій къ благоутробному сердцу, и къ Человѣколюбцу, всѣмъ желающему спасенія.

Колико были бы мы блаженны, естьли бы всегда имѣли такія чувствованія, естьли бы всегда лобызали десницу насъ поражающую и съ пораженіемъ творящую возстаніе, и естьли бы наконецъ искушенія, посылаемыя на насъ отъ Всевышняго не столько за прискорбіе, сколько за милость почитали! Благодать вынуждаетъ меня на сіе согласиться, но природа нѣсколько противоборствуетъ; не внемля

не-

несогласїю ея, подкрѣпи, Боже! слабость мою и продли дѣло своего милосердїя.

Чрезъ прискорбїя Богъ *подкрѣпляетъ* добродѣтель Праведнаго. Мы сїе знаемъ совершенно, да опытъ и Вѣра насъ въ томъ увѣряютъ, что Праведный никогда болѣе не ужасается себя самаго, какъ въ то время, когда онъ ничего не боится, и напротивъ тогда только онъ въ *разсужденїи* всего бываетъ благонадеженъ, когда въ себѣ самомъ мало увѣренъ. Никогда онъ не показывается паче твердымъ и непоколебимымъ, какъ не довѣряя самому себѣ, когда прибѣгаетъ къ Богу, и помощи, которыя въ себѣ найти не уповаетъ, отъ него надѣется. Но къ такому щастливому состоянїю приближаетъ насъ одно прискорбїе: ибо прискорбїе не токмо удаляетъ отъ насъ предметы, могущїе поколебать нашу твердость, но обязываетъ стараться неусыпно о себѣ самихъ, заставляетъ не довѣрять собственнымъ силамъ, располагаетъ прибѣгать къ Богу, яко къ надежнѣйшему своему помощнику, вынуждаетъ болѣе и болѣе удаляться отъ мїра, отъ вещей, которыхъ суету и гиблемость ничто намъ такъ ясно не показываетъ, какъ временныя прискорбїя.

бїя. И такъ естьли находится какое средство, удобнѣйшее добродѣтель нашу учинить твердою и постоянною, то наипаче недовѣріе наше къ себѣ самимъ и упованіе на единаго Бога. Се два непоколебимыя основанія великаго строенія человѣческаго, состоящаго въ святости душевной.

Утверди душу мою, Боже! на крѣпости сихъ основаній. Зная свою слабость, я не смѣю просить тебя о прискорбіяхъ: но естьли страданія нужны къ подкрѣпленію моему; низпошли мнѣ благодать и силу для понесенія оныхъ. Низпошли силу, — я спѣшу почерпнуть оную изъ источника твоихъ собственныхъ страданій у подножія креста твоего; низпошли Благодать; — ибо я умоляю Тебя о ней гласомъ твоея пречистыя крови, на меня обильно изливающейся.

Наконецъ чрезъ искушенія Богъ *пріумножаетъ* и *совершенствуетъ* добродѣтель праведнаго. За неоспоримое сказать можно, что прискорбія подаютъ случай къ исполненію всѣхъ добродѣлей, и совершенствуютъ, или приплождаютъ успѣхи въ оныхъ. Посредствомъ прискорбій Вѣра дѣлается живѣйшею, упованіе крѣпчайшимъ, любовь горячайшею, кротость, терпѣніе, муже-

мужество пускаютъ глубочайшїе корни и приносятъ жатву обильнѣйшую. И такъ праведникъ пусть иногда можетъ воззвать къ Богу, чтобы онъ избавилъ его отъ низпосланныхъ прискорбїй и освободилъ отъ тяжкихъ искушенїй: но Богъ, будучи ревнитель своея славы и спасенїя душъ человѣческихъ проречетъ ему реченное Апостолу Павлу: гораздо полезнѣе сносить тебѣ *тяготу прискорбїй*, нежели совсемъ отъ нихъ быть освобожденнымъ, *сила бо моя въ немощахъ совершается* (*). Пусть ты, что день, то новыя будешь чувствовать страданїя; что часъ, то новымъ будешь подлежать мученїямъ: но новые случаи къ сраженїю новымъ пребудутъ для тебя поводомъ къ торжественной славѣ. Сражайся неослабно во очахъ моихъ; при крайнемъ изнеможенїи, видя ревность духа твоего, я подкрѣплю тебя невидимою силою моею. Вооружайся бодростїю; ополчайся мужествомъ; мало — понеси прискорбїе, и на цѣлую вѣчность будешь радоваться.

О сокровища неизмѣримыя, сокровенныя въ огорченїяхъ временныхъ! О про-

(*) II Кор. 12.

Промыслъ дивный, низпосылающїй ихъ на праведныхъ! Познавъ толикую цѣль и пользу вашу, я не токмо не реку, какое противоборство и какое терпѣнїе, но естьли имѣетъ кто Вѣру, то при испытанїи васъ какое утѣшенїе и какую радость имѣть потребно! Однако какимъ окомъ на прискорбїя всѣ мы обыкновенно смотримъ? Видя Іова лежащимъ на гноищѣ, Іосифа заключеннымъ во узахъ и въ темницѣ, Давида гонимымъ отъ Семея, словомъ, праведника страждущимъ, всѣ со удивленїемъ возглашаемъ: какой это человѣкъ нещастной! сколько достоинъ сожалѣнїя! Слѣпотствующїе! доколѣ мы грѣшить не престанемъ? Страждущихъ мы почитаемъ злощастными, а Іисусъ Хрїстосъ нарицаетъ ихъ блаженными. Гдѣ Вѣра наша? Богъ прискорбїями посѣщаетъ праведнаго; онъ такъ съ нимъ поступаетъ потому, что любитъ его яко сына. Ибо сказано: *аще безъ наказанїя есте, убо любодѣйчищи есте, а не сынове*(*). И естьлибъ Богъ поступалъ съ нимъ такъ, какъ поступаетъ съ щастливцами вѣка сего, т. е. естьли бы онъ попустилъ его наслаждаться всѣми удовольствїями мїра, заблу-

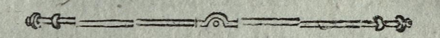
(*) Евр. XX. 7.

ждать съ міромъ, быть развращеннымъ, якоже міръ: то онъ, пришедши нѣкогда судити вселенной, купно осудилъ бы его съ міромъ.

И такъ престанемъ удивляться, вѣрующіе, видя, что праведные страждутъ: ибо они по тому единственно и страждутъ, что праведны; а естьли престали быть праведными, то престали бы и страданія переносить. Святый Святыхъ самъ былъ мучимъ не иначе, какъ пріявши образъ страждущаго человѣка; онъ учинился примѣромъ подражанія для предопредѣленныхъ, и неиначе, какъ участвуя въ скорбѣхъ его, всякъ можетъ учиниться причастнымъ славѣ его. Чѣмъ болѣе яко праведники поскорбимъ мы въ семъ мірѣ, тѣмъ паче яко избранные превознесемся въ вѣчности. Страданія суть печать избраннымъ; естьли кто отходя отъ сея жизни не будетъ оною замѣченъ, тотъ во страну живыхъ никогда не внидетъ. Мы всѣ чада Голгоѳы; на сей горѣ отродилъ насъ въ жизнь благодатную Іисусъ Христосъ своею кровію. Сей благоутробный Отецъ нашъ, умирая ничего намъ, чадамъ своимъ, не оставилъ въ семъ мірѣ въ наслѣдство, кромѣ своего креста и благодати. Воспріимемъ убо ихъ съ

благо-

благодарностію и уваженіемъ; соблюдемъ съ крѣпостію и мужествомъ, да тако съ утѣшеніемъ пожнемъ нѣкогда плодъ воздаянія.

НАСТАВЛЕНІЕ IX

О

достоинствѣ и превосходствѣ души нашей.

Душа наша сотворена по образу Божію, искуплена кровію Бого-человѣка, предопредѣлена къ блаженству съ Богомъ. Се оныя начало, цѣна и конецъ. По симъ свойствамъ научимся познавать, что есть душа наша; научимся уважать оную, освящать, однимъ словомъ, спасать ее. На сіе бо всѣ мы созданы. *Сіе бо есть всякъ человѣкъ* (*).

Душа наша сотворена *по образу Божію*. Когда я разсуждаю о вселенной и о всѣхъ твореніяхъ, ее составляющихъ: вижу себя окруженнымъ безчисленными предметами, произведеніями, веществами. Всѣ созданія представляютъ мнѣ нѣчто величественное; во всемъ я примѣчаю изображеніе

 Боже-

(*) Еккл. XII. 13.

Божества, — живыя черты Всемогущія и Премудрыя Десницы. Солнце представляетъ мнѣ сіяніе славы Превѣчнаго, — земля бездну его благостей, — море, пучину его неизслѣдимости. Все въ мірѣ высоко; но во всѣхъ твореніяхъ видимыхъ нѣтъ, которое бы совершенно изображало образъ невидимаго; нѣтъ, и такъ я прехожу къ твореніямъ новымъ, взираю умственно на существа невещественныя, и созерцаю бытіе разумное, свободное, словесное, одаренное нѣжными чувствованіями и жизнію нескончаемою; созерцаю свою собственную душу и съ радостнымъ восторгомъ возвѣщаю мірови: се живый образъ, толико мною искомый! се, я въ себѣ самомъ его обрѣтаю! въ душѣ моей я вижу истые знаки покланяемыхъ совершенствъ Божіихъ, его безсмертія, красоты и блаженства.

Богъ при созданіи нашего праотца рекъ въ себѣ самомъ: *сотворимъ человѣка по образу и по подобію нашему* (*). Се убо божества зерцало! разсмотримъ сходство подобія съ вѣрностію первообразнаго. Богъ есть духъ, и душа наша существо невещественное; Богъ есть премудрость, и душа наше созданіе

(*) Быт. I. 26.

данїе разумное; Богъ есть добро пресовершенное, и душа наша существо, непрестанно къ добру стремящееся; Богъ есть творецъ преблаженный, и душа наша живый лучь славы его: ибо проистекла отъ чистѣйшаго дыханїя Вседержителева. Однако сїя вышеестественная красота души человѣческой, поелику не всѣмъ какъ праведнымъ, такъ и беззаконнымъ принадлежитъ равномѣрно: то колико бы мы удивились, естьли бы могли узрѣть всю лѣпоту души, благодатїю отрожденныя, души унаслѣдившей неизреченное богатство откровенїя, души облеченныя во все совершенство и величїе Вѣры? Предъ красотою ея меркнетъ сїянїе звѣздъ и солнца. Душа чрезъ благодать соединилась съ Богомъ; по сему соединенїю не живетъ она въ мїрѣ, но превыше небесъ въ самомъ Богѣ и Богъ въ оной обитаетъ яко въ лучшемъ своемъ жилищѣ. Душа чрезъ откровенїе обручается, яко благообразная невѣста Їисусу Хрїсту; и по сему она прїобщается уже, по Апостольскому слову, самой сущности Божества, творясь Їисусу Хрїсту *стѣлесною и сопричастною*. Какое величїе! какое достоинство души, носящей на себѣ образъ и подобїе Божїе! Что познавая, сколь

 нуж-

нужно, что бы она никогда не позабывала величество своего начала и превосходство бытія; столько же потребно, чтобъ и то и другое поддерживала высокими дѣяньми, не позабывая цѣны своея.

Душа *искуплена кровїю* Бого-человѣка. О душа многоцѣнная! возносись превыше земли и своея плоти: ибо когда ты куплена кровїю Бога-человѣка, то все въ мїрѣ тебя несравненно ниже. — Христїанинъ! желаешь ли ты познать подлинное величїе своего достоинства? Вопроси о семъ Бога искупителя. Воззри на его подвиги, на его раны, на его мученїе, на его кровь, на его смерть, и они тебѣ покажутъ чего ты стоишь, показуя цѣну души твоея. — Искупитель страждетъ поносно, на крестѣ испускаетъ духъ свой, что сїе значитъ? Кровь его восходитъ на небо, не яко Авелева для низведенїя на тебя гнѣва Божїя, а яко пречистаго Агнца восходитъ для примиренїя и усыновленїя твоего съ Богомъ. Се чего ты стоишь!

О святая и таинственная Вѣра! Богъ съ одной стороны видѣлъ множество душъ по беззаконїямъ своимъ погибшихъ, а съ другой временную жизнь Превѣчнаго Слова. Сему должно было

учи-

учиниться жертвою, умилостивляющею безконечное правосудїе, или душамъ остаться вѣчно злощастными. Крови пречистой непорочнаго Агнца надлежало излитися на землю, или душамъ, подпадшимъ строгой клятвѣ, вѣчно окаявать себя во адѣ. При стеченїи сихъ крайностей Богъ предпочелъ наконецъ спасенїе и искупленїе души человѣческой крови и жизни возлюбленнаго своего сына. О святая и таинственная Вѣра! Господь нашъ чуденъ совѣтникъ!

По искупленїи душа наша опредѣлена вѣчно блаженствовать съ Богомъ. Разсуждая объ ней по той бѣдности и по тѣмъ страданїямъ, какимъ она подлежитъ въ семъ мїрѣ, яко узница, заключенная въ темницу плоти, можно сказать: Существо безплотное! гдѣ твое достоинство? Гдѣ промыслъ Божїй? Како ты созданїе, предъ прочими превосходнѣйшее, доведена до толикаго униженїя? Но есть ли воззримъ на нее очами Вѣры: то узнаемъ, что душа наша доведена до такого состоянїя на весьма краткое время, что Богъ заключилъ ее въ мїрѣ, яко въ странѣ заточенїя для заслуги царства небеснаго, что заточенїе ея вскорѣ кончится, что изтекши изъ объятїя Божїя паки она

должна возвратиться въ оное, что рано или поздно малѣйшія прискорбія изчезнутъ и возсіяетъ незаходимое солнце всегдашнія радости. Тогда-то, вшедши въ жилищѣ избранныхъ, она возцарствуетъ съ ними вѣчно и насытится блаженствомъ самаго Бога.

Взирая на столь высокое предопредѣленіе души нашея не должно уже удивляться всему, что Богъ для оныя сдѣлалъ; не должно удивляться, что Искупитель для спасенія ея низшелъ на землю; не должно удивляться, что вдохновенные благовѣстники Евангелія преходятъ за предѣлы моря, проповѣдуютъ откровенную Вѣру въ концахъ вселенныя; не должно удивляться, что служители церьковные тщательно пекутся о исправленіи заблудшихъ, что церковь непрестанно призываетъ ихъ на путь спасенія, и призывая открываетъ средства къ обращенію: но естьли что дивно, то сіе, како многіе Христіане, просвѣщенные Вѣрою въ разсужденіи достоинства и величія своего, душу свою во многихъ случаяхъ за ничто почитаютъ? Благочестивые отшельники, дабы спасти душу свою, разлучившись съ міромъ, вѣчно погребали себя въ пустыняхъ; православные подвигоположники, дабы не остаться осужден-

денными, предавались всѣмъ строгостямъ покаянїя; подражаемые мученики, дабы не погибнуть душевно, съ охотою претерпѣвали великїя казни: но Хрїстїане, работая плоти и мїру когда не берегутъ о спасенїи души своей, суть ли Хрїстїане? Одно имя Хрїстїанина написано на челѣ ихъ, а чувствїя Хрїстїанскїя изъ сердца изгнаны.

Нѣкоторый Государь потребовалъ, чтобъ Григорїй Богословъ сдѣлалъ нѣчто беззаконное. Государь! отвѣтствовалъ ему праведникъ, естьли бы я имѣлъ двѣ души, то одной могъ бы пожертвовать твоему изволенїю: но какъ я имѣю ее одну, то хощу спасти оную. Какое высокое чувствованїе! будемъ послѣдовать оному во всѣхъ случаяхъ во вѣкъ — когда только спасенїе души нашей бываетъ въ опасности. Да речетъ кїйждо на всякое время: я имѣю одну душу, и хощу спасти оную.

НАСТАВЛЕНІЕ X

О

спасеніи душевномъ.

Вѣра меня научаетъ, что душа моя сотворена по образу Божію, искуплена его кровію и опредѣлена съ нимъ вѣчно блаженствовать. Но сіи высокія истины какимъ должны служить для меня размышленіемъ? Какія должны возраждать чувствія въ сердцѣ моемъ? Самъ сіе открой ты мнѣ, Боже! и научи, како могу спасти душу мою.

Когда я разсуждаю о превосходствѣ души моея, судя по ея началу, какія высокія понятія я имѣть долженъ о себѣ самомъ? Но когда взираю на то, чѣмъ душа моя учинилась по своему вѣроломству, несносное сокрушеніе обьемлетъ всю мою внутренность. Какое было сіяніе души моей, когда отрождена была она Богомъ въ водахъ крещенія? И въ какомъ будетъ положеніи, когда я ее возвращу Богу? Душа, сотворенная по образу Божію, по какимъ чертамъ тогда можно будетъ познать тебя? Увы! образъ твой обезображенный, обезчещенный, искаженный имѣетъ ли хотя малѣйшія черты своего перваго сіянія, своего древняго бле-

блеска? Какїе сходственные признаки имѣетъ она съ Богомъ? Богъ есть святъ, а ты, душа моя, таkова ли? Богъ есть праведенъ, а ты душа моя безгрѣшна ли? Богъ есть пресовершенъ, а ты во всемъ ли достаточна? Како Богъ можетъ познать въ тебѣ самого себя, или по крайней мѣрѣ како можетъ найти въ тебѣ свое созданїе? Пророкъ Ветхозавѣтный много плакалъ нѣкогда о градѣ Іерусалимѣ, о градѣ опустошенномъ, разоренномъ, погребенномъ подъ своими развалинами и лишенномъ прежнія красоты своея: подобное рыданїе, или еще горшее не долженъ ли я произвесть о тебѣ, душа моя, душа обезображенная предъ очами Божїими, душа лишенная той красоты и славы, въ какую ты была облечена при исходѣ изъ рукъ Божїихъ; на тебя воззрѣвши я самъ уже не познаю прежняго твоего величїя; не познаю и вопрошаю: *чей это образъ?* Не уже ли подлинно Божїй? Едва примѣтны въ тебѣ малѣйшїя черты первобытнаго подобїя, и тѣ къ тому единственно служатъ, дабы рыдать о тебѣ, воспоминая то, чѣмъ ты была, и чѣмъ бы тебѣ быть надлежало.

Душа искуплена кровїю Бого человѣка. Душа Христїанская! востекала

ли ты когда духомъ на Голгоѳу; разсуждала ли тамъ когда о поразительномъ зрѣлищѣ, представляемомъ Вѣрою, о жертвѣ закланной безвинно, объ Агнцѣ пречистомъ, умирающемъ для твоего спасенія? — За меня, особенно ты должна говорить, вообразивъ сіе, за меня приносится Святый Святыхъ на великое всесожженіе; для моего искупленія подвергаетъ себя неописаннымъ мученіямъ и смерти: но я съ своей стороны старалась ли о цѣнѣ искупленія своего, сохранила ли доселѣ залогъ моего оправданія? Когда Богъ потребуетъ отъ меня отчета во всемъ томъ, что онъ для меня сдѣлалъ: тогда что я могу отвѣчать, что воздамъ ему? Онъ искупилъ меня изліяніемъ своей крови, но я паки учинилась плѣнницею міра, рабынею грѣха, узницею страстей погибельныхъ. Онъ мнѣ доставилъ блаженную свободу чадъ Божіихъ, изхитивъ меня изъ рукъ вражіихъ, а я своими беззаконіями паки себя ввергнула въ руки враговъ смертныхъ, паки себя унизила, паки низринула въ бездну злощастія и вѣчныя клятвы.

Горе тебѣ, сказалъ нѣкогда, Пророкъ плачущій о Іерусалимѣ; *горе тебѣ градъ освобожденный!* горе, ибо ты

самъ

самъ обратилъ во зло собственное освобожденіе, и теперь самое освобожденіе противу тебя ополчается; ты растерялъ дары избавленія, и они теперь служатъ къ твоему осужденію; ты не узналъ времени благопріятнаго, и теперь дни спасенія отъ тебя отъемлются; гибель твоя исполнилась; отъ нынѣ враги твои не оставятъ въ тебѣ камень на камени. Но твое нещастіе, душа виновная, душа обратившая во зло всѣ средства спасенія и потерявшая плодъ заслугъ Христовыхъ, помянутаго несравненно выше. Ибо Божественная кровь, изліянная для твоего искупленія, возстанетъ противъ тебя и потребуетъ отмщенія; мѣра милосердія обратится въ праведное для тебя наказаніе; то, чтобы могло послужить къ твоему предопредѣленію и спасенію обратится въ твое осужденіе и въ погибель; обратится даже до толикаго сокрушенія, что ты не восхотѣла бы быть никогда искупленною. Увы! не долженъ ли я ужасаться толикаго злощастія? При малѣйшемъ попеченіи я могу легко узнать, чего душа моя стоитъ предъ очами Божіими, и при легчайшемъ беззаконіи уразумѣть также сколь она предъ Создателемъ малоцѣнна, хотя искуплена Божественною

кро-

кровїю. Богъ снизшелъ съ Небесъ на землю, дабы искупить и освятить душу мою: но я могу ли быть самъ къ себѣ толико злобенъ, чтобъ получивъ душу для спасенїя, дерзновенно погублять ее студодѣяньми?

Душа моя опредѣлена блаженствовать съ Богомъ; таково есть упованїе ея и жребїй предопредѣленный для ней на Небеси. И такъ можетъ ли она себя унижать, погибельно прилѣпляясь къ ложнымъ богатствамъ, обольщенїямъ и къ ничтожеству мїра? Боже мой! душа, предопредѣленная для наслажденїя нескончаемымъ блаженствомъ, занимается великими происками, безпокойствомъ, изнурительными трудами въ разсужденїи сокровищъ тлѣнныхъ и ненадежныхъ; алчетъ снисканїемъ и прїумноженїемъ благихъ гиблемыхъ, душа мїролюбивая многїе часы и цѣлые дни проводитъ предъ зеркаломъ, представляющимъ ей суету ея, украшенїе тѣлесное, или лучше идолоподобное обожанїе: душа безсмертная! о чемъ ты помышляешь, чемъ занимаешься? О тѣлѣ, въ которомъ ты, яко въ темницѣ обитаешь; заботишься безмѣрно о тѣлѣ, — которое должно нѣкогда истлѣть и быть снѣдено червями, а о себѣ самой очень мало.

мало. Люди, опредѣленные вѣчно обладать Богомъ, ничѣмъ не должны болѣе занимашся въ семъ мірѣ, какъ освященіемъ души своей, и тѣмъ, чтобъ содѣлать ее достойною предопредѣленнаго небеснаго наслѣдія. Однако, что я учинилъ благое, Боже! для спасенія души своей? Или признательнѣе, что сдѣлалъ къ погубленію оныя? Что исполняютъ прочіе, и какъ поступаютъ въ разсужденіи спасенія души своей?

Всѣ объ ней не радятъ; всѣ оную безчестятъ; всѣ ею не уважаютъ; всѣ оной жертвуютъ міру, а слѣдственно все ее погубляютъ. — Всѣ нерадятъ объ ней; видя такую лѣность, такое хладнокровіе въ разсужденіи усовершенствованія внутренныя части человѣческой, не можемъ ли мы сказать себѣ самимъ, что мы почти душею и не обладаемъ? Всѣ оную безчестятъ, дѣлая невольницею чувствъ и постыдною узницею зазорныхъ страстей. Всѣ ею неуважаютъ и жертвуютъ оной, чему? Подлому корыстолюбію студному сладострастію, минутнымъ прихотямъ. Многократно въ испытанныхъ случаяхъ неблагоразумно ее забываютъ; многократно въ извѣстныхъ обстоятельствахъ подвергаютъ ее опасно-

сности; многократно безъ всякаго страха и мученія совѣсти ввергаютъ оную въ бездну преступленій, а по сему погубляютъ ее и погубляютъ единожды на вѣки: ибо знаютъ, что потеряніе души есть невозвратимо. Спаситель человѣковъ произнесъ нѣкогда, и желалъ, чтобъ внушеніе его слышимо было всей вселенной: *Кая польза человѣку аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою; или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей* (*)? Однако мы гласа сего не слышимъ, и объ немъ не размышляемъ, *кая польза человѣку?* Естьли я единожды погублю душу мою: что мнѣ останется? къ чему мнѣ можетъ послужить все прочее? скопище богатствъ, сіяніе честей, обладаніе всѣми гиблемыми благими, замѣнятъ ли они мнѣ вѣчную потерю души мнѣ ввѣренной, *кая пользу человѣку?* При семъ —

Два особенныя помышленія меня удивляютъ и устрашаютъ, Боже праведный! Первое раждающееся при созерцаніи души моея во грѣхѣ, а второе при созерцаніи оныя во адѣ. — Вижу я душу мою во грѣхѣ, и се она покрыта проказою, отъ которыя отвращаются очи твои, и лишъ токмо оставляетъ тѣло свое, дѣ-

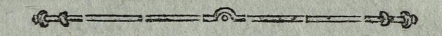
(*) Мар. VIII. 39.

дѣлается жертвою вѣчныхъ наказаній. — Вижу я душу мою во адѣ, и — она на вѣки уже удалена отъ Бога, на вѣки осуждена не видѣть Творца бытія своего, на вѣки подвержена горькому отчаянію и мукамъ, въ которыхъ непрестанно будетъ памятовать: „я бы могла спастися и теперь по„гибаю.„ Подлинно! многія уже души пребываютъ въ семъ страшномъ состояніи, или лучше въ сей бездне погибельнаго отчаянія: но что я нѣкогда буду, и каковъ жребій моей души будетъ въ вѣчности? Я сего не знаю, и по сему взываю съ Пророкомъ: „*се нынѣ начахъ*; взываю отъ сильнаго сокрушенія сердца, отъ нынѣ и даже до конца дней моихъ *хощу спасти душу свою.* Ибо узналъ уже я заблужденіе свое, обманъ изчезъ, слѣпота прекратилась; хощу помыслить о спасеніи души своей. Доселѣ я объ ней не старался, оставлялъ ее, порочилъ, жертвовалъ ею суетностямъ, не познавалъ ни величества, ни цѣны, ниже опредѣленія оныя: но теперь хощу спасти душу свою. Прежде я много заботился о всемъ прочемъ, и нѣтъ, чѣмъ бы я не занимался; только одна душа была забыта, душа, паче всего требующая и заслуживающая мои попеченія:

печенія: но нынѣ я объ ней помышлять и стараться начинаю. И что, естьли бы воззвалъ меня предъ себя Богъ въ протекшіе дни жизни моей, въ какомъ бы состояніи я предсталъ ему? Каковъ бы тогда былъ мой жребій, или лучше злощастіе? Чего опасаясь, хощу спасти душу свою; съ сея минуты я намѣренъ стараться о спасеніи своемъ; сіе бо въ мірѣ семъ всего для меня нужнѣе: и къ чему мнѣ все земное послужитъ въ вѣчности, естьли душа моя погибнетъ? Жизнь моя преходитъ, дни утекаютъ, конецъ приближается, время остается очень краткое, могу ли я въ оное, какъ прежде могъ, искупить грѣхи мои? Самъ въ себѣ сомнѣваюсь: однако для возвращенія даровъ благодати, яко кающійся Пророкъ, я хощу на всякое время быть готовымъ къ возвращенію души моея Богу; когда только Онъ ни потребуетъ отъ меня оныя, я готовъ уже сказать ему: въ руцѣ твои предаю духъ мой. Я хощу спасти душу мою, хощу точно, дѣйствительно, непреложно; хощу спасти ее во времени; вѣчности же мало будетъ для оплакиванія ея погибельнаго злощастія. Боже! когда я дышу еще, она можетъ еще быть твоею, можетъ еще любить тебя: воспламени убо огнь

сего

сего небеснаго светильника. Научи насъ познавать достоинство души нашея, и попеченіе, какимъ мы ей обязаны; вразуми, чтобъ мы знали, что она отъ тебя истекаетъ, о тебѣ живетъ, и съ тобою вѣчно должна царствовать.

НАСТАВЛЕНІЕ XI

О

Всеобщемъ совершенствѣ по своему состоянію.

Должно согласиться, что міръ весьма неправильно думаетъ, будто духовное совершенство наше сопряжено съ великою строгостію, жестокостію и почти съ неудобствомъ къ достиженію. Многіе мыслятъ, что жизнь людей благочестивыхъ погружена въ мучительную задумчивость, лице ихъ всегда покрыто томною блѣдностію, сердце ихъ никогда не ощущаетъ радости; будто они никогда не видятъ дней красныхъ и спокойныхъ. Такая неправда съ здравымъ разумомъ и истиною несогласна. Самолюбіе оную порождаетъ съ тѣмъ, чтобъ благочестіе поставляя выше всеобщихъ силъ, подъ симъ ложнымъ предлогомъ свободно

бодно можно было утопать въ порокахъ и нечестіи. Въ самой же сущности о душевномъ своемъ совершенствѣ мы совсѣмъ иначе должны мыслить. Чтобъ преуспѣть въ ономъ, мы не обязаны, прїявши видъ дикихъ нелюдимовъ, скрываться въ лѣсахъ непроходимыхъ; не нужно, чтобъ шли всегда путемъ кровавымъ, или усѣяннымъ терніемъ; не надобно, чтобъ ежедневно главу свою посыпали пепломъ, а тѣло облекали въ власяное вретище: благочестїе всюду обитать можетъ, во градѣхъ и въ пустыняхъ, на престолѣ и въ хижинѣ бѣднаго.

О Іизраиль! сказалъ нѣкоторой Пророкъ древнему языку, не думай, чтобы святый законъ, Богомъ для васъ уставленный, былъ превыше силъ вашихъ. Нѣтъ! чтобы его выполнить, для сего не нужно ниже заблуждать въ пустыняхъ, ниже укрываться въ горахъ, ниже преплывать пучины морей; не выходя изъ своего отечества, не отвергаясь совсѣмъ своего имущества, не подвергая жизнь свою опасности, вы можете соблюсти его. Богъ, вѣдая слабость вашу, такой послалъ вамъ законъ, какой сообразенъ силамъ вашимъ. Прилѣпитесь къ нему сердечно, и вы легче и лучше его не обрящете.

Въ

Въ чѣмъ же состоитъ наипаче Христіанское благочестіе, и что намъ дѣлать надлежитъ, чтобъ учиниться духовно совершенными? О смертные! созданные для небеснаго блаженства, хотите ли вы содѣлаться благочестивыми и познать стезю, ведущую къ душевному совершенству? Углубитесь въ настоящее размышленіе; оно поспѣшитъ вашей пользѣ. Естьли бы сказать пристрастнымъ міролюбцамъ, хотите ли вы узнать средство, чрезъ которое легко и скоро можете быть богатыми, славными, щастливыми на свѣтѣ: съ какою бы охотою они захотѣли узнать оное, съ какою бы алчностію стали они слушать такую новость? Но средство, чрезъ которое можно содѣлаться богатымъ, славнымъ и щастливымъ на небеси, должно быть для насъ несравненно пріятнѣе и занимательнѣе. Въ чемъ же оное содержится? Въ томъ, дабы мы старались быть благочестивыми. Какъ до сего достигнуть? Двумя стезями; *познаемъ* совершенно всѣ должности своего состоянія, и мы явимся премудрыми; *выполнимъ* ихъ въ точности, и мы пребудемъ благочестивыми. Сего токмо Богъ отъ насъ требуетъ, что естественно, правильно и основательно:

но: ибо естьли всѣ состоянія учреждаются Промысломъ; то сей Промыслъ, благораспоряжая оными состояніями, непремѣнно долженъ предоставить и средства къ освященію ихъ. Сіи средства должны быть всеобщи, т. е. каждому состоянію приличныя. И такъ что надежнѣе и удобнѣе всякаго изъ насъ можетъ учинить совершенными въ благочестіи, какъ не выполненіе должностей собственнаго званія? Сего средства нѣтъ ближе, лучше и дѣйствительнѣе для каждаго.

А по сему, люди великіе, желаете ли вы быть совершенными? Не надымайтесь своею высотою; гордость сдѣлаетъ васъ отвратительными и ненавистными. Владыки земные, представляющіе изъ себя образъ самаго Бога, величіе свое доказывайте паче своими благодѣяніями. Тако поступая, вы учинитесь святыми.

Правители градовъ, посажденные на мѣстѣ судилищъ, опредѣленные хранить истину и распредѣлять жребіемъ себѣ подобныхъ человѣковъ, держите всегда въ рукахъ своихъ мѣрило равновѣсія, держите, да никакое его корыстолюбіе и лицепріятіе наклонить можетъ къ странѣ неправедной; держите не забывая, что ваши опредѣленія

ленія и причины судодѣйства временнаго будутъ нѣкогда взвѣшены на вѣсахъ вѣчныя правды.

Купцы, занимающіеся торгомъ, пусть честность да будетъ основаніемъ вашихъ обращеній, вѣрность подпорою стяжаній Не завидуйте великимъ богатствамъ; они подозрительны со стороны неправеднаго пріобрѣтенія, или устрашаютъ несноснымъ превращеніемъ щастія. *Лучше малое праведнику, нежели богатства грѣшныхъ многи* (*).

Рукомесленники, день и ночь пребывающіе въ тяжкой работѣ, забывая иногда отдохновеніе и пищу, не начинайте ни единаго дѣла безъ намѣренія обратить его къ славѣ Божіей, и безъ истребованія его благословенія. Развѣ Іисусъ Христосъ самъ на землѣ не трудился? Онъ всегда творилъ угодное Отцу своему. Какой примѣръ къ освященію дѣлъ нашихъ, и какое побужденіе къ снисканію сладости въ трудахъ великихъ!

Отцы семейства, желаете ли вы быть благочестивыми? Научайте чадъ своихъ страху Господню; по смерти своей сію только добродѣтель оставте имъ въ наслѣдіе, и она учинитъ

 ихъ

(*) Пс. XXXVI. 16.

ихъ щастливѣйшими паче, нежели всѣ сокровища тлѣннаго міра.

Матери Христіанскаго исповѣданія, чтобъ быть совершенными по сердцу, не вымышляйте что нибудь рѣдкое и всѣмъ видное; занимайтесь токмо домостроеніемъ; назирайте прозорливо содержаніе своего семейства; благораспоряжайте дѣтьми своими и рабами; сіи занятія вамъ свойственны. Святый духъ хвалитъ чрезъ Соломона мудрую домостроительницу. А дѣла мудрости ея состоятъ въ томъ, въ чемъ мы ихъ поставили.

Дѣти правовѣрные, имѣйте къ своимъ родителямъ почтеніе, любовь и покорность: ибо по симъ токмо поступкамъ можно васъ признать за вѣрныхъ чадъ всеобщаго Отца небеснаго.

Дщери благочестивыя, желаете ли вы быть святыми? Храните благопристойность, свойственную своему полу и состоянію. Пусть стыдъ да воцаряется на челѣ вашемъ, скромность да разверзаетъ уста ваши, цѣломудріе да управляетъ вашими очами, смиреніе да будетъ лучшимъ для васъ украшеніемъ. Въ семъ бо состоятъ истинныя выгоды ваши въ отношеніи къ Богу и къ человѣкамъ.

Ра-

Рабы, ибо благочестїе и до васъ касается, не жалуйтесь на свое состоянїе: ибо самъ Iисусъ Хрїстосъ служилъ нѣкогда своимъ Апостоламъ; служите по сему начальникамъ своимъ вѣрно и нелѣностно. За сїю цѣну трудовъ своихъ вы возцарствуете нѣкогда въ кровахъ небесныхъ.

На конецъ Хрїстїане, ктобъ вы ни были, вы всегда пребываете въ щастїи или въ нещастїи; есть ли вы находитесь въ первомъ состоянїи, то я всемъ одно токмо скажу слово: не полагайтесь на свое щастїе, оно опасно; ибо рѣдкїе, или лучше почти никто не содѣлался праведнымъ уповая на свое щастїе. Чтожъ касается до васъ, скорбящїе въ огорченїяхъ, состоянїе ваше несносно и жалко, это правда: но когда я взираю на небеса, вижу, что всѣ святые дошли до нихъ сею стезею. И такъ нещастїе ваше есть путь къ блаженству; шествуйте по оному неослабѣвая; лобзайте руку васъ поражающую; переносите скорби свои съ духомъ раскаянїя во грѣхахъ своихъ. Тако страдая на землѣ мало, вы вѣчно будете блаженными въ жизни будущей.

Чувствїе сїе да будетъ вѣчно запечатлѣно въ сердцахъ нашихъ. Что намъ нужно дѣлать, да-

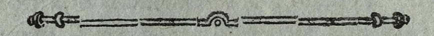
бы учиниться благочестивыми? Выполнять должности своего состоянія. И когда я говорю должности, то не важныя и рѣдкія, а обыкновенныя и всеобщія, которыя ежедневно бываютъ, такъ сказать, въ рукахъ и въ глазахъ нашихъ, на примѣръ быть добрымъ отцемъ, вѣрнымъ другомъ, честнымъ гражданиномъ, любезнымъ родственникомъ, словомъ, чтобъ сдѣлаться благочестивымъ, должно чаще заниматься опредѣленными дѣлами и заниматься со всемъ иначе, нежели прежде. Должность свою должны исполнять съ большею вѣрностію, торговлю съ большею честностію, молитвоприношеніе съ большею теплотою и вниманіемъ, приступать къ таинствамъ благодати съ большимъ благоговѣніемъ, словомъ, всякое упражненіе исполнять съ большею точностію, порядкомъ, искренностію. Вотъ чѣмъ мы можемъ учиниться благочестивыми и достигнуть до высочайшаго степени. Но сколь мы не извинительны и достойны сожалѣнія, когда, имѣя столь легкое и удобное средство къ содѣланію себя лучшими, не брежемъ объ ономъ; имѣя, такъ сказать, въ рукахъ своихъ безцѣнное сокровище, выпускаемъ его и по случаю лишаемся его вѣчно.

Воз-

Возвысимъ свои предпріятія; усовершенствуемъ намѣренія; въ какомъ бы ни были состояніи, посвятимъ себя на благочестіе; постараемся немедлѣнно быть совершенными и совершенными во всемъ, при всѣхъ обстоятельствахъ и на всякое время. Совершенными въ своихъ мысляхъ, а для сего духъ и разумъ нашъ ни чѣмъ не должны заниматься, развѣ достойнымъ Бога помышленіемъ. Будемъ совершенными въ страстяхъ своихъ, а для сего посвятимъ сердце свое на любовь Бога и человѣчества. Будемъ совершенными въ дѣлахъ своихъ; а для сего благодать да будетъ всегда оныхъ началомъ, благочестіе душею. Будемъ совершенными во всѣхъ нашихъ поступкахъ, а для сего да течетъ жизнь наша по стезямъ добродѣтели; будемъ совершенными во внутренности жилищъ нашихъ, а для сего должны въ нихъ царствовать порядокъ, согласіе и спокойствіе; будемъ совершенными внѣ оныхъ, а для сего да представляемъ изъ себя примѣръ подражанія. Будемъ совершенными въ супружествѣ и въ неискусобрачности, въ обиліи и въ бѣдности, въ радости и въ печали, въ здравіи и въ болѣзняхъ, въ теченіи всей жизни и при часѣ смертномъ.

Бу-

будемъ совершенными во времени, дабы учиниться блаженными въ вѣчности. Благочестїе есть цѣль бытїя нашего; въ немъ содержится истинное наше совершенство.

НАСТАВЛЕНІЕ XII

О

Святости.

Сколь великїя, основательныя и высокїя истины представляетъ намъ святость! и сколь они удалены отъ нашего разума! или естьли онъ объ нихъ и помышляетъ: то коль малое имѣютъ они впечатлѣнїе на наше сердце?

Праведный Боже! источникъ всякїя святости, ты токмо единъ можешь истиннымъ внушенїямъ святости придать благоплодную дѣятельность и силу; сотвори, дабы онѣ глубоко внѣдрились въ наше сердцѣ, внѣдрившись, чтобъ никогда не изглаждались; и такъ единымъ были бы правиломъ всея нашея жизни.

Первая истина. Мы всѣ *раждаемся* въ мїръ сей, чтобъ *быть святыми.* Се великое дѣло, намъ отъ рожденїя ввѣрен-

ренное. Всѣ прочія занятія служатъ къ нашему увеселенію и мы можемъ ихъ раздѣлять по своей волѣ и способности: но дѣло святости безъ изъятія принадлежитъ до каждаго. Всѣ другія должности различаются по состояніямъ и обязанностямъ; иное упражненіе есть судіи, иное купца, иное царедворца, а иное самаго Монарха: но всѣхъ сихъ важнѣе святость, и ктобъ мы таковы ни были, она до всѣхъ принадлежитъ безъ различія, до всѣхъ, какъ до судіи на его судилищѣ, такъ и до купца въ его торгѣ, какъ до вельможи, живущаго въ царскихъ чертогахъ, такъ и до Монарха сѣдящаго на престолѣ: ибо прежде вступленія нашего въ какое нибудь общественное званіе, мы всѣ нарицаемся уже Христіанами, а Христіане мы для того, чтобъ быть святыми. Богъ не для того поставилъ насъ на землѣ, чтобъ были мы великими, богатыми или щастливыми, но чтобъ старались быть святыми. Всѣ другія дѣла для насъ не касаются или яко излишнія, или яко пагубныя, а дѣло святости для всѣхъ необходимо нужно и спасительно. Пусть мы успѣемъ во всѣхъ должностяхъ общежитейскихъ, но естьли вознебрежемъ о единой святости; все безъ изъятія

по-

погублено, а напротивъ естьли мы и неуспѣшны въ прочихъ, но въ святости рачительны, все и на всегда для насъ полезно. Душа Христіанская! ты піешь чашу горькихъ прискорбій, угнѣтаешься тяжестію великихъ бѣдствій, кажется, лишилась всего нужнаго въ жизни, едва едва обладаешь малыми останками своего имущества, здравія, щастія; ты упадаешь при стеченіи такихъ огорченій: но ободрись вѣрою и на разрушенныхъ развалинахъ своего благосостоянія воздвигни зданіе святости, вдругъ узришь, что ты ничего не потеряла. Святость всего для тебя нужнѣе, естьли она тебя украшаетъ, ты спасена. Никогда не должно забывать сего великаго внушенія истины, что мы для того существуемъ въ семъ мірѣ, дабы быть святыми.

По умозрѣнію я убѣжденъ въ сей истинѣ: но слѣдую ли я оной судя по дѣламъ моимъ? Я знаю, что для того живу въ мірѣ, дабы учиниться праведнымъ, да стараюсь ли о семъ на самомъ дѣлѣ? Къ чему мнѣ послужитъ умозрѣніе, естьли жизнь моя оному не соотвѣтствуетъ? Боже мой! Я не хощу отъ нынѣ жить, развѣ для моего освященія; для сей един-

ственно цѣли ты меня создалъ, и сей единственно я хочу достигнуть.

Вторая истина. *Нѣтъ ничего для насъ сообразнѣе, какъ святость.* Человѣки, опредѣленные для небесъ, что мы дѣлаемъ на землѣ, и чѣмъ занимаемся въ семъ мірѣ? Собирать богатство, сооружать щастіе, возвышать себя до рѣдкаго степени достоинствъ; вотъ что мы называемъ великимъ дѣломъ: но таковы ли поступки сіи, естьли разсудить объ нихъ справедливо? Не будемъ полагаться на мнѣнія міролюбцовъ; вѣсы ихъ обманчивы. Размыслимъ лучше, что составляетъ святость предъ Богомъ? Оно есть главнѣйшее дѣло рукъ его, первѣйшій предметъ, которымъ онъ благоугождается: по симъ двумъ превосходнымъ качествамъ не заслуживаетъ ли она все наше занятіе? Когда приспѣло время сотворить вселенную, извлечь оную изъ ничтожества, разширить неизмѣримую бездну воздуха, въ основаніе земли поставить воды, моря оградить пескомъ, тогда, какъ свидѣтельствуетъ писаніе, Всесильный *веселяшеся вселенную соверши* (*): но егда восхотѣлъ создать праведныхъ, устроить свѣтъ, про-

(*) Прит. VIII. 31.

просвѣщающїй святыхъ, уготовитъ время къ оправданїю и къ славѣ человѣковъ: тогда *помысливъ* совершилъ сїе Превѣчный; помысливъ искупленїе наше замѣнилъ цѣною своей крови и жизни. Се святость наша сколь много для него стоитъ! Дабы образовать въ оную вселенную, Онъ употребляетъ всю свою премудрость; дабы преклонить всѣхъ къ исполненїю оныя, Онъ употребляетъ все свое могущество; дабы укоренить оную въ сердцахъ смертныхъ и учинить многоплодною, Онъ истощаетъ всѣ сокровища своей благодати, излїянїе крови и жизни.

Главнѣйшее убо дѣло рукъ Божїихъ есть наша святость, и первѣйшїй предметъ, которымъ онъ благоугождается. Видѣлъ ли ты раба моего Iова? сказалъ нѣкогда Господь дїаволу. *Внялъ ли еси мыслїю твоею на раба моего Iова* (*)? Великїй Боже! когда ты съ высоты небесныя призирая на вселенную, видѣлъ предъ собою людей премудрыхъ, великихъ, побѣдоносныхъ, а Iовъ былъ на гноищѣ и гной очищалъ съ тѣлеси своего; тогда могъ ли онъ быть для тебя прочихъ любезнѣе? Или и въ скорбѣхъ и уничиженіи отъ мїра толи-

(*) Iов. I. 8.

толико любезна тебѣ святость наша? Душа праведная можетъ быть въ мірѣ неизвѣстна, или погребена въ забвеніи: но ты, Боже! праведный цѣнитель тварей своихъ, премудро различаешь ложный блескъ преступленій нашихъ отъ истиннаго свѣта прямыхъ добродѣтелей. Предъ очами Вѣры нѣтъ ничего величественнѣе, превосходнѣе, достойнѣе Бога и насъ самихъ, какъ наша святость.

Укрѣпи мя, Боже! въ семъ помышленіи; пусть все прочее да померкнетъ въ очахъ моихъ, и мало дѣйствуетъ на мое сердце: ибо все прочее ничто предъ Тобою.

Третія истина о святости проистекаетъ ежечасно изъ нашихъ размышленій о собственной лѣности и раскаяніи о своихъ беззаконіяхъ. — Часто приходитъ намъ на мысль, что мы дѣлаемъ для того, чтобъ учиниться святыми? Кто мы таковы по своему наимянованію? Откуда проистекаемъ по своему началу? Куда течемъ, смотря на конецъ свой? Кто мы по наименованію? Христіане. Откуда проистекаемъ по началу? Изъ нѣдръ Божіихъ. Куда течемъ? къ вѣчности. Мы Христіане именемъ, но таковы ли дѣлами? Мы течемъ къ вѣчности, но на-

надежною ли и прямою стезею? Странствуя на землѣ, яко пришельцы, памятуемъ ли мы, что небо есть наше отечество? Будучи отъ рожденія призваны къ наслѣдію горняго Іерусалима, стараемся ли заслужить любовь Отца благоутробнаго, Отца къ наслѣдію славы своей всѣхъ призывающаго? Мы видимъ вѣнецъ правды, въ вѣчномъ царствѣ намъ уготованный; но воображаемъ ли когда, что онъ дается по заслугамъ?

По качеству Хрїстїанъ, великое мы носимъ на себѣ имя, великую питаемъ надежду: но поддерживаемъ ли ихъ великими чувствїями? Безъ сомнѣнія, все въ насъ велико, изключая наши заслуги и добродѣтели. Какое наше ослѣпленїе! ибо что мы дѣлаемъ для того, чтобъ содѣлаться святыми? или лучше, чего мы не дѣлаемъ, дабы уклониться отъ стезей святости? Естьли бы намъ сказали, что для снисканїя святости надобно предпринять совсѣмъ другое средство, нежели Евангелїе, то есть, вмѣсто ревности, отверженїя самаго себя и добрыхъ дѣлъ, нужно хладнокровїе, развлеченїе, лѣность, самолюбїе: сколь бы охотно мы перемѣнили свои нравы? Но ни въ чемъ не перемѣнившись послѣ, могли

ли

ли бы учиниться святыми? Никакъ! страшное развращенїе! Его опасаясь, се что я долженъ говорить самъ съ собою отъ нынѣ: чтобъ сдѣлаться святымъ, сколько я умертвилъ плоть свою, сколько понесъ изнурительностей покаянїя, сколько принесъ жертвъ воздыханїя, слезъ и милостыни? Вся жизнь моя протекла въ развлеченїи; занятїя мои всѣ безплодны, дѣла означаютъ слабость и изнеможенїе: подъ какимъ убо именемъ, и по какимъ заслугамъ я буду помѣщенъ въ число избранныхъ? Не знаю!

Отъ сего помышленїя раждается четвертая истина. Естьли мы порочны нынѣ: то *чѣмъ содѣлаемся нѣкогда*? Естьли мы нынѣ беззаконны, къ чему послужитъ все прочее, чѣмъ мы ни занимаемся, что насъ ни смущаетъ, и что насъ ни увлекаетъ по чувствамъ? Когда мы видимъ малыхъ дѣтей, играющихъ между собою въ безделицы, дивимся, видя ихъ страстно занимающимися вещьми, ничего нестоющими: но сїи младенцы, признаемся, мы сами; ибо суетныя занятїя наши мїрскїя что значатъ въ сравненїи съ тѣми великими выгодами, которыя представляютъ намъ святость и вѣчность? Когда Вѣра откроетъ

намъ очи наши? Или мы думаемъ тогда прозрѣть, когда смерть смѣжитъ зеницы наши на вѣки? Мы пріобрѣли многое богатство, достигли до великихъ честей, снискали великую славу и достоинство въ мірѣ; потечемъ убо съ сими стяжаніями предъ лице Судіи Высочайшаго; потребуемъ у него за оныя воздаянія, опредѣленнаго святымъ: тогда-то мы совершенно узнаемъ непреложную истину сего премудраго прореченія: *Суета суетствъ и всяческая суета въ мірѣ* (*). Суетны богатства, ибо они тлѣютъ и похищаются; суетны чести, ибо они меркнутъ и забываются; суетны удовольствія міра, ибо они обманчивы, и часто вмѣсто сладостнаго упоенія въ смертный ядъ обращаются; суетна жизнь наша, ибо яко цвѣтъ вянетъ и уничтожается. Суетенъ всякъ и весь человѣкъ неправедный.

О душа моя! коликократно внушалъ тебѣ гласъ благодати, коликократно возвѣщала тебѣ совѣсть твоя, что приближится день, когда ты непремѣнно познаешь всѣ свои заблужденія, познаешь, но поздно и безплодно. Тогда подобно человѣку, пробудив-

(*) Еклез. I. 2.

дившемуся отъ глубокаго сна, ты удивишься, увидѣвши все яко сонъ прошедшимъ. Сему ты не вѣришь въ своей жизни: но смерть изобразитъ на прахѣ гроба твоего сіе послѣднее, ужасное и жалкое обличеніе „что надлежало тебѣ быть святою; но какъ ты „по упущенію своему таковою не учинилась, то вѣчно будешь злощастна.„

Сіе опредѣленіе будетъ нѣкогда намъ сказано: но можетъ быть оно теперь уже виситъ близъ слуха нашего, можетъ быть въ сей часъ огласитъ вниманіе наше, и мы не помышляемъ облегчить строгость онаго дѣлами святости? Естьли кто о семъ не старается во времени: тотъ ничѣмъ уже не замѣнитъ сожалѣнія своего въ вѣчности. Хрістіане! гдѣ мы обитаемъ? Какое сіяніе свѣта озаряетъ наши очи? Не столько небесъ, сколько благодати: пріявши убо сей свѣтильникъ примѣтимъ свои преступленія, дабы они не обратились въ вѣчное наше осужденіе; отвергнемъ неправду, и се святость предъ лицемъ нашимъ во образѣ дѣлъ Хрістовыхъ! Разверземъ предъ ней свое сердце; посвятимъ оной останки дней своихъ. Блажени бъ мы были, естьли бы хотя отъ нынѣ могли начать, продолжать

и совершить то великое дѣло, въ которомъ бы надлежало намъ проводить всю жизнь свою!

Читаемъ мы житія святыхъ, плѣняемся оными, удивляемся имъ: но когда будемъ подражать онымъ? Судя по числу прославленныхъ небожителей, мы можемъ вѣрить, что и намъ присные обитаютъ съ Господемъ; но соблюдаемъ ли сами неоцѣненный залогъ ихъ святости, ихъ примѣрныя во благочестіи жизни? Не прискорбно ли намъ будетъ, присныхъ видя блаженными, самимъ остаться осужденными? Всякой изъ насъ желаетъ быть святымъ, но маловѣріе наше лишитъ насъ толикія славы; всякой признается, чтобъ учиниться праведнымъ, сіе многаго стоитъ, а при семъ все живемъ по своей волѣ, все не хочемъ измѣнить порочныхъ своихъ дѣяній. О когдабъ мы совершеннѣе понимали выгоды святости! приведенныя истины паче просвѣщали бы нашъ разумъ, поражали сердце, удаляли отъ міра и насъ самихъ, исправляли помыслы и нравы! Боже, споспѣши оправданію и славѣ чадъ своихъ!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XIII.

О

Путяхъ, по какимъ Богъ ведетъ къ спасенію души наши.

Вси путіе Господни (*), говоритъ Пророкъ, *суть милость и истина*; по сему-то оный же самый Пророкъ усердно просилъ Бога, чтобъ показалъ ему стези правы: *пути твоя, Господи, скажи ми и стезямъ твоимъ научи мя* (**). Пролiемъ и мы такое же моленіе къ Богу, аще токмо удостоитъ вняти ему; пролiемъ, ибо сіе послужитъ для насъ источникомъ безчисленныхъ благостей.

Нѣтъ ничего величественнѣе, святѣе и удивительнѣе, какъ стези Божіи и путь, по которымъ онъ управляетъ души наши къ концу своему.

Удивительны они по своей святости: ибо святость самая, — самъ Богъ есть оныхъ начало, примѣръ и цѣль опредѣленная.

Удивительны по своей высокости, ибо сколько небо отстоитъ отъ земли, столько стези помышленія Божія отстоятъ отъ путей человѣческихъ.

(*) Пс. XXIV. 10.
(**) Пс. XXI 4.

Удивительны по своей неизмѣримости, ибо Богъ токмо единъ можетъ постигнуть высоту ихъ, глубину и пространство.

Удивительны по своей разнообразности, ибо Богъ хотя всѣхъ души ведетъ къ единому центру, но безконечно различными путями. Чуденъ Господь во изобиліи даровъ своихъ и въ образѣ раздаянія оныхъ.

Удивительны путіе Господни по благостямъ, какія въ себѣ изображаютъ; по дѣйствіямъ, какія они производятъ; по услажденіямъ, какія въ себѣ заключаютъ, и по чудесамъ, какія подъ конецъ производятъ. О! когда бы все то можно было видѣть, что Богъ производитъ въ душахъ человѣческихъ: безъ опасенія всякъ бы сказалъ, что Богъ великъ въ красотѣ, чинѣ и велелѣпіи сего видимаго міра: но Онъ несравненно величественнѣе во управленіи душъ человѣческихъ, нежели вселенныя.

Суть стези *всеобщія*, по которымъ Богъ ведетъ души наши къ оправданію, но при сихъ всеобщихъ каждая душа имѣетъ свой путь *частной* или *особенной*, по которому непремѣнно уже должна шествовать къ небесамъ. Сія стезя показана ей въ собственномъ званіи, сей

сей путь открытъ ей въ обязанностяхъ собственнаго состоянія. Всякой имѣетъ свои должности и ими управляется; всякой имѣетъ свои дѣла, и оными приближается къ концу своему. Благодать, при вступленіи нашемъ на сіи различныя стези, зоветъ избранныя души къ блаженству и такъ къ нимъ глаголетъ: грядите, шествуйте! се путь, по которому вамъ должно поспѣшать къ своему центру; — по сей стезѣ Богъ васъ къ себѣ ожидаетъ. Совратившись съ оныя, вы заблудитесь.

Есть ли душа, внявъ гласу сему, вступаетъ въ путь свой, вступивши шествуетъ прямо и вѣрно; то коль обильные дары благодати для нея готовятся? до коль высочайшаго степени добродѣтелей она возвышается? Какіе успѣхи оказываетъ во благочестій? Какой пріуготовляетъ себѣ вѣнецъ славы въ вѣчности? Нѣтъ ничего основательнѣе и утѣшительнѣе, какъ шествіе по пути, отъ Бога назначенному. Симъ средствомъ легче и удобнѣе можно внити въ радость Господню, нежели всѣми моленьми, умерщвленіемъ плоти и безплоднымъ покаяніемъ чрезъ многіе годы безъ исправленія повторяемымъ.

Для всѣхъ ближайшее средство ко спасенїю есть точное выполненїе обязанностей своего званїя: но какое царствуетъ въ насъ заблужденїе, когда многїе отъ пути сего удаляются? Коль многїя души намѣренїямъ Божїимъ противятся? Безгрѣшно можно утвердить, что есть такїе нещастные человѣки, которыхъ вся жизнь не иное что есть, какъ непрестанная война противъ Бога, вѣчное сопротивленїе благодати его, непреоборимое упорство намѣренїямъ его. Однако не смотря на все сїе Богъ чрезъ всю жизнь стоитъ при дверѣхъ сердца ихъ; призываетъ ихъ на путь истинный, убѣждаетъ итти по немъ; оказываетъ имъ свою любовь и милости и ничего въ нихъ не находитъ, кромѣ помянутыхъ сопротивленїя и упорства.

Богъ въ разсужденїи нѣкоторыхъ душъ открываетъ *особенныя* свои намѣренїя, когда хощетъ, чтобы онѣ текли по пути, отъ него имъ показанному. Такая-то душа по волѣ Божїей должна жить въ безпрестанномъ благочестїи, въ уединенїи, въ воздержанїи и смиренїи духа; Богъ бо ее избралъ себѣ въ жилищѣ, въ храмъ священный: однако вся жизнь оныя протекаетъ въ разсѣянїи, въ суетахъ, въ безплодїи,

въ

въ любопытствѣ; всѣ дни живота ея составляютъ печаль для духа Божія.

Иная душа по намѣренію Божію должна тещи по пути отверженія отъ міра, умерщвленія своихъ чувствъ, должна изображать въ себѣ живый образъ Іисуса Христа распеншагося: ибо для сего Богъ избралъ оную; а она сему въ противность слѣдуетъ во всемъ сама себѣ, удовлетворяетъ своимъ прихотямъ, не сопротивляется зазорнымъ наклонностямъ; не взирая на гласъ благодати и на обличеніе совѣсти, живетъ во всемъ противно внушенію Божію. Какое злощастное состояніе! какое удаленіе отъ пути Божія!

Иная душа по намѣренію Промысла призвана къ совершенному отъ всѣхъ благихъ временныхъ отчужденія, къ обнищанію своего сердца отъ всякія страсти, къ благочестному удаленію отъ всякаго человѣческаго сообщенія и дружества; она одна, да Богъ единъ долженъ пребывать съ нею: однако она заводитъ со всѣми сообщеніе, связь знакомства, предпочтенія и приверженности. Можетъ быть, что въ семъ нѣтъ ничего предосудительнаго и порочнаго: но всегда примѣтны временныя удовольствія, занятія,

нятія, развлеченіе человѣческаго сердца. Давно уже Богъ требуетъ отъ нее сей жертвы; давно уже ни о чемъ болѣе ей не говоритъ, какъ объ удаленіи отъ міролюбцевъ, о благочестивомъ уединеніи; она слышитъ гласъ его, и ему сопротивляется. Многія дѣла общежитія нашего кажутся невинными въ очахъ обыкновенныхъ, но предъ очами Божіими они студны и для насъ ужасны. Богъ хощетъ нашего сердца — и хощетъ всецѣлаго, хощетъ, дабы обитать въ немъ, а мы ему въ семъ отказываемъ. Для другихъ сіе можетъ статься не столько опасно; но кто призванъ на стезю сію, для того погибельно. Отшельникъ, не радя о своемъ совершенствѣ, теряетъ упованіе ко спасенію.

Иная душа, по опредѣленію благодати, призвана къ святѣйшему препорученію себя въ волю Божію, къ точному соблюденію повиновенія и сообразности съ божественнымъ его закономъ; но чрезъ всю жизнь во всемъ она исполняетъ волю свою, своимъ слѣдуетъ законамъ, сама располагаетъ своимъ жребіемъ, сама вымышляетъ планъ и систему собственнаго благополучія, словомъ, все время бытія своего проводитъ въ сопротивленіи Богу и въ не-

по-

покорности его спасительному закону. Душа маловѣрная! какъ ты можешь жить въ такомъ состоянiи? Какъ ты не ужасаешься умереть въ ономъ? Богъ предназначилъ тебѣ стезю, а ты шествуешь иною: можетъ ли сiя довести тебя къ тому концу, къ которому ты опредѣлена? Сколько бы ты не шла по пути усѣянному цвѣтами, подъ конецъ пути отверзется предъ тобою ужасная бездна, отверзется къ неизбѣжной гибели, отверзется яко праведное наказанiе твоего сопротивленiя.

Не льзя думать, чтобъ души, толико удаляющiяся отъ намѣренiй Божiихъ, были спокойны; въ своемъ сопротивленiи непремѣнно они чувствуютъ множество сомнѣнiй, безпокойствъ и мученiя совѣсти. Напрасно онѣ въ ожесточенiи своемъ вздумалибъ убѣгать отъ Бога. Онъ всюду готовъ ихъ преслѣдовать; всюду, не позволяя имъ наслаждаться плодомъ сопротивленiй. А отъ сего часто случается, что порочная душа такъ говоритъ сама съ собою: я чувствую сопротивленiе мое Богу; ибо я совсѣмъ иначе живу, нежели какъ бы надлежало. Какое признанiе! и какое осужденiе!

Въ чемъ же состоитъ наипаче злощастіе души сея? Въ чемъ содержится вся вина и опасность ея состоянія, естьли она въ удаленіи отъ пути Божія никогда не исправляется и въ немъ умираетъ? Въ такомъ состояніи она злощастною остается по своему невѣрію и грѣхамъ содѣяннымъ, злощастною по причинѣ мученій совѣсти, тайно ее терзающихъ, злощастною со стороны даровъ благодати, во зло ею обращенныхъ, злощастною по причинѣ предчувствуемыхъ ужасовъ, имѣющихъ сбытися съ нею въ часъ смертный; злощастною по строгости суда, которой наслѣдуетъ она нѣкогда въ вѣчности, злощастною наконецъ по ослѣпленію, въ какомъ она погружена въ животѣ семъ, а паче по раскаянію, которое, можетъ быть, ни на минуту не прекратится въ животѣ будущемъ.

Однако такое злощастіе не ужели не имѣетъ никакого средства къ облегченію своему? Не уже ли душа, единою совратившаяся съ пути Господня, не имѣетъ болѣе никакого способа къ возвращенію на оный? — Ихъ есть два: чистосердечное раскаяніе о прошедшемъ и совершенное пре-

по-

порученіе себя въ разсужденіи будущаго въ руки Божіи.

Внутреннее раскаяніе часто проходитъ, такъ сказать, всю внутренность души предъ Богомъ маловѣрныя; долго оную терзаетъ, и естьли она доселѣ сопротивлялась благодати, то принужденною бываетъ повиноваться грызенію собственныя совѣсти.

Раскаяніе сіе должно быть во всемъ точное, какъ во многихъ сопротивностяхъ намѣреніямъ Божіимъ, такъ и въ ежечасныхъ отверженіяхъ благодати, какъ въ великомъ помраченіи даровъ природы и благодати, такъ и въ непрестанномъ заглушеніи внутреннихъ грызеній, какъ въ безчисленныхъ проступкахъ противъ закона, такъ и въ непрерывномъ заблужденіи отъ пути истиннаго.

Раскаяніе сіе должно быть рѣшительное и твердое, ежечасное и непрерывное до конца самыя жизни. Душа невѣрная! Трепещи, что ты никогда не разсуждала о томъ, что столь долгое время сопротивлялась Богу, упорствовала противъ его, и такъ сказать сражалась съ Богомъ!

Раскаяніе живое и горькое, соразмѣрное величію невѣрія и сопротивленія, раскаяніе, — се врачевство про-

тивъ

тивъ нравственныхъ болѣзней прошедшихъ; но что пользуетъ въ разсужденіи будущихъ? Къ сему служитъ полное врученіе себя въ волю Божію, вѣрное повиновеніе закону его и непреложное постоянство въ шествіи по пути отъ него назначенному. Доселѣ много мы противились Богу, много заблуждали; но отъ нынѣ пусть онъ нами да управляетъ, пусть онъ руководствуетъ нами; вручимъ себя въ волю Божію, и его *премудрости* управленіе своего жребія.

По сей цѣнѣ, по симъ чувствіямъ мы вступимъ на стезю Господню, внидемъ въ царство благодати его; внѣдримся въ самое лоно отчее. Премилосердый Богъ толико благъ, что онъ при краткомъ и позднемъ сокрушеніи нашемъ не помянетъ многихъ и долговременныхъ нашихъ преступленій; раскаемся, и онъ насъ пріиметъ, какъ бы чадъ никогда его не оставлявшихъ; раскаемся, и онъ насъ возлюбитъ, какъ бы дѣтей никогда ему не сопротивлявшихся; раскаемся, и онъ насъ введетъ въ царство свое какъ бы сыновъ никогда съ пути его не совращавшихся. Восхвалимъ убо безконечную его благость; принесемъ жертву хваленія величію его за то, что онъ благоволилъ насъ при-

призвать на путь истинный. Помолимся ему, чтобы онъ сохранилъ наше шествїе по оному, да течемъ путемъ Господнимъ всегда вѣрно и непоколебимо, и тако достигнемъ предопредѣленныя блаженныя цѣли.

НАСТАВЛЕНІЕ XIV

О

Превосходствѣ освящающїя Благодати.

Нѣтъ ничего для насъ необходимѣе и нужнѣе, какъ познанїе превосходства и цѣны Благодати, а при семъ и тѣхъ старанїй, какїя мы должны имѣть для соблюденїя сего священнаго сокровища, естьли только мы обладаемъ онымъ.

Благодать освящающая есть начало нашего возвышенїя къ славѣ вышеестественной и божественной. По дѣйству сея Благодати мы всѣ опредѣлены къ тѣсному соединенїю съ Богомъ, къ наслѣдїю невечерняго свѣта, къ наслажденїю благими невидимыми, т. е. опредѣлены къ видѣнїю Бога лицемъ къ лицу, къ обладанїю имъ самимъ, къ познанїю совершенствъ его не въ отвлеченномъ и мрачномъ гаданїи,

а въ полномъ сіяніи славы его. И такъ обладая сею Благодатію какими славными преимуществами мы обладаемъ? По сей Благодати мы возносимся выше себя самихъ, особенно участвуемъ въ любви и нѣжности Создателя своего. Все сіе велико и высоко: но верховный Апостолъ еще далѣе востекаетъ своими помышленьми. Будучи просвѣщенъ сіяніемъ той же Благодати, которую превозноситъ своими хваленьми, онъ такъ говоритъ объ ней, что мы удивились бы его словесамъ, естьлибъ не знали, что самъ Святый духъ есть оныхъ виновникъ и благовѣститель Онъ твердо увѣряетъ, что по дѣйствію освящающія Благодати являемся мы *божественнаго причастницы естества* (*). Поелику Благодать освящающая образуетъ въ насъ новое нѣкоторымъ образомъ существо и новую даетъ намъ жизнь. Когда она въ насъ царствуетъ; тогда не мы въ себѣ живемъ, а живетъ въ насъ Христосъ. Какая слава! немощное созданіе могло ли надѣяться, чтобъ быть когда нибудь толико вознесеннымъ?

Но

(*) II Пет. I. 4.

Но се новое преимущество! Благодать освящающая включаетъ насъ въ число чадъ Божіихъ. Братія мои! сказалъ нѣкогда ученикъ возлюбленный, внемлите, примѣтьте и подивитесь, коль неизреченна къ намъ благость премилосердаго Создателя, благость, по которой мы не токмо называться можемъ, но въ самомъ дѣлѣ есьмы чада Божіи. *Видите, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемся и есьми* (*). Іисусъ Христосъ есть сынъ Божій по естеству, а мы чада его по усыновленію. Сему научаетъ насъ Вѣра. И такъ всѣ имущіе щастіе обладать даромъ Благодати, всѣ вы чада Божіи! не сомнѣвайтесь въ сей истинѣ; самъ Святый Духъ присвояетъ вамъ сіе славное преимущество, повелѣвая Бога нарицати сладкимъ именемъ Отчимъ: *Авва, Отче* (**)!

Разсуждали ли мы когда подробно о семъ преславномъ изрѣченіи, которое часто относимъ къ Богу: *Отче нашъ*! Ежедневно совершая свои молитвы мы всегда къ Творцу своему вопіемъ: *Отче!* Но вникали ли когда

(*) Іоа. III. 1.

(**) Рим. VIII. 15.

въ точный смыслъ сего слова и углублялись ли во все онаго пространство? Уразумѣемъ оное хотя отъ нынѣ, и естьли когда будемъ вѣщать къ нему, да вѣщаемъ его съ кроткимъ чувствїемъ, да вѣщаемъ навсегда съ теплою любовїю: *Отче!* Боже мой и Отецъ мой. Но при семъ да памятуемъ, что Отецъ, призываемый нами *есть на небеси*, для того, чтобъ мы научались изъ пребыванїя его въ горнихъ взысканїю славы его, научались не забывая, что земля нами обитаемая есть путь нашъ и гостинница, а небо истинное наше отечество. Къ сему - то намъ должно стремиться: ибо всякой сынъ долженъ желать соединенїя съ отцемъ своимъ. Иначе не льзя намъ участвовать въ наслѣдїи славы его.

Кромѣ помянутыхъ преимуществъ Благодать освящающая еще даетъ намъ новое право, право къ наслѣдїю небесному: ибо Благодать, творя насъ чадами Божїими, дѣлаетъ по сему наслѣдниками славы его и какъ бы сожителями самому Хрїсту по свидѣтельству: *аще же чада и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Хрїсту* (*). Въ мїрѣ естьли отецъ имѣетъ

(*) Рим. VIII. 17.

имѣетъ достойнаго сына, не можетъ усыновить себѣ инаго безъ явныя обиды и неправды; ибо тогда наслѣдїе не можетъ дѣлиться на многихъ, когда оно принадлежитъ единому: но не тако дѣйствуетъ въ разсужденїи насъ Богъ. Онъ всѣхъ человѣковъ себѣ усыновляетъ. Безчисленное множество усыновленныхъ чадъ не уменшитъ нимало сокровищь наслѣдїя его Небесное богатство милостей Господнихъ подобно свѣту; оно ничего не теряетъ изъ себя, когда другимъ сообщается. Не больше бы я наслаждался теплотою лучей солнечныхъ, обитая въ мїрѣ одинъ, какъ и теперь, когда наслаждаются ею цѣлые милїоны со мною совокупно. Пусть всѣ чада Божїи разверзаютъ сердца свои предъ Благодатїю: милосердый Отецъ имѣетъ чѣмъ ихъ наполнить! Таковы должны быть помышленїя мои въ разсужденїи сыновъ Божїихъ. Возводя свои очи къ небесамъ, взирая на славу избранныхъ, на ихъ неизглаголанныя сокровища, сладости, вѣнцы и блаженство, я могу говорить: се часть моя! Сынове человѣчестїи наслѣдятъ нѣкогда сѣнь смертную, а моя часть есть во странѣ живыхъ. Отецъ небесный прїуготовилъ для меня оную въ своемъ ло-

нѣ, а Благодать руководствуетъ мнѣ къ обладанiю ея.

Благодать освящающая и въ сей еще жизни доставляетъ намъ блаженство. Она устрояетъ, что самъ Богъ къ намъ снисходитъ и водворяется въ душѣ нашей. По дѣйствiю Благодати онъ присутствуетъ внутрь насъ, просвѣщаетъ своею премудростiю, подкрѣпляетъ своимъ могуществомъ; по ея дѣйствiю онъ воцаряется въ сердцѣ нашемъ яко Монархъ на престолѣ, дабы управлять онымъ; присутствуетъ въ немъ, яко отецъ въ своемъ домѣ, дабы начальствовать надъ нимъ; живетъ посредѣ его, яко Пастырь въ своемъ стадѣ, дабы благоуправлять и охранять оное. Сердце наше изображаетъ въ такомъ случаѣ живый рай, низводящiй съ небесъ Бога на землю. Что воображая, предполагаетъ нѣкоторый Духовный Учитель: естьли бы Богъ былъ измѣримъ, естьли бы онъ не наполнялъ присутствiемъ своимъ небо и землю, то бы Онъ, оставивши небеса, непремѣнно избралъ себѣ въ жилищѣ Благодати исполненную душу; ибо такая душа для него всего любезнѣе. Она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ небесныя сокровища; всѣ добродѣтели царствуютъ въ ней согласно, Вѣра съ

своимъ сѣянїемъ, упованїе съ своими обѣтами, любовь съ своимъ пламенемъ; сами блаженные духи за славу себѣ поставляютъ быть съ такою душею въ соединенїи; все небо, кажется, въ ней вмѣщается: ибо самъ Богъ вмѣщается въ оной.

А естьли такъ, естьли Благодать освящающая есть обильный источникъ, изъ котораго совокупно вся истекаютъ благая; есть ли она подобна росѣ многоцѣнной, имѣющей на всякую душу небесное влїянїе; естьли она изображаетъ обѣтованную землю, на которой раждаются плоды благословенные: то кто бы не пожелалъ оныя, кто бы не подивился красотѣ ея, кто бы не восхотѣлъ обладать оною, кто бы не отдалъ ей своего уваженїя и сердца, кто бы не предпочелъ ее всѣмъ земнымъ богатствамъ и сокровищамъ, кто бы ее не почелъ за особенное благо, къ которому должно быть привержено все внимание, обѣты, желанїе и сердце наше? Престолы, скипетры, короны безъ Благодати всѣ обращаются въ свое ничтожество, а при ней все возвышается, все увеличивается. Представимъ мы себѣ человѣка бѣднаго, презираемаго, покрытаго вретищемъ; въ очахъ свѣта онъ кажется

отвратительнымъ, не заслуживающимъ никакого вниманія: но естьли въ немъ обитаетъ Благодать, онъ въ очахъ Божіихъ несравненно выше, нежели всѣ побѣдители земные, неимущіе Благодати. Съ другой стороны воззримъ мы на щастливца вѣка сего, на человѣка великаго по мнѣнію людскому; всѣ его почитаютъ за знаменитаго, но естьли онъ не имѣетъ Благодати, гнусенъ предъ очами Божіими; онъ смотритъ на него съ негодованіемъ, терпитъ съ болѣзнію. Благодать, Благодать, се начало истиннаго величія!

Желаемъ ли мы въ разсужденіи сего утвердиться на какомъ либо примѣрѣ; поищемъ онаго: да гдѣ? Не въ чертогахъ людей великихъ, не въ вождяхъ побѣдоносныхъ воинствъ, но на гноищѣ праведнаго Іова. *Внялъ ли еси мыслію твоею на раба моего Іова* (*)? Сказалъ нѣкогда Господь искусителю человѣковъ. Безъ сомнѣнія: мы его видѣли, праведный Боже! но въ какомъ положеніи? Покрытаго страшнымъ гноемъ, всего снѣдаемымъ отъ червей. Сей-то человѣкъ, отвѣтствуетъ Вседержитель, по видимому нака-

(*) Іов. I. 8.

наказуемый отъ небесъ, мнѣ благопрїятнѣе прочихъ; ему бо я ввѣрилъ залогъ моея славы, и онъ нѣкогда восторжествовать долженъ надъ своими искушеньми. Сквозь мрачныя тучи печалей, его обтекающихъ, я вижу блестящїе лучи моей Благодати. По сей Благодати мѣсто, на немъ же праведный поверженъ, представляетъ мнѣ возвышающїйся престолъ моея славы; черви не столько изображаютъ гнѣвъ мой, сколько благоснисхожденїе: ибо его же *любитъ Господь наказуетъ* (*). Iовъ представляетъ мнѣ изъ себя прїятнѣйшую жертву; ее прїемлю я изъ рукъ Благодати; никогда не было приносимо мнѣ прїятнѣе сего всесожженїя. И такъ шествуйте въ великїе грады, разсуждайте о великихъ людяхъ, обитающихъ въ великолѣпныхъ чертогахъ, посудите о людяхъ богатыхъ, незнающихъ мѣры въ своемъ изобилїи; естьли они не имѣютъ Благодати; я ихъ не знаю, или хотя и знаю, но для того, чтобъ наказать ихъ клятвою. Iовъ на своемъ гноищѣ несравненно величественнѣе въ очахъ моихъ, нежели безблагодатные Цари на своемъ престолѣ; Iовъ, покрытый

(*) Евр. XII. 6.

весь гноемъ, гораздо любезнѣе для моего сердца, нежели невѣрные Монархи облеченные въ порфиру.

О Благодать небесная! естьли тобою самъ Богъ благоугождается: то колико должно быть прилѣплено къ тебѣ наше сердце и помышленіе?

НАСТАВЛЕНІЕ XV

О

Соблюденіи Благодати.

Будучи озаренъ твоимъ божественнымъ свѣтомъ, я понимаю, Создателю мой! что Благодать освящающая есть для меня благо драгоцѣннѣйшее, всѣхъ нужнѣйшее, и при семъ всѣхъ паче подлежащее опасности потерянія. И такъ, чтобъ соблюсти ее, какія мнѣ должно предпринимать мѣры? Ты самъ рекъ нѣкогда устами Премудраго: тщательно соблюдай сердце, а съ сердцемъ неоцѣненное сокровище Благодати *Всяцемъ храненіемъ блюди твое сердце* (*). Но къ чему послужатъ всѣ мои старанія, естьли не подкрѣпитъ мя твоя помощь?

Благо-

(*) Прит. IV. 23.

Благодать сохранять надлежитъ съ крайнимъ раченїемъ; ибо она для насъ есть *благо* всѣхъ *драгоцѣннѣйшее*. Старанїе, употребляемое нами въ разсужденїи благихъ временныхъ, всегда должно быть сразмѣрно величїю обладаемаго нами сокровища. Сколь велико наше богатство, такое мы о немъ имѣемъ и попеченїе. Но что же для насъ составляетъ Благодать? Она есть благо изъ всѣхъ благихъ первѣйшее, величайшее, надежнѣйшее, яснѣе сказать, она токмо единая есть единственное наше сокровище: ибо Благодать есть источникъ для насъ всякаго блага. Что бо выше превосходства Благодати? Что ея сокровищъ драгоцѣннѣе? Что ея сладостей прїятнѣе и утѣшительнѣе? Мїръ душевный, спокойствїе совѣсти, тишина сердечная, святѣйшее упованїе на Бога, сїи неизъяснимыя внутреннїя услажденїя преждевременно способствуютъ къ обладанїю небесными прїятностями. Души праведныя, души вѣрныя, коихъ жребїю я завидую, что вы тогда въ себѣ ощущали, когда вы мыслили обратиться къ Богу, и взошли въ царство его Благодати? Какую сладость, какое утѣшенїе, какое спокойство? Естьли вы иногда плакали, то слезы

ваши не были ли слезы радости? День вашея печали и скорби не былъ ли щастливѣйшимъ всѣхъ прочихъ? Благодать не означала ли для васъ ту обѣтованную землю, изъ нея же течетъ медъ и млеко? Единое благо Благодать не замѣняла ли всѣ другія?

Могу ли я, Боже мой! безъ пораженія и содроганія душевнаго представить себѣ тѣ щастливыя минуты, въ которыя, озарившись твоею Благодатію, соединился съ тобою? И могу ли безъ крайнія неблагодарности отважиться на потеряніе столь неоцѣненнаго залога твоего благоутробія? Како учиню себя на вѣки недостойнымъ твоихъ даровъ и твоего милосердія?

Мы должны сохранять даръ Благодати съ великимъ стараніемъ, ибо Благодать есть для насъ благо всѣхъ нужнѣйшее. Къ чему мнѣ служить могутъ всѣ сокровища безъ Благодати? И при ней, что для меня составляютъ малая благая? Съ Благодатію я все могу снискать, и всяческая имѣю, а безъ оныя ничего не имѣю, ничего не могу исполнить, ничего не значу. Естьли бы я обладалъ всѣми сокровищами, кромѣ Благодати, то всегда бы жилъ въ крайней бѣдности; не имѣя

оныя,

оныя, пусть бы я наслаждался всѣми пріятностьми міра, всѣми земными увеселеніями; сладость и увеселеніе мое никогда не были бы совершенны. Благодать есть нужнѣйшее добро, — безъ нее я ничего не могу заслужить на небеси; всѣ мои дѣянія будутъ безплодны, всѣ добродѣтели мертвы, всѣ таланты помрачены, всѣ стези съ пути Божія совращены. Безъ Благодати я никогда не взыду на небеса, а буду вѣчно злощастенъ.

По сему-то чего не учинили, чего не претерпѣли праведники, дабы призвать или сохранить Благодать сію? Пустынножители и отшельники! что вы творите въ своемъ уединеніи, въ живѣ спогребшись въ своихъ пещерахъ и вертепахъ? Се что, вы мнѣ на сіе отвѣтствуете? Мы хранимъ безцѣнное сокровище, хранимъ въ скудельныхъ сосудѣхъ, а жизнь уединенная намъ кажется самимъ надежнѣйшимъ средствомъ, чтобъ не потерять оную. Благочестивые исповѣдники! лице ваше блѣдно, сухо, истомлено, для чего вы предаетесь такимъ строгостямъ? Воздухъ наполненъ вашими тяжкими воздыханьми, земля окроплена вашими слезами: для чего вы сіе творите? Сечто на сіе отвѣчаете

вы

вы изъ нѣдръ безмолвныхъ своихъ келій? Мы понимаемъ цѣну Благодати, и боимся своея немощи, дабы не потерять оную. Напослѣдокъ вы, непобѣдимые мученики, знаменитые подвигоположники Вѣры! для чего вы неробко шествуете на мѣсто казни? Для чего не ослабѣваете посредѣ горящаго пламени? По что жертвуете каждымъ членомъ тѣла своего раздробленію и отсѣченію? Что вынуждаетъ васъ проливать кровь свою до истощанія послѣднихъ капель? Мы умираемъ съ радостію, отвѣчаете вы, и тысячекратно пожертвовать желали бы животомъ временнымъ, только бы соблюсти вѣчную жизнь Благодати.

Сколь сіи чувствованія велики! сколь желательны! но таковы ли мои? Благодать самая мнѣ ихъ вдыхала не рѣдко: но я запечатлѣлъ ли, соблюлъ ли ихъ въ моемъ сердцѣ? Колико блаженны тѣ смертные, кои не потеряли неоцѣненнаго сокровища Благодати, сокровища, всѣхъ земныхъ превосходнѣйшаго! но кто потерялъ его, колико должен о семъ плакать и сожалѣть во всю жизнь свою, а наипаче, колико долженъ сокрушаться въ часъ смертный!

На-

Наконецъ намъ должно тщательно блюсти Благодать по тому, что она подлежитъ безчисленнымъ врагамъ и опасностямъ. Благодать есть зеркало; легкое дуновенїе можетъ затусклымъ учинить оное. Она есть цвѣтъ; малый вѣтръ можетъ сломить и изсушить его. Она есть драгоцѣнное сѣмя: не великїй вихрь можетъ поднять его и развѣять. Кромѣ сего, коль многїе враги оную окружаютъ, и какїя употребляютъ усилїя на то, чтобъ лишить насъ оныя? Внѣ насъ, — вокругъ насъ, — внутрь насъ; все служитъ къ ея истребленїю. Внѣ насъ дїаволъ, аки левъ рыкаяй, безпрестанно ищетъ поглотить добычу сїю. Вокругъ насъ — развращенный мїръ безчисленными соблазнами хощетъ насъ обольстить и уловить въ пагубныя сѣти. Внутрь насъ — тысячи насильственныхъ страстей; сїи домашнїе и паче прочихъ непримиримые враги всегда возстаютъ противъ духа нашего, непрестанно вооружаются противъ Благодати.

О даръ Божїй! даръ многоцѣнный! какъ можно сохранить тебя, когда ты окруженъ толикимъ множествомъ злодѣевъ? Какъ ты можешь существовать на сей землѣ, яко на землѣ чуждей?

Или

Или по крайности, какія непрестанныя старанія, какую строгую недреманность, какой спасительный страхъ мы должны имѣть для того, дабы при толикихъ опасностяхъ сохранить тебя?

Смертные! чего мы не предпріемлемъ въ мірѣ семъ для сохраненія хотя мало цѣнимыхъ и уважаемыхъ сокровищъ? Примѣръ стараній нашихъ о благихъ тлѣнныхъ да будетъ образцемъ *попеченій* нашихъ о сокровищѣ *Благодати.* А чтобъ больше быть на сіе расположительнымъ, сознаемся, чего мы не дѣлаемъ для соблюденія своего богатства, чести, здравія, жизни? О сихъ предметахъ стараясь, сколько употребляемъ бережливости, предосторожности, истощанія? Малая не пріятность насъ смущаетъ; не великое злоключеніе тревожитъ; при легкой болѣзни мы изъ себя выходимъ, для чего? Ибо жалѣемъ о потерѣ благихъ сея жизни. Боже, Сердцевѣдче! доколѣ сынове вѣка сего будутъ мудрѣйшими паче сыновъ свѣта благодатнаго, паче чадъ вѣка грядущаго? Великое наше ослѣпленіе, есть ли богатство, слава, здравіе, жизнь временная для насъ несравненно любезнѣе и дороже кажутся, нежели Благодать Божія, нежели жизнь вѣчная и сокровища будущаго бла-

блаженства. Къ исправленію своему предпріимемъ всѣ средства, какія разумъ и Вѣра намъ внушаютъ; для соблюденія Благодати возлюбимъ смиренïе, облобызаемъ неусыпность, пребудемъ въ молитвѣ, а наипаче да бѣжимъ далече отъ всякаго соблазна, и даже случая къ развращенïю.

Нѣтъ! я понимаю, я чувствую сïе, Боже мой! что нѣтъ столь твердой добродѣтели, нѣтъ столь крѣпкой и сильной рѣшимости, которыя бы долговременно могли стоять противъ столь многихъ опаснѣйшихъ случаевъ. Напрасно бы я положился на искренность и чистоту своего сердца, напрасно бы на непоколебимость своихъ намѣренïй: ибо естьли только покушусь, то паду; естьли ввѣрю себя случаю, то онъ меня погубитъ. Страсти свои я долженъ почитать за искру слабо погашенную, за искру, которая еще курится и при малѣйшемъ случаѣ легко можетъ воспламениться и новый произвесть пожаръ. Да бѣжимъ убо случаевъ, да молимся, да боимся; се единое средство къ соблюденïю Благодати и къ спасенïю!

И такъ вотъ что я могу говорить самъ съ собою при чувствïяхъ, сообразныхъ Вѣрѣ; вотъ что я долженъ на-

навсегда впечатлѣвать въ моемъ сердцѣ. Благодать есть столь великое благо, что естьли положить ей въ противовѣсіи всѣ богатства сего міра, чести и все ихъ сіяніе, удовольствія и всѣ ихъ прелести; то все сіе предъ Благодатію исчезнетъ и померкнетъ предъ ея свѣтомъ. Благодать есть столь великое благо, что, сказать собственно, она токмо есть единое благо, которое заслуживаетъ все наше желаніе и попеченіе, и которыя потеряніе достойно слезъ нашихъ и сокрушенія. Благодать есть столь великое благо, что его токмо, имѣя во времени, мы можемъ пренести съ собою въ Вѣчность. Благодать есть столь великое благо, что для снисканія онаго, или при опасности потерять его, мы должны жертвовать всемъ своимъ имуществомъ, сколько бы оно велико ни было; здравіемъ, сколько бы оно ни казалось драгоцѣннымъ, и самою жизнію, сколькобъ мы ее ни любили. Въ случаѣ опасности мы должны призвать себѣ на помощь Христіанское мужество и лучше должны наклонить свою главу и получить смертный ударъ; обнажить свою грудь, и не возбранять, чтобъ мечь обоюду острый прошелъ наше сердце, нежели, чтобъ

чтобъ потерять даръ Благодати. Благодать есть столь великое благо, что между предопредѣленнымъ къ славѣ и осужденнымъ на мученіе, между праведникомъ и грѣшникомъ нѣтъ инаго различія, кромѣ сего неоцѣненнаго дара. Благодать есть столь великое благо, что ничто не можетъ на землѣ подать намъ о немъ совершеннаго понятія; а чтобъ получить оное, надобно вознестись къ небесамъ, вознестись до самаго престола Божія. — Богъ, се Творецъ ея; кровь Божія, се цѣна ея; блаженство самаго Бога, се воздаяніе оныя. Наконецъ Благодать благо столь великое и драгоцѣнное, что когда мы явимся предъ лице Божіе, когда предстанемъ на судъ его: тогда, естьли мы будемъ обладать оною, судъ нашъ уже исполненъ, опредѣленіе произнесено, жребій благонадеженъ, — и хотябъ ничего мы не могли отвѣчать; Благодать за насъ возходатайствуетъ. Съ нею когда мы приближимся ко вратамъ небеснымъ, онѣ намъ отверзутся, и блаженства нашего никто же отъ насъ возметъ. О душа моя! Блюди убо сама себя неусыпно; благо изъ всѣхъ даровъ Божіихъ величайшее и драгоцѣннѣйшее храни всегда тщательно. Всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце.

Великій Боже! колико долженъ я оплакивать состояніе свое? Ты мнѣ отъ купѣли крещенія сообщилъ даръ Благодати, и я мало спустя потерялъ сіе великое сокровище. Едва свѣтъ разума озарилъ мою душу, вдругъ мракъ грѣховный обтекъ оную! Буду ли я имѣть еще время для оплакиванія грѣховъ своихъ? Когда я обращусь къ тебѣ, Боже! Ты паки по снисхожденію возвратишь мнѣ Благодать свою: но сохраню ли я оную и по семъ до конца жизни, судя по прежнему моему поведѣнію? Ибо сколь тщательно я соблюдалъ ее доселѣ? Колико-кратно и съ какою дерзостію я подвергалъ ее безчисленнымъ опасностямъ? И такъ могу ли я оную соблюсти нынѣ? Могу ли соблюсти до послѣднихъ дней моихъ? Тебя же о семъ умоляю, Боже! отъ тебя единаго ожидаю помощи и подкрѣпленія: твоя бо благость все со мною учинить можетъ. Естьли отъ нея истечетъ на меня Благодать неоцѣненная, то мнѣ на землѣ ничего уже желать не остается. Сверши моленіе мое и блаженство, Боже!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XVI.

О

Христіанскомъ упованіи.

Мы раждаемся во слезахъ, живемъ въ огорченіи, умираемъ въ болѣзняхъ; вотъ наша жизнь! Есть ли бы чаяніе лучшія доли насъ не подкрѣпляло: коль величайшее было бы наше злощастіе! единое упованіе насъ поддерживаетъ. Вотъ сугубая польза, въ двухъ горькихъ обстоятельствахъ надеждою намъ доставляемая. Упованіе *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ прискорбіяхъ нашей жизни; она *облегчаетъ* всѣ болѣзни смертныя, представляя въ Вѣчности наслѣдіе безцѣнныхъ сокровищъ. Внѣдримъ убо въ сердцахъ нашихъ сіе сладкое упованіе, умѣряющее горести нашего заточенія представленіемъ Небеснаго отечества.

Упованіе *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ прискорбіяхъ жизни сея. Міръ обыкновенно насъ безпокоитъ и огорчаетъ. Что наша жизнь на землѣ! Мы для того, кажется, здѣсь существуемъ, чтобы страдать. Скорби и мученія раждаются подъ нашими ногами. Мы всѣ течемъ по пути усѣянному терніемъ. Каждой смертный питается

хлѣбомъ слезъ своихъ. Дни наши примѣшны по однимъ злоключенiямъ. Въ каждую минуту бездна неудовольствiй хочетъ поглотить насъ. Со всѣхъ сторонъ предлежитъ намъ крестъ и мученiя. Все къ тому единственно служитъ въ мiрѣ, чтобъ жизнь нашу содѣлать несносною. Родители часто оставляютъ дѣтей своихъ безъ воспитанiя; прiятели другъ друга обманываютъ; намѣренiя наши не исполняются. Внутрь насъ самихъ сколько находится смущенiй, безпокойства, тайныхъ мученiй духа и сердца! Здравiе наше умаляется, силы тѣлесныя слабѣютъ, безчисленныя немощи хотятъ совсѣмъ сокрушить человѣка.

Мы всѣ страдаемъ. Таковъ есть удѣлъ чадъ Адамлихъ. Отъ колыбели до гроба, отъ Царя до нищаго, всѣ страдаютъ во всякое время; во всякомъ состоянiи каждой несетъ крестъ свой. Есть ли бы вопль всѣхъ страждущихъ могъ быти слышимъ во вселенной: отвсюду ничегобъ болѣе не было слышно, кромѣ горькихъ стенанiй, проистекающихъ изъ средины каждаго жилища, изъ нѣдръ каждаго семейства, изъ глубины каждаго сердца. Тамъ плачутъ родители о разлученiи съ дѣтьми своими, здѣсь соболѣзнуютъ

су-

супруги о любезныхъ мужьяхъ своихъ; тамъ немощный сокрушается въ своей болѣзни, а здѣсь бѣдный унываетъ въ нищетѣ своей; тамъ осужденникъ отчаевается въ темницѣ и во узахъ, а здѣсь невинный угнѣтается отъ злобнаго. Вотъ человѣкъ и злоключенія, на какія онъ осужденъ чрезъ все теченіе смертныя своея жизни!

Преблагій Боже! для сего ли ты произвелъ насъ въ міръ сей? Посредѣ толикаго множества злощастій нашихъ, не уже ли никогда не возсіяетъ свѣтъ утѣшенія? Спасительное упованіе, единственное средство къ облегченію нашихъ злощастій, пріиди и облегчи тяжесть нашихъ болѣзней; пріиди — и Хрістіанская надежда едва притекаетъ въ помощь нашу, въ нещастіяхъ, каковыя мы переносимъ въ сей жизни, представляетъ благая, ожидаемая въ жизни будущей. Едва она откроетъ намъ степени престола Божія, вѣнцы праведныхъ, сладости горняго Іерусалима: мракъ временныхъ злоключеній исчезаетъ. По семъ духъ успокоивается, сердце начинаетъ наслаждаться тишиною, вся душа оживляется. И подлинно, какое тогда мы чувствуемъ утѣшеніе, естьли когда можемъ такъ сами съ собою разгла-

глагольствовать: я стражду въ сей жизни, но я ожидаю отрады въ будущей; я стенаю на землѣ, но я сотворенъ для небесъ; все окончится въ семъ мірѣ, удовольствія и огорченія, радости и печали: и такъ для чего предаваться первымъ и упадать подъ тяжестію послѣднихъ? Пріидетъ день, въ которой не останется слѣда ни тѣхъ, ни другихъ. Мѣра злоключеній временныхъ исполнится, а истинная благая настанутъ за оною и въ вѣки не прейдутъ. О сладкое наступленіе вѣчности, сколь ты удобно можешь облегчить мои мученія и осушить слезы! день твоего событія, можетъ быть, скоро возсіяетъ надо мною; и се, — я его какъ бы уже созерцаю, по упованію. При семъ всѣ мои бѣдствія изчезаютъ, и изчезая втекаютъ въ назиданіе моего спасенія. Я имѣю грѣхи, должно отъ нихъ очиститься; я ожидаю вѣнца правды, должно заслужить его; я желаю достичь Небеснаго Царства, и такъ не долженъ ослабѣвать въ подвигахъ моего странствованія и изгнанія. Пусть краткая и временная жизнь моя течетъ въ слезахъ и огорченіяхъ, только бы жизнь лучшая, жизнь безконечная воспріяла меня въ свои нѣдра. При

семъ

семъ упованіи настоящія прискорбія мои не только для меня горьки и тягостны, но паче драгоцѣнны и утѣшительны.

Хрїстіанская надежда! таковы-то суть сладости, обѣщаемыя мнѣ тобою по представленіи чаши горестей. Я чувствую всю горечь оныя, и въ горечи паче обрѣтаю сладкое упоеніе.

Кромѣ сего, Хрїстіанское упованіе колико дѣйствительно противъ ужасовъ смертныхъ, ужасовъ поражающихъ насъ въ часъ наступленія собственныя кончины, или во время отлученія отъ насъ лицъ, въ жизни сей любезнѣйшихъ! Съ смертію всегда мы соединяемъ понятіе о разлученіи, оставленіи, разрушеніи, уничтоженіи: такъ мы обыкновенно судимъ о слѣдствіяхъ сего всеобщаго жребія. Но Хрїстіанское упованіе едва откроетъ наши очи, мрачная завѣса съ оныхъ спадаетъ, и въ разумѣ нашемъ возраждаются спасительныя понятія о неизмѣримой Вѣчности. При семъ все измѣняетъ видъ свой; все представляется въ новомъ образѣ. Надежда утѣшаетъ, оживляетъ и ободряетъ во всемъ человѣка. Смерть ничего не означаетъ поразительнаго: ибо уповающій человѣкъ что теряетъ умирая,

когда посредствомъ смерти онъ надѣется получить жизнь лучшую? Естьли при разлученiи съ мiромъ еще Богъ съ нами остается: то мы ничего не потеряли.

Чтожъ касается до разрушенiя, которое мы соединяемъ съ смертiю: то нѣтъ ничего несправедливѣе и обиднѣе для человѣка, какъ сiе понятiе; ибо смерть не токмо насъ не разрушаетъ и не уничтожаетъ, но напротивъ еще доставляетъ намъ новую жизнь и лучшую. Минута смерти есть истинное начало живота нашего. Мы оставляемъ жизнь гиблемую и смертную для того, чтобъ внити въ жизнь нескончаемую и непремѣнную. Душа наша, при рожденiи нашемъ на землю, снизшла какъ бы въ нѣкоторую темницу, но при смерти темница сiя распадается и душа паки преходитъ въ страну чадъ Божiихъ. О сонъ пресладкiй, вводящiй въ наслѣдiе истиннаго покоя! о минута щастливая, отъ сѣни смертныя въ жилищѣ живыхъ насъ преселяющая!

И такъ приближается ли къ намъ самимъ часъ смертный, или смерть восхищаетъ отъ насъ того, кого мы любимъ; намъ огорчаться и унывать не

не должно. Будучи одушевленъ Вѣрою, озаряемъ небеснымъ свѣтильникомъ упованія я вхожу въ домъ плача; вижу, что другъ, супруга, отецъ, сынъ, всѣ въ слезы погружены. Смерть лишила ихъ того, кого они любили: но почто вы чрезмѣрно соболѣзнуете о своей потери? Нѣжный сынъ, ты потерялъ отца своего; но въ самомъ дѣлѣ ты не потерялъ его. Онъ кончилъ свое странствованіе; онъ достигъ своего пристанища; онъ преселился въ объятія Отца Небеснаго, и тамъ за тебя ходатайствуетъ. Другъ искренній, ты лишился особеннаго друга своего, но ты не навсегда его лишился; онъ разлученъ съ тобою на время; рано или поздно онъ паки уповаетъ съ тобою соединиться. Богъ и тебя и его совокупитъ нѣкогда на вѣки. Мать, разлучившаяся съ любезнымъ исчадіемъ, навсегда ли ты съ нимъ разлучилась? Нѣтъ! ты узришь его нѣкогда въ самомъ Богѣ; онъ истекъ нѣкогда изъ нѣдра твоего, чтобъ послѣ вѣчно жить въ Господѣ. Супруга вѣрная, ты оплакиваешь безцѣннаго своего мужа, но онъ токмо предтекъ тебѣ въ достиженіи безсмертія; блаженство вѣчное и тебя ожидаетъ въ лоно свое. Се любящій тебя съ высоты небесъ призываетъ къ соеди-

диненію духовному, простираетъ къ тебѣ руки свои и хощетъ ввести тебя въ радость жениха Небеснаго. — И такъ, ктобъ мы таковы ни были, престанемъ сѣтовать объ умершихъ, яко же *неимущіе упованія* (*). Послушаемъ гласа Вѣры, воззримъ на конецъ, къ которому призываетъ насъ живая надежда, помыслимъ о жилищѣ, ею намъ пріуготовляемомъ, вообразимъ о вѣнцѣ славы вѣчныя: при семъ чаяніи огорченія временныя мы сочтемъ за удовольствія, крестъ прискорбій за милость Всевышняго, временныя злощастія за источникъ благихъ совершенныхъ, самую смерть за прехожденіе къ жизни безсмертной и нескончаемой.

Преблагій Боже! изъ твоихъ непреложныхъ обѣщаній истекаетъ сіе сладкое упованіе; подкрѣпи убо въ насъ оное Вѣрою, оживи любовію! благоволи, чтобъ мы уплодотворяли его добрыми дѣлами, молитвою, и полнымъ препорученіемъ себя самихъ въ твою святую волю. Еще нѣсколько посражаемся на землѣ со искушеньми, и побѣда введетъ насъ на Небеса торжествующими.

НАСТА-

(*) I Сол. IV. 13.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII.

О

Упованіи на Бога.

На тебя, Боже праведный, благій и сильный, на тебя единаго я уповаю! ибо кромѣ тебя на кого мнѣ положиться? Могу ли я нѣчто возмечтать о своихъ заслугахъ? Ахъ! сколь бѣденъ и грѣшенъ человѣкъ предъ очами твоими. Жизнь моя не токмо служить можетъ какимъ нибудь для меня ободренїемъ, а паче ввергаетъ въ страхъ и отчаянїе.

Могу ли я на мїръ положиться? Нѣтъ! довольно уже испытано, сколько онъ обманчивъ и вѣроломенъ. Сколь многїя души къ нему прилѣплялись и подъ конецъ плачевною учинились жертвою? Мїръ паче дѣлаетъ насъ нещастными и осужденными, нежели благополучными и оправданными.

Не могу ли я возложить упованїе мое на помощь человѣческую? Горе тому, иже утвердится на мышцѣ плоти! Немощные смертные безсильны что либо для се я самихъ содѣлать: что же могутъ совершить къ щастїю прочихъ? Нынѣ они живы, а на утро мертвы; какой же помощи над-

надлежитъ ожидать отъ бренія и праха?

И такъ на тебя единаго я могу и долженъ возлагать свое упованіе, Боже! въ тебѣ бо единомъ я нахожу сильныя побужденія и непоколебимое основаніе моея надежды.

Я уповаю на Твое безконечное милосердіе. Я знаю, что оно обращено мною во зло; но знаю также и то, что сокровище благоутробія твоего неистощимо. Множество подобныхъ мнѣ грѣшниковъ, мнѣ подобно возгнушались твоими щедротами: но егда обратились въ твои объятія, не были отвергнуты. Давидъ, - Жена грѣшница, — Манассія пребудутъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ безконечнаго твоего Милосердія. И естьли бы оно не было безконечно: то не погибли ли бъ мы всѣ безъ изъятія? Преблагій Боже! Сотвори, чтобъ всѣ мы участвовали въ дарахъ неизреченнаго твоего благоутробія: ибо въ сей токмо жизни намъ возможно оными пользоваться, а послѣ смерти наступитъ единственно царство твоего правосудія; яви убо благоутробіе свое къ душамъ нашимъ, доколѣ еще мы на землѣ обитаемъ, а правда твоя вѣчно насъ будетъ наказывать; прости рабовъ своихъ во време-

времени, и чрезъ сїе покажи, колико ты великъ во благости, такъ какъ покажешь нѣкогда, колико ты великъ въ мѣрѣ воздаянїя по дѣламъ нашимъ!

Я надѣюсь на твое милосердїе и паче всего уповаю на заслуги Iисусъ Хрїстовы. Се непоколебимое основанїе моея надежды. Покланяемый Спасителю! когда я помышляю о всемъ, что ты совершилъ и претерпѣлъ для меня: то могу ли на тебя не надѣяться?

Когда я вижу, что ты сошелъ съ небесъ на землю для спасенїя грѣшныхъ; когда я воображаю, что ты для того жилъ въ семъ мїрѣ, дабы всѣхъ привлещи къ себѣ; когда я вхожу во святый Твой храмъ, и взираю очами Вѣры на священный жертвенникъ: то въ видѣ безкровныя жертвы вижу на всякъ день тебя самаго за насъ закалаемымъ. Паче всего, когда я востекаю духомъ на Голгоѳу, и когда вижу пречистую кровь твою обильными струями истекающею на грѣшныхъ для исходатайствованїя имъ прощенїя; когда вижу божественное сердце твое прободеннымъ и развергнувшимся къ ихъ воспрїятїю, когда слышу послѣднее издыханїе твое къ небесамъ возносимымъ для примиренїя

ренїя нашего съ Существомъ Праведнымъ: како толикое множество и столь убѣдительныхъ причинъ не могутъ одушевить моея на тебя надежды? Преблагїй Боже! спаси души, толь для тебя много стоющїя; не уничтожи плодъ своихъ за насъ страданїй, Твоея крови и смерти!

Я знаю, Боже мой! чтобъ упованїе мое не было тщетно, или безмѣрно, для сего нужно мнѣ оживлять оное добрыми дѣлами, нужно соблюдать его соотвѣтствованїемъ жизни моей дарамъ твоея Благодати. Ты сотворилъ меня, мнѣ не сущу; но чтобъ спасти меня, ты не можешь безъ меня самаго. И такъ совершенно ли я рѣшился пещись о спасенїи души моея? Уповаю твердо на твою безконечную Благость; я отъ нынѣ всѣми силами потщуся почитать святый законъ твой, соблюдать твои заповѣди, презирать свои грѣхопаденїя; потщуся омыть скверну души теплыми слезами; буду непрестанно бодрствовать надъ собою; укрощу мои страсти; ограничу сильныя движенїя сердца; пребуду навсегда въ разсужденїи ближняго моего тѣмъ, чѣмъ ему желаю быть въ разсужденїи меня.

ВЪ сихЪ праведныхЪ намѣренiяхЪ да одушевляетЪ меня Благодать твоя, Боже! Я надѣюсь на твое милосердiе: Ты бо мой Создатель, Спаситель и ОтецЪ. Я уповаю, что ты простишь мои беззаконiя, простишь — сколько бы они велики ни были. Величiе преступленiй моихЪ не токмо не поколеблетЪ, но новымЪ еще послужитЪ средствомЪ кЪ укрѣпленiю моея надежды. *Очисти*, Боже! *грѣхЪ мой многЪ бо есть* (*). Сiе Пророческое слово непрестанно будетЪ истекать изо устЪ моихЪ. ЧѣмЪ болѣе и важнѣйшими кажутся грѣхи мои предЪ тобою: тѣмЪ паче можетЪ просiявать надо мною Благость и торжествовать Благодать твоя.

Я уповаю, что ты поддержишь меня вЪ моей слабости и вЪ искушенiяхЪ сей жизни; поддержишь, и я легче могу перенесть всякое прискорбiе, легче могу пройти всякое злоключенiе, легче могу побѣдить всѣ неудобства огорченiй, какiя бы отЪ твоего Промысла на меня посылаемы ни были. Все проистекающее на меня отЪ твоея отеческiя десницы, я прiиму сЪ благодарнымЪ сердцемЪ. Я упо-

(*) Пс. XXIV. 11.

уповаю, что ты прїидешь на помощь мнѣ въ часъ моей смерти; что ты не попустишь впасть мнѣ въ унынїе при отхожденїи отъ времени въ Вѣчность. Естьли когда, то въ семъ наипаче случаѣ я предвижу нужду въ подкрѣпленїи твоемъ; въ семъ случаѣ я непрестану умолять тебя о управленїи, стезей моихъ на путь святости и истины. Я уповаю наконецъ, что ты не лишишь меня Благодати своей въ семъ мїрѣ, и славы въ жизни будущей. Таковы суть побужденїя, основанїе и предметы моего на тебя упованїя. Боже! благоволи, чтобы оно содержало въ себѣ всѣ тѣ свойства, по какимъ можетъ быть прїятно предъ тобою.

Сотвори, чтобъ упованїе мое было сердечное и глубоко запечатлѣнное во внутренности души моея; сотвори, чтобъ не уста токмо, но даже всѣ чувствованїя духа моего вѣщали предъ тобою выну: *на тя Господи уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ* (*). Сотвори, чтобъ упованїе мое было твердое, и ни чтобы не удобно было поколебать оное. Сотвори, чтобъ ни люди, ни мїръ, ниже всѣ силы адовы, возставшїя

(*) Пс. LXX. 1.

шія противъ меня, не могли потрясти несомнѣнныя моея на тебя надежды. *Да не подвижуся во вѣкъ.* Сотвори, чтобъ упованіе мое было не прерываемо даже до послѣдняго моего издыханія, даже до гроба. Таковы суть желанія, съ каковыми я уповаю навсегда жить и окончать животъ мой!

А по сему взирая на безсмертную жизнь, мнѣ приуготовленную, какъ я не перенесу всѣхъ прискорбій жизни временныя? Ожидая благихъ вышенебесныхъ, какъ я привергнусь къ гиблемымъ благимъ міра сего? Взирая на царство Небесное, какъ я не сочту землю за мѣсто изгнанія? Дабы участвовать въ сладостяхъ блаженныя Вѣчности, для чего мнѣ не понесть нѣкоторыхъ изнуреніи въ теченіи краткихъ дней своихъ? Благословенныя небеса! центръ всѣхъ моихъ желаній! Будьте вы единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ намѣреній и предпріятій, единственнымъ исполненіемъ моего сердца, единственнымъ занятіемъ во всей моей жизни всѣхъ дней и минутъ, оставшихся мнѣ на оплакиваніе и возвращеніе потеряннаго блаженства.

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII

О

Хрїстїанской любви.

Любовь, — вотъ прямая добродѣтель и истинное качество Хрїстїанскаго исповѣданїя. Любовь есть основанїе, подпора и украшенїе нашея Вѣры. Она составляетъ духъ Хрїстїанства, и оживляетъ оный.

Любовь, — добродѣтель любезная. Она составляетъ связь сердецъ, сладость общества, прїятности жизни.

Любовь, — добродѣтель высокая. Она возвышаетъ наши сердца; она отверзаетъ намъ входъ въ сердцѣ Божїе; она почерпаетъ изъ него всѣ свои совершенства.

Любовь, — добродѣтель утѣшительная. Какими сокровищами и какими корыстьми не наслаждаются въ мїрѣ, соединенїи и въ согласїи, любовїю порождаемыхъ?

Любовь, — добродѣтель многоплодная. Она есть сѣмя всѣхъ другихъ добродѣтелей; она есть союзъ всякаго совершенства и исполненїе закона.

Любовь, — добродѣтель небесная. Она проистекаетъ отъ Горняго Іерусалима; ведетъ насъ къ оному; творитъ

ритъ гражданами царства Небеснаго; и обѣщаетъ обладаніе онаго.

Любовь, — естьли мы желаемъ быть истинными Христіанами, держащимися духа Евангельскаго и спребывающими въ Вѣчности чадамъ Божіимъ, для сего есть добродѣтель необходимо нужная. Безъ любви не возможно спастися. Кто чуждъ сея добродѣтели, тотъ близокъ къ осужденію.

И такъ чего не возвѣстилъ намъ Апостолъ въ разсужденіи сей великой добродѣтели? Какихъ не употребилъ хваленій къ прославленію оныя? Коль убѣдительно поучалъ преуспѣянію въ оной? Святый Евангелистъ Іоаннъ присвояетъ любви все изліяніе сердца, когда говоритъ: *да любите другъ друга* (*). Святый Апостолъ Павелъ изъявляетъ всю ревность свою въ разсужденіи сей добродѣтели, когда поучаетъ: *другъ друга тяготы носите* (**). По приверженности къ сей добродѣтели первобытнымъ Христіанамъ *бѣ сердце и душа едина* (***). Самъ Іисусъ Христосъ не проповѣдовалъ ли любве, яко новымъ закономъ, самымъ нужнымъ и ближайшимъ

(*) Іоан. XV. 17.
(**) Галат. VI. 2.
(***) Дѣян. IV. 32.

шимъ къ человѣческому сердцу, когда возвѣщалъ: *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (*). Да по чему сїю заповѣдь онъ нарицаетъ новою? Любы столь же древна, какъ и мїръ. Безъ сомнѣнїя, любы вообще и по основанїю своему взятая, столь же древна, какъ и мїръ: но любовь Хрїстїанская, проповѣданная Iисусомъ Хрїстомъ, судя по духу и по совершенству духа нашего, есть заповѣдь совсѣмъ новая: ибо оная не такъ должна быть отъ насъ къ другимъ оказываема, какъ бы къ себѣ самимъ, а какъ Iисусъ Хрїстосъ оказавъ ее къ человѣческому роду, яснѣе, съ положенїемъ души нашея за други своя. И такъ вотъ по чему любовь — есть добродѣтель совершенно новая и Божественная, добродѣтель лично Iисусъ Хрїстова по глаголу: *сїя есть заповѣдь моя, да любите другъ друга* (**).

Но кромѣ сего, что любовь есть заповѣдь новая по своему закононачальнику; она нова такъ же и божественна по своему предмету. Не ближняго, но Iисуса Хрїста самаго мы любимъ въ лицѣ ближнихъ своихъ по свидѣтель-

(*) Iоан. XIII. 34.

(*) Iоан. XV. 2.

тельству: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меншихъ, мнѣ сотвористе* (*).

Лобовь, — есть добродѣтель новая и божественная по своему примѣру подражанія. Намъ должно другъ друга любить: но какимъ образомъ? Не яко человѣку человѣка, а яко Іисусъ Христосъ возлюбилъ насъ: *да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы* (**).

Любовь, — есть добродѣтель новая и божественная по своему пространству: *речено быстъ древле: возлюбиши ближняго твоего и возненавидиши врага твоего* (***). Но Іисусъ Христосъ совсѣмъ напротивъ любовь сію проповѣдуетъ по свидѣтельству: *азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша* (****). Ибо по сему только вы можете учиниться сынами Отца небеснаго, иже яко солнце сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя. *Да будете сынове отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (*****).

И такъ сознаемся, что любовь Христіанская есть добродѣтель самая вы-

(*) Мат. XXV. 40.
(**) Іоан. XV. 12.
(***) Мат. V. 43.
(****) Мат. V. 44.
(*****) Мат. V. 45.

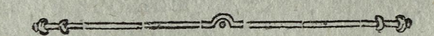
высокая: ибо оныя начало есть сердце Божїе; центрЪ, или мѣта, кЪ которымЪ она стремится, есть сердце человѣческое; исполненїе оныя есть исполненїе всего закона. *Пребываяй вЪ любви, вЪ Бозѣ пребываетЪ, и БогЪ вЪ немЪ* (*). И какЪ любы прикрываетЪ множество грѣховЪ, то такЪ же споспѣшествуетЪ кЪ преуспѣянїю во всѣхЪ добродѣтеляхЪ. *Любяй бо друга, законЪ исполни* (**).

Любовь, — на конецЪ есть столь нужнѣйшая добродѣтель, что безЪ оныя ни единая добродѣтель не вѣнчается; она составляетЪ отличительный характерЪ истиннаго Хрїстїанина и ученика IисусЪ Хрїстова. *О семЪ разумѣютЪ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (***). Добродѣтель сїя есть источникЪ нашея жизни; кто вЪ ней не пребываетЪ, тотЪ близокЪ кЪ осужденїю и кЪ смерти. *Не любяй бо брата, пребываетЪ вЪ смерти* (****). СловомЪ, любовь — есть столь нужная добродѣтель, что хотя бы творили мы чудеса, преставляли горы, предавали тѣло свое различнымЪ муче-

(*) Iоан. IV. 16.
(**) Рим. XIII 8.
(***) Iоан. XIII. 35.
(****) Iоан. III. 14.

мученiямъ и смерти, но не имѣли любви; все сiе *ничтоже есть* (*).

И такъ довольно уже мы познали, что составляетъ любовь Христiанская во очахъ Божiихъ и во очахъ Вѣры. Познали уже мы божественное ея превосходство и многоплодную необходимость; уразумѣемъ убо далѣе, какiя суть, или должны быть истинныя ея свойства. Не сiи ли, живо созерцаемыя во образѣ самаго Iисуса Христа? Не сiи ли, которыя рука его своею собственною кровiю неизгладимо начертываетъ на сердцахъ нашихъ, *да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы*? Разсудимъ!

НАСТАВЛЕНIЕ XIX

О

Свойствахъ любви.

Любовь Христiанская, чтобъ быть чистѣйшею и совершенною, должна имѣть сiи три священныя свойства. 1 е. Должна быть вышеестественна по своему началу, 2 е. всеобща по своему предмету и 3 е. успѣшна въ добродѣте-

(*) I Кор. XIII. 3.

теляхъ. Безъ сихъ свойствъ она не сообразна съ Вѣрою Откровенія и противна Богу.

Преблагій человѣколюбецъ, коего сердце есть щедрота и милость, а внутренность онаго любы и снисхожденіе, научи мя знать и исполнять добродѣтель, приличную чадамъ твоимъ!

Любовь Христіанская должна быть *вышеестественна* по своему началу, т. е. должно любить ближняго для Бога и въ лицѣ ближняго самаго Бога. Мы любимъ ближняго, но часто любовію естественною, изъ побужденій человѣческихъ. А по сему, сколько любовь наша ложна, недостаточна и Богу противна!

Мы часто любимъ другъ друга по тому, что видимъ въ другихъ нѣкоторое сходство нравовъ и характера, по тому что они намъ нравятся и намъ угождаютъ; по тому что они намъ дѣлаютъ добро, или мы оное отъ нихъ получить надѣемся. Такъ любить, не означаетъ любить по Христіански: ибо строгой язычникъ любитъ такимъ же образомъ, и до такого степени изливаетъ чувствія своего сердца. Ученицы Іисусъ Христовы! да будемъ подражателями Совершителя

теля своея Вѣры; предпрїимемъ чувствїя, любви его достойнѣйшїя. Уразумѣемъ точное различїе и великое раздѣленїе между чистою любовїю и симпатїею, между любовїю новозавѣтною и естественною наклонностїю, между любовїю и благодарностїю, между любовїю и корыстїю, между любовїю и политикою, между любовїю и соединенїемъ по плоти и крови. Будемъ точно увѣрены, что мы никакъ не можемъ любить ближняго по Хрїстїански, естьли въ ближнемъ не будемъ любить самаго Бога, т. е. естьли въ лицѣ ближняго не будемъ созерцать самого Iисуса Хрїста, отъ котораго должна проистекать любовь наша, яко отъ своего начала, и къ которому должна стремиться, яко къ концу своему.

Ты возлюбилъ насъ, покланяемый Спасителю! но какъ и какою любовїю? Ты возлюбилъ насъ любовїю вышеестественною и прямо божественною. Ничто о насъ предъ тобою не ходатайствовало, кромѣ твоея Благости. Се божественное побужденїе къ любви, тобою намъ предполагаемое! но мы столько удалены отъ любви сея, что часто или совсѣмъ недостаетъ въ насъ оныя, или хотя мы

и

и оказываемъ любовь къ ближнему, но любовь во всемъ человѣческую, естественную, постыдную. Многія недостойныя побужденія унижаютъ наши чувствованія; многія земныя пристрастія искажаютъ любовь нашу. Мы вездѣ оныя ищемъ, въ своихъ наклонностяхъ, выгодахъ, предразсудкахъ, и нигдѣ не обрѣтаемъ. Любовь втекаетъ во всѣ наши поступки, и никогда не представляется чистою добродѣтелію. Какой за сіе мы должны ожидать награды? Или вмѣсто награжденія какихъ мы должны страшиться наказаній?

Любовь Христіанская должна быть *всеобща* по своему предмету. Любовь наша должна простираться ко всѣмъ безъ изъятія: ибо всѣ смертные носятъ на себѣ имя и качество ближняго. Нѣтъ ничего обширнѣе и вмѣстѣ нѣтъ ничего сжатѣе, какъ человѣческое сердце. Оно часто прилѣпляется къ вещамъ страннымъ и опаснымъ, а удаляется отъ предметовъ любезныхъ и драгоцѣнныхъ. По Вѣрѣ судя, всю вселенную мы должны почитать за домъ Божій, всѣхъ людей за великое семейство Отца небеснаго, и по сему должны любить другъ друга, яко единоутробные братія. Отъ

сего

сего какое соединенiе сердецъ, какая тишина и какое согласiе возцарствовали бы въ мiрѣ!

Но такъ ли бываетъ? Любовь наша очень сжата; мы ее не ко всѣмъ питаемъ, а по различiю и выбору. Въ разсужденiи же прочихъ пребываемъ хладнокровны. Говорятъ многiе: какъ любить всѣхъ? Мы видимъ людей малоразсудныхъ, замаранныхъ многими проступками; одинъ заботливъ и безпокоенъ, другой сердитъ и злобенъ, третiй свирѣпъ и своенравенъ: какъ можно любить ихъ, естьли едва переносить можно ихъ свойства? Многiе говорятъ: этотъ человѣкъ имѣетъ дурной характеръ, злое сердце, а тотъ безъ всякаго чувства и обращенiя; Ангелъ съ ними не можетъ ужиться: то какъ можно человѣку? Чего не говорятъ, чѣмъ не извиняютъ хладнокровiе свое въ разсужденiи ближнихъ?

Оставивъ всѣ предубѣжденiя, да любимъ ближняго своего по ученiю Вѣры; да любимъ, не смотря на другихъ проступки, несовершенства и самые пороки, всѣхъ безъ изъятiя, якоже Iисусъ Христосъ всѣхъ насъ возлюбилъ, не смотря на нашу бѣдность и беззаконiя! Посмотримъ и разсудимъ о намъ подобныхъ; сыщемъ ли мы изъ нихъ

хотя

хотя единаго, которой бы не былъ дѣломъ рукъ Божїихъ, не носилъ на себѣ образа Божїя, и не былъ искупленъ кровїю Хрїстовою? И такъ не должны ли мы всѣхъ любить безъ изъятїя, всѣхъ, даже до единаго? Съ противной стороны, естьли исключимъ кого, то безъ сомнѣнїя исключимъ самого Iисуса Хрїста.

Судя по сему началу, колико я долженъ страшиться своего хладнокровїя, и обличать самаго себя въ стѣсненїи любви своея! Ибо могу ли я назвать прямою любовїю тѣ чувствїя сердца моего, которыя питалъ къ нѣкоторымъ изъ одного презрѣнїя и гордости? Я отдалъ сердце мое приснымъ, а отдаленные не имѣютъ части воономъ. Человѣколюбче! Ты всѣхъ насъ любишь, а я раздѣляю сердце мое; ты всѣхъ повелѣваешь любить безъ различїя, а я многихъ отъ себя отвергаю; ты узаконяешь любовь, а я паче питаю въ себѣ ненависть. Сїе ли означаетъ любовь всеобщую? Разшири мое сердце, Боже! Разверзи утробу мою, и огнь любви моея да видятъ всѣ человѣки, всѣ творенїя рукъ твоихъ, носящїе твой образъ и искупленные твоею кровїю.

Любовь Христiанская должна быть *успѣшна въ добродѣтеляхъ.* Естьли бы любовь состояла въ однѣхъ словахъ: то бы никакой вѣкъ не отличался столько въ любви, какъ нашъ. Ибо сколько мы дѣлаемъ обѣщанiй, сколько изъявленiй дружества, сколько оказываемъ ревности къ услугамъ; а въ самомъ дѣлѣ бѣдный страждетъ, немощный стонетъ, утѣсняемый воздыхаетъ! Всѣ ихъ знаютъ, всѣ видятъ и всѣ предоставляютъ ихъ судьбѣ своей, и при семъ говорятъ, что они любятъ ближняго своего. Нѣтъ! любовь не состоитъ въ словахъ единыхъ, а въ самомъ дѣлѣ. Дѣлами жива любовь, якоже и Вѣра. Безъ нихъ и та и другая мертва есть.

Да изъявляемъ ко всѣмъ любовь благодѣтельную, которая бы не въ однѣхъ токмо словахъ состояла, а въ самыхъ дѣянiяхъ; не токмо въ мнимыхъ услугахъ, а естьли нужно, въ самыхъ жертвахъ здравiя и жизни. Тако возлюбилъ насъ Iисусъ Христосъ: тако и мы должны любить другъ друга. Находятся бѣдные, поможемъ имъ; находятся немощные, постараемся объ нихъ; находятся нещастные, утѣшимъ ихъ; находятся непросвѣщенные, наставимъ оныхъ; сло-

вомъ, много есть случаевъ и средствъ къ милосердїю; преуспѣемъ въ сей добродѣтели. Въ семъ бо состоитъ любы истинная и совершенная!

Да питаемъ въ сердцѣ своемъ любовь сострадательную. Удалитесь отъ насъ сердца жестокїя, нечувствительныя, звѣрскїя. По Апостольскому слову мы должны съ плачущими плакать, съ болѣзнующими болѣзновать, во всѣхъ прискорбїяхъ собратїй своихъ, прїемля участїе, имъ сострадать и дѣлать пособїе къ облегченїю: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю* (*). — Да памятуемъ, что мы всѣ Хрїстїане и ученики пострадавшаго и умершаго за насъ Iисуса. У подножїя креста Искупителя нашего мы должны почерпать любовь истинную.

О любовь! любезная и высочайшая добродѣтель, колико ты драгоцѣнна предъ очами Божїими! Но колико ты мало извѣстна въ человѣцѣхъ и малоплодна между самыми Хрїстїанами! Ты должна быть союзомъ сердецъ, центромъ мира; а Хрїстїане по вся дни живутъ въ раздѣленїи, въ раздорѣ, въ несогласїи, въ злобѣ, въ междоусобїи, въ непрїязни. Сердца

(*) II. Кор. XI. 30.

Сердца противу сердецъ, родственники противъ родственниковъ, семейства противу семействъ, состоянія противъ состояній. О любовь! гдѣ ты найдешь себѣ убѣжище, ежели самое Христіанство есть для тебя земля чуждая? Всѣ человѣки должны жить между собою, какъ бы единаго Отца братія, другъ другу взаимно помогая, другъ друга научая, другъ друга побуждая къ добродѣтели и святости; а они живутъ для того совокупно, чтобъ паче нарушать всеобщее спокойствіе, раздирать другъ друга, обижать и доводить до гибели. Тако общество раздѣляется, соединеніе исчезаетъ, одежда Іисусъ Христова раздирается. Се горькія и плачевныя слѣдствія любви, какъ бы совсѣмъ изъ сердецъ человѣческихъ изгнанныя!

Боже, Спасителю нашъ! Для сего ли ты насъ произвелъ на землю? Отче! ты хотѣлъ всѣхъ насъ, яко чадъ своихъ заключить въ своемъ сердцѣ. Пастырю добрый! Ты желалъ, чтобъ всѣ мы были овцы единаго стада. Благоутробный Искупитель! Ты пожертвовавъ собою, предалъ себя на поносную смерть, дабы доставить намъ жизнь любви и жизнь Благодати. Но

мы сколько удалились отъ святыхъ твоихъ намѣренiй? По свойствамъ любви нашея можешь ли ты познать, что мы твои чада?

Человѣки, созданные по образу Божiю, да любимъ другъ друга любовiю чистою и сердечною. Да свидѣтельствуемъ оную паче самыми дѣлами, нежели словомъ. Да любимъ другъ друга совершенно, при всякомъ случаѣ не утруждаясь благодѣяти ближнему. Да любимъ другъ дру а безъ всякаго лицепрiятiя и предуб жденiя. Хрiстiане! престанемъ жить, яко чуждые, яко враги, а да живемъ, яко чада Божiи. Оставимъ междуусобiе, вражду и раздѣленiе невѣрнымъ, язычникамъ, невѣдущимъ царства Божiя и славы его; а мы да любимъ себя, якоже Хрiстосъ возлюбилъ насъ, якоже праведные любятъ другъ друга въ горнемъ Iерусалимѣ. Возлюбимъ другъ друга на землѣ, чтобъ быть вѣчно другъ другу любезными въ жизни будущей!

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О

Господствующей страсти.

Всѣ мы имѣемъ страсти, которыя надъ нами владычествуютъ и насъ мучатъ. Наши пристрастія часто перераждаются въ страсти. Богъ одарилъ насъ нѣжными сердечными чувствованіями съ тѣмъ, чтобъ мы оныя измѣняли въ добродѣтели; но мы сіи чувствованія обращаемъ въ страсти. Всякой изъ насъ скрываетъ въ сердцѣ своемъ корень и сѣмя всѣхъ страстей.

Между сими различными и многими страстьми есть одна, господствующая надъ всѣми прочими, которая, будучи весьма жива, сильна, насильственна, движетъ другими страстьми какъ пружинами, а по сему дѣлается какъ бы нашею душею и всего правительницею. Сія-то страсть собственно изображаетъ нашъ характеръ, нашу наклонность, наши свойства, естьли не пріидетъ къ намъ Благодать на помощь и исправленіе.

Сія страсть, смотря по различію нравовъ, характеровъ и наклонностей,

не во всѣхъ бываетъ одинакова. Черты сердца человѣческаго столько же бываютъ различны, сколько черты лица. Проступки столько же намъ свойственны, какъ и дарованія. Всякой чувствуетъ различное владычество страстей, и всякой подверженъ какой нибудь страсти, болѣе или менѣе насильственной. Но какую же страсть всякой надъ собою долженъ почитать господствующею особенно? Разсмотримъ далѣе различныя черты страстей различныхъ, и изъ нихъ которая владычествуетъ надъ нами, легко можемъ примѣтить.

Страсть господствующая въ однихъ есть *гордость*. Заразилась ли чья душа сею *страстію*; она ни о чемъ болѣе не помышляетъ, какъ объ отличеніи себя и возвышеніи предъ прочими; ни о чемъ она столько не заботится, какъ о славѣ и щастіи. И отъ сего-то въ надменныхъ примѣтно навсегда напыщеніе духа и сердца, видъ величавый и всѣхъ презирающій. Гордѣливецъ никогда не бываетъ тѣмъ доволенъ, что имѣетъ, а всегда желаетъ быть и казаться тѣмъ, чего въ себѣ не имѣетъ.

Страсть

Страсть господствующая въ другихъ есть *гнѣвъ*. Это есть огнь, возгарающїйся при всякомъ случаѣ. Это есть частое и насильственное воспаленїе волнующагося сердца и крови. Это есть воскуренїе искръ, которыя каждую минуту вылетаютъ изъ внутренности человѣческой, и удобны произвесть великой пламень. Это есть страшный громъ и разительная молнїя, которые при единомъ словѣ, при малѣйшемъ произшествїи вдругъ возраждаются, дѣйствуютъ и устрашаютъ.

Страсть господствующая въ нѣкоторыхъ есть вредная *наклонность къ злословїю*, къ ругательству, къ поношенїю, къ осужденїю прочихъ безъ всякаго снисхожденїя. Се языкъ змїиный, который испускаетъ изъ себя ядъ и горечь, которой немилосердо раздираетъ общую славу, которой собираетъ всѣ слухи и произшествїя для того, чтобъ разстроить всякое сообщество, тишину и согласїе. Правда и неправда, ложъ и истина, будущее и настоящее, другъ и непрїятель, въ присутствїи ли кто или въ отсутствїи; для него все едино; все заслуживаетъ клевету его и злобу.

 Страсть

Страсть господствующая въ иныхъ есть *нечувствительность*, небреженіе, лѣность. Погрузившись въ такое упущеніе, ни чѣмъ не занимаются, ничего не уважаютъ, ни къ чему неспособны. Дни и недѣли въ чемъ и какъ проводятъ, неизвѣстно. Всегда многое предпринимаютъ и ничего не исполняютъ; многое начинаютъ, но никогда не оканчиваютъ. Занимаются ничтожествомъ, а въ должностяхъ своего состоянія упустительны. Празднолюбствуютъ, между тѣмъ дѣтей оставляютъ безъ воспитанія, домашнихъ безъ устройства, все семейство въ безпорядкѣ. Такъ жить не означаетъ ли жить почти безъ дѣйствія, безъ чувствія и безъ души?

Кромѣ сихъ, сколь многія страсти владычествуютъ надъ многими? Подлая корысть, унижающая сердце; мучительное самолюбіе, стыдящее человѣчество; опасное многословіе, неимѣющее никакой обузданности; крайняя чувствительность, раздражающаяся всякою малостію; подлое и низкое человѣкоугожденіе, которое дѣлаетъ многихъ невольниками. Все сіе что означаетъ? Что, какъ не скопище преступленій, пороковъ, и страстей скры-

скрывающихся подъ тѣнїю страсти господствующїя? Сїи и симъ-то подобныя страсти владычествуютъ и мучатъ человѣческое сердце. По сему нѣтъ ничего нужнѣе и вмѣстѣ затруднительнѣе, какъ узнать въ точности, какая въ немъ страсть господствуетъ особенно: ибо сїя хитрая страсть тысячїю различныхъ средствъ прикрывается, а иногда показывается подъ видомъ добра и честности.

Человѣкъ тщеславный, гордый, желающїй всегда быть отличнымъ, непрестанно притворяется; всегда хочетъ показать себя добрымъ, но внутрь себя питаетъ высокомѣрїе и кичливость. Человѣкъ, заводящїй съ другими дружество подозрительное и опасное, во всемъ другимъ довѣряетъ: ибо когда сердце его стремится къ похищенїю добра чужаго; тогда за нужное онъ поставляетъ казаться простодушнымъ и искреннимъ. Человѣкъ пылкїй во гнѣвѣ всегда хочетъ показать, что онъ любитъ правду и вступается за истину. Лѣнивый упущенїе свое извиняетъ расположенїемъ къ спокойствїю. Такъ-то всѣ прикрываютъ обманчивою завѣсою господствующїя страсти; такъ-то подъ

видомъ очевиднаго добра скрываютъ опасный ядъ, или вредъ совершенный.

Не случается ли иногда, что мы не хотимъ сдѣлаться поумнѣе и узнать страсть свою для того, что узнавши оную необходимо нужно противъ оной вооружаться? И естьли мы хитрою личиною умѣемъ прикрывать наружныя черты свои: то всего легче прикрывать черты сердечныя; по сему-то всякой непрестанно въ себѣ самомъ обманывается, а слѣдственно и въ господствующей надъ нимъ страсти.

Но желаемъ ли мы подлинно узнать столь опаснѣйшаго врага своего; внемлемъ словесамъ Златоуста; вотъ по какимъ признакамъ можно познавать его. Страсть господствующая есть 1 е. начало и источникъ всѣхъ нашихъ проступковъ и за симъ беззаконій; 2 е. она разрушаетъ спокойствіе души нашей, за которымъ, сколько бы не старались возвратить его, скоро слѣдуетъ раскаяніе и мученіе совѣсти; 3 е. она есть нашъ неотступный противникъ, съ которымъ должно непрестанно сражаться, и часто многіе сражаются безуспѣшно и постыдно;

стыдно; 4 е. она болѣе всего втекаетъ во всѣ наши намѣренія, во всѣ предпріятія и дѣйствія; 5 е. она всего насильственнѣе, непреоборимѣе и труднѣе къ искорененію; и 6 е., наконецъ, при всѣхъ сихъ вредныхъ признакахъ она всего любезнѣе нашему сердцу. Вотъ изображеніе господствующія страсти!

Узнавъ такія ея свойства разсудимъ о себѣ самихъ, посмотримъ на свое сердце, нѣтъ ли въ немъ чего нибудь подобнаго? Естьли хотя единый признакъ примѣтимъ въ себѣ помянутыя страсти: то безъ сомнѣнія и прочія подъ онымъ скрываются. И такъ мы невольники; ибо господствуетъ надъ нами какая нибудь мучительница. Узнали мы точно врага своего, но сего еще мало; надлежитъ побѣдить онаго. Онъ силенъ: но мы, вооружившись Благодатію, удобно надъ нимъ возторжествуемъ. Рѣшимся токмо обезоружить противника, и вѣра подкрѣпитъ духъ нашъ.

НАСТАВЛЕНІЕ XXI

О

Слѣдствіяхъ господствующей страсти.

Сіе означаетъ великую ко мнѣ милость твою, Боже! когда ты открываешь страсть во мнѣ господствующую; ибо узнавши оную, я непремѣнно долженъ ополчаться противъ ее; иначе она содѣлаться можетъ опаснѣйшимъ источникомъ великихъ золъ, т. е. источникомъ грѣховъ, источникомъ ослѣпленія, источникомъ осужденія.

Всесильный! ополчи мужество мое противъ врага, толико вреднаго, противъ котораго я чувствую всю мою слабость. Свѣтъ Благодати твоея мнѣ его открываетъ: благоволи, чтобъ при содѣйствѣ той же Благодати я могъ побѣдить его торжественно.

Страсть господствующая можетъ быть *источникомъ грѣховъ*. Она раждается изъ дѣйствій неправильныхъ, растетъ отъ приверженности къ легкимъ проступкамъ; но когда укоренится, тогда бываетъ поводомъ къ великимъ и безчисленнымъ грѣхопаденіямъ.

ніямъ. Кто можетъ изъяснить всѣ безпорядки, неустройства и преступленія, какихъ господствующая страсть, — страсть всѣ другія одушевляющая, бываетъ всегда началомъ и причиною? Она вдыхаетъ грѣхи въ наши помышленія, питаетъ ихъ въ желаніяхъ нашего сердца, образуетъ въ намѣреніяхъ, умножаетъ въ дѣлахъ; она все наше поведѣніе чрезъ всю жизнь заражаетъ нѣкоторымъ смертоноснымъ ядомъ. Одинъ примѣръ служитъ довольнымъ увѣреніемъ въ сей истинѣ. Приведемъ его ниже, и самихъ себя да страшимся.

Соломонъ былъ предъ всѣми людьми премудрѣйшій, превосходящій всѣхъ современниковъ высокостію своихъ знаній, былъ примѣръ, удивленіе, или лучше сказать, чудо вѣка своего: но едва попустилъ онъ нѣкоторой страсти воцариться въ сердцѣ своемъ: въ какія впалъ безчинія и пороки? Страсть имъ овладѣла, — начала надъ нимъ господствовать, и — Соломонъ вдругъ дѣлается вѣроломнымъ, неблагодарнымъ, сладострастнымъ, нечестивымъ, идолопоклонникомъ. Какое измѣненіе! какой ужасъ! Соломонъ *вѣроломенъ*: ибо онъ забываетъ всѣ свои обѣщанія,

обѣщанія, толико святыя и торжественныя, колико прежде благоговѣйно были онѣ исполняемы предъ лицемъ олтаря Господня. Соломонъ *неблагодаренъ*: ибо онъ обращаетъ во зло дары Божіи, или еще важнѣе, обращаетъ ихъ въ раздраженіе своего благодѣтеля — въ противность самого Бога. Соломонъ *сладострастенъ*: ибо онъ ввергается во всѣ неистовства *студодѣйныя страсти*, *ввергается* прервавши всякую обузданность и преступая всѣ границы. Соломонъ *нечестивъ*: ибо онъ попираетъ, кажется, ногами всѣ высокія внушенія благочестія и великія таинства Вѣры, Вѣры толико имъ прежде проповѣдуемой. Соломонъ *идолопоклонникъ*: ибо онъ повергается предъ ложными богами, служеніемъ своимъ посрамляетъ поклоненіе предковъ, предъ гнусными кумирами возкуряетъ единому истинному Богу приличныя жертвы. Что его ввергло въ бездну толикихъ преступленій? Страсть господствующая, страсть, которой не воспротивившись въ началѣ, не могъ уже послѣ не покоряться. И такъ учинившись плѣнникомъ единаго врага, онъ учинился подъ конецъ узникомъ всѣхъ неистовыхъ пороковъ.

Какъ!

Какъ! человѣкъ, и человѣкъ всѣхъ мудрѣйшій подпадаетъ подъ власть и мучительство нѣкоторой страсти? Я не могу о семъ помыслить безъ стыда и воздыханія. Есть ли мы доходимъ до такого состоянія: тогда во что измѣняется нашъ разумъ со всѣми своими дарованіями? Во что обращается Вѣра со всемъ своимъ ученіемъ и закономъ?

Страсть господствующая, содѣлавшись источникомъ грѣховъ, вскорѣ бываетъ источникомъ нашего *ослѣпленія* Вообще сказать, нѣтъ столь мрачнаго облака, какъ облако страстей: однако изъ всѣхъ потемнѣній души нашея наипаче ужасна тма господствующія страсти. Когда мы освобождаемся отъ страстей не такъ сильныхъ; тогда зрѣніе наше живо, и мы все видимъ: но когда страсть владычествующая воцарится въ душѣ нашей; тогда мы ничего уже не видимъ, все для насъ темно; всѣ мы слѣпотствуемъ, заблуждаемъ, теряемся. Страсть господствующая, какъ бы завѣсу нѣкоторую налагаетъ на наши очи. При тысячи ложныхъ правилъ, при тысячи ложныхъ предразсужденій она разливаетъ нѣкоторую мрач-

мрачность въ душѣ нашей, мрачность, подъ коею скрываясь, дѣлается источникомъ безчисленныхъ заблужденій, мечтаній, поврежденій. Она запутываетъ нашъ разумъ, развращаетъ волю, соблажняетъ сердце, разстроиваетъ весь порядокъ въ человѣкѣ. Она ни о чемъ не позволяетъ ему разсуждать, развѣ объ удаленіи отъ истины; ничего не позволяетъ дѣлать, кромѣ неправды. Она не токмо ослѣпляетъ человѣка въ преступленіяхъ его, но еще увѣряетъ его въ справедливости оныхъ, и заставляетъ уважать ихъ.

Человѣкъ сладострастной имѣлъ ли когда недостатокъ въ оправданіи своего неистовства? Злобный въ причинахъ къ отмщенію, — завистливый въ одобреніи своихъ желаній, — злорѣчивый въ извиненіи своихъ хитростей и ядовитости; — словомъ, всякой преступникъ не прикрываетъ ли нѣкоторымъ мракомъ черноту души своея? А при семъ имѣетъ ли какое сомнѣніе и раскаяніе о злыхъ своихъ поступкахъ? Нѣтъ! чѣмъ онъ ни обладаетъ, ему все кажется законно; какія ни предпріемлетъ средства къ исполненію своихъ желаній, ему все

позво-

позволительно; что ни дѣлаетъ, не думаетъ, чтобъ то для другихъ было опасно и вредно. Правда, приходитъ иногда человѣкъ въ себя самого: но страсть господствующая вскорѣ опять его ослѣпляетъ; сомнѣвается онъ иногда о благоповеденіи своей жизни: но страсть вскорѣ опять его ободряетъ и успокоиваетъ. Такъ-то всѣ ввергаются въ заблужденіе! такъ-то всѣ живутъ въ обманѣ! такъ-то всѣ попуская себя быть ослѣпленными умираютъ на *осужденіе*! такъ-то исполняется мѣра всѣхъ нашихъ злощастій!

Человѣкъ обольщенный, ослѣпленный, и даже господствующей страсти до крайности порабощенный, или совсѣмъ иногда не хощетъ покаяться, или кается, но притворно и ложно. А сего что важнѣе, естьли человѣкъ умираетъ нераскаяннымъ и осужденнымъ? Да и можно ли въ сей страсти приносить покаяніе? По ослѣпленію духа всѣ уповаютъ обратиться на путь истины предъ концемъ жизни: но въ самой вещи умираютъ во грѣхѣ своемъ.

Умираютъ, ибо по пристрастію сердца боятся разорвать союзъ съ предметами

метами любезными, и такъ остаются навсегда порабощенными страстямъ своимъ, порабощенными даже до послѣдняго издыханія.

Умираютъ, ибо страшный судъ Божій ихъ ужасаетъ, а Благодать, которую они всегда отъ себя удаляли, — сей небесный свѣтильникъ имѣетъ нѣкогда озарить ихъ, но озарить паче для познанія грѣховъ, а не для исправленія въ оныхъ.

Умираютъ, ибо Діаволъ всегда ихъ соблажняющій, не престанетъ искушать ихъ даже до гроба.

Умираютъ, ибо когда чувства ослабѣютъ, духъ опадетъ, тѣло изнеможетъ: тогда поздно уже противу внутреннихъ враговъ ополчаться. Человѣкъ не иное что, какъ охладѣвшій трупъ изъ себя представляющій, что можетъ къ пользѣ души своей содѣлать духомъ?

Умираютъ, ибо человѣкъ, имѣющій свободу и силу къ размышленію, взирая на множество неистовыхъ своихъ преступленій, не приходитъ ли иногда въ ужасъ и отчаяніе? Гнусность и множество грѣхопаденій не вынуждаютъ ли его произносить тоже, что рѣкъ

рекъ нѣкогда въ отчаяніи своемъ Каинъ: преступленіе мое столь велико, что Богъ никогда не проститъ мнѣ оное; я погибъ самъ по себѣ, и Богу не возможно спасти пребеззаконнаго. *Вящшая вина моя* (*), и такъ праведно я долженъ на вѣчность оставаться осужденнымъ. О страсть господствующая! колико ты погибельна! О праведный судъ Божій! колико ты страшенъ! Гдѣ только найти слезъ, чтобъ довольно оплакать намъ свои преступленія и свое злощастіе?

Благоутробный Промыслителю! предохрани твореніе твое отъ соблазна, вводящаго всѣхъ въ крайнюю погибель. Не предаждь мя во покореніе страстямъ сердца моего, а наипаче подъ власть и мучительство страсти господствующія. Я вижу всю опасность страсти сея, но болѣе страшусь будущихъ слѣдствій оныя. Она въ началѣ льститъ мнѣ, но мало спустя ослѣпляетъ, а подъ конецъ обѣщаетъ неизбѣжную гибель. Тысячи духовъ естьли бы могли обдержать тѣло мое; я бы менѣе ихъ боялся нежели единой страсти, овладѣвшей серд-

(*) Быт. IV. 13.

рекъ н … емъ
Каинъ: … ве-
лико, ч … итъ
мнѣ оно … , и
Богу не … кон-
наго. *В* … акъ
праведно … ос-
таться … го-
сподству … ль-
на! О п … ико
ты стр … ити
слезъ, ч … имъ
свои пре … е?

Бла … ю!
предохра … ла-
зна, вво … по-
гибель. … нїе
страстя … аче
подъ вла … ити
господст … ас-
ность с … ра-
шусь буд … Она
въ нача … ало
спустя … ецъ
обѣщает … ичи
духовъ … ить
тѣло м … ся
нежели … ей'

(*) Б…

сердцемъ моимъ. Однако сего еще мало, чтобъ мнѣ познавать токмо столь вреднаго врага; даждь мнѣ, Всесильный Боже! благодать и крѣпость въ пораженiе его и въ искорененiе совершенное. Сотвори, чтобъ я отъ нынѣ никакой болѣе не имѣлъ страсти, кромѣ любви къ твоему служенiю и къ жертвованiю тебѣ всѣмъ сердцемъ и духомъ.

Конецъ II Части.

